ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

И. И. ИСАКОВ

КОМАНДИРЫ МУЖАЮТ В БОЯХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первый день войны явился для автора этой книги днем рождения его как командира. Именно в этот день, окончив военное училище, он впервые надел форму лейтенанта. Высшей школой боевого мастерства, смелости и стойкости стал для него Сталинград. Отсюда И. И. Исаков, уже во главе стрелкового батальона, пошел на запад освобождать советскую землю от немецко-фашистских захватчиков. Его воспоминания, интересные, умные, с множеством живых подробностей ярко отражают этот путь. Они воссоздают обстановку военных лет, с большой душевной теплотой рисуют образы героев, рядом с которыми воевал автор.

- Иван Исаков
  -
  - ТРУДНОЕ ЛЕТО
  - КРУТОЙ ПОВОРОТ
  - ГВАРДЕЙСКАЯ ПОЛТАВСКАЯ
  - ПОСЛЕДНИЕ БОИ
- notes
  - 1

Иван Исаков
КОМАНДИРЫ МУЖАЮТ В БОЯХ

Литературная запись А. М. Мороз

Иван Иванович
ИСАКОВ

ПОЛКОВНИК
И. И. ИСАКОВ

Командиры мужают в боях

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА · 1968

Я СТАНОВЛЮСЬ ДЕСАНТНИКОМ

вадцать второго июня 1941 года мы, выпускники Орджоникидзевского и Бакинского военных училищ, штурмовали склоны Эльбруса. С лейтенантскими кубиками в петлицах гимнастерок, вооруженные альпенштоками и ледорубами, в ботинках, подбитых шипами-триконями, мы походили на заправских альпинистов. Большинство из нас уже получили назначение в горнострелковые войска.

В разгар занятий вдруг поступил приказ вернуться в лагерь. Сводная рота под командованием старшего лейтенанта Болдарьяна быстро свернулась и направилась в Терскольское ущелье. Далеко окрест разносилось:

Если завтра война,
Если завтра в поход…

Подразделение встретил начальник лагерного сбора генерал Тарасов. Когда мы строевым шагом прошли мимо него, Тарасов наклонился к Болдарьяну и что-то сказал. Тот сразу же подал команду:

— Рота, стой! Напра-во!

Поблагодарив выпускников за хорошее исполнение песни, Болдарьян взволнованно сообщил:

— Товарищи командиры, фашистская Германия напала на нас…

Начался митинг. Генерал Тарасов был немногословен.

— Гитлеровская Германия, — сказал он, — вопреки пакту о ненападении вероломно вторглась в пределы Советского Союза, и наш долг — встать на защиту Родины.

Слушая генерала, я мысленно уже видел себя в Черновицах (ныне Черновцы) в 209-м отдельном горнострелковом полку, куда должен был направиться по окончании училища. И даже представлял, как во главе взвода пойду в атаку.

Занятый собственными мыслями, я не все слышал, что говорили выступавшие товарищи. Но общее настроение уловил: скорее на фронт. Никто из нас не сомневался, что враг будет разбит. И очень скоро.

По окончании митинга кто-то запел:

Вставай, проклятьем заклейменный
Весь мир голодных и рабов!

Запевалу дружно поддержали:

Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов…

Мы были возбуждены. Все думы, все разговоры вертелись вокруг войны. Некоторые высказывали предположение: вряд ли нам доведется воевать. Пока доедем до фронта — все кончится.

На следующее утро мы пошли в Нальчик, чтобы оттуда по железной дороге отправиться в Майкопские военные лагеря, где стояло наше Орджоникидзевское училище. Погрузились в товарные вагоны. У открытого дверного проема вместе с нами уселся старший лейтенант Болдарьян. Он участвовал в финской войне, был ранен в руку. Мы смотрели на него с почтением. Болдарьян хорошо знал военное дело, был строгим, но справедливым командиром. Курсанты уважали его и в то же время побаивались.

Под монотонный перестук колес выпускники беседовали с Болдарьяном. Каждому хотелось услышать от него практический совет, какое-то напутствие.

В Майкопе нас держали недолго. Меня вместе с несколькими лейтенантами направили в район Киева. Сначала ехали в пассажирском поезде, затем — в товарном, а от Днепропетровска — в пустом санитарном эшелоне, спешившем к фронту.

Где бы ни останавливались, чувствовалось, что все сдвинулось с места. Повсюду военные, на них топорщилась новехонькая форма — мобилизованные. На станциях толпы провожающих.

Чем ближе к Киеву, тем яснее становилось, что фронт где-то совсем рядом. На станции Васильков догорал разбитый бомбами состав, на позициях стояли зенитные пулеметы, вагоны встречных поездов, видимо, с целью маскировки, были утыканы ветками. Через раскрытые двери прибывшего санитарного поезда мы увидели первых раненых красноармейцев и командиров.

Не успели в Киеве сойти на перрон, как противно завыла сирена — сигнал воздушной тревоги, но мы вышли на привокзальную площадь с таким видом, словно для нас это привычное дело.

Кто приказал, по чьей команде — не знаю, но мы разместились в Ботаническом саду. Тут же — тысячи беженцев.

Спустя двое суток нас перебросили в Бровары, в резерв Юго-Западного фронта. Бровары были забиты войсками. Здесь

проверяли выходивших из окружения. Казалось, в такой толчее трудно чего-либо добиться. И тем не менее кто-то получал документы, распоряжался отправкой людей, командовал… Хаоса не было. Чувствовались порядок, организованность.

Не берусь сказать, сколько сотен или даже тысяч кадровых командиров, в основном командиров запаса, находилось в резерве, именовавшемся КУКС[1] Юго-Западного фронта. Меня сразу же направили в один из батальонов и назначили помощником начальника штаба. А на другой день комбат объявил, что уходит в Киевский укрепрайон и я отныне начальник штаба.

Так начался калейдоскоп назначений и перемещений. В течение первой половины июля я успел побывать и на других должностях — командира автороты, помощника начальника штаба КУКСа по караульной службе. Но вот, это было уже в августе, узнал: к нам прибыла комиссия, которая для чего-то отбирает командный состав.

Комиссия работала в блиндажах, в лесу. Ноги сами понесли меня туда. Возле одной из землянок выстроилась небольшая очередь. Я тоже встал.

Меня спросили, когда я окончил училище, как здоровье, на сколько прыгаю в высоту, и заключили: годен.

Политрук с петлицами летчика сообщил, что мы будем служить в воздушно-десантных войсках. Собрав вещи — они уместились в полевой сумке, — я поехал в свою новую часть.

14 августа 1941 года прибыл в 1-й отдельный парашютно-десантный батальон 6-й воздушно-десантной бригады 3-го воздушно-десантного корпуса, который после ожесточенных боев на ближних подступах к Киеву был выведен на отдых и пополнение. Батальон располагался в лесу, километрах в четырнадцати от украинской столицы. Представился комбату капитану Ивану Ивановичу Прошо. На вид ему было лет тридцать. Коренастый, сероглазый, с наголо бритой, как у Котовского, головой. Его тенорок звучал ровно, и ни в первый, ни в последующие дни я не слышал, чтобы он срывался на крик.

Командир батальона сказал, что у нас, десантников, должна быть очень гибкая тактика и высокая подвижность. Этому надо обучить всех своих бойцов.

Взглянув на мои петлицы, Прошо приказал:

— Получите на вещевом складе голубые петлицы и синюю пилотку.

Меня назначили помощником начальника штаба батальона. Начальником штаба был лейтенант Василий Гаврилович Андрианов.

3-й воздушно-десантный корпус состоял из трех бригад: 5-й командовал полковник А. И. Родимцев, удостоенный звания Героя Советского Союза за борьбу с фашизмом в Испании, нашей 6-й — сначала полковник В. Г. Желудев, а потом майор П. М. Шафаренко и 212-й — полковник И. И. Затевахин.

3-й воздушно-десантный корпус всегда оказывался на главном направлении — там, где решалась основная задача, где шли наиболее ожесточенные бои.

Так было и под Киевом в первых числах августа 1941 года, когда корпус вел кровопролитные бои с вражескими войсками, рвавшимися в столицу Украины вдоль шоссе Васильков — Киев. Фашисты надеялись принять участие в назначенном Гитлером на 8 августа 1941 года торжественном параде на Крещатике.

Но парад гитлеровцев в Киеве, как известно, не состоялся. И немалую роль в этом сыграли десантники. Воздушно-десантные бригады вводились в бой по мере прибытия: сначала 6-я во взаимодействии с другими соединениями 7 августа нанесла противнику чувствительный удар. Затем 8 августа 212-я энергично контратакой вала противника и задержала его наступление. Когда неприятелю удалось овладеть Сельхозинститутом, Голосеевским лесом и Мышеловкой, в бой вступила 5-я бригада, и снова враг вынужден был отступить, потеряв много солдат из парадного расчета.

Десантники контратаковали фашистов беспрерывно, и они стали панически бояться их. В связи с тем что мы носили авиационную форму, германское командование выдвинуло версию, что якобы у русских под Киевом уже совсем не осталось пехоты и они вынуждены бросать в сражение даже летчиков.

В начале сентября наш батальон на автомашинах совершил форсированный марш в район Конотопа. Поговаривали, будто нам предстоит заниматься боевой подготовкой, прыгать с парашютами и так далее. Батальону было приказано занять оборону у села Хижки, по берегу реки Сейм. Никто из нас, в том числе и комбат И. И. Прошо, тогда не знал, что на этом направлении в нашей обороне образовалась большая брешь. По приказу Ставки Военный совет Юго-Западного фронта срочно сформировал за счет своих чрезвычайно потрепанных в предыдущих боях резервов 40-ю армию, которой командовал генерал-майор К- П. Подлас. В нее вошел и 3-й воздушно-десантный корпус. Задача 40-й армии заключалась в том, чтобы не дать соединениям Гудериана прорваться в тыл войскам Юго-Западного фронта.

Несмотря на малочисленность своих дивизий и бригад, 40-я

армия оказала упорное сопротивление танковым и моторизованным дивизиям Гудериана и почти на неделю задержала их в междуречье Десны и Сейма. Намерение гитлеровского командования — перерезать коммуникации войск Юго-Западного фронта — было поставлено под угрозу срыва.

Главное направление… По сути, для солдата, для отделения, взвода, роты, да и для батальона, каждый бой является боем на главном направлении, преследующим одну цель — победить врага, одержать над ним верх. Задачи могут быть различными: то упорная оборона, то наступление, а цель в том и другом случае одна — победа.

Мы, средние командиры, добросовестно выполняли то, что нужно было сделать в данный отрезок времени на данном участке фронта — овладеть высотой, очистить от противника рощу, оборонять шоссе. На такие маленькие, частные задачи и делились главные, которые ставились высшим командованием.

Забегая вперед, должен сказать, что потом, где бы ни воевал, я всегда считал свой участок главным и старался внушить это своим подчиненным, чтобы действовать собранно, целеустремленно, с полной отдачей всех своих сил — так, как если бы от тебя одного зависело довести войну до победного конца.

Выполняя приказ, мы рыли окопы, устанавливали минометы и пушки, налаживали связь. Меня все это особенно волновало: ведь я впервые готовился к настоящему бою.

Как штабиста командиры рот пока не считали меня ни своим товарищем, ни своим начальником. В их отношении сквозило некое пренебрежение. Себя они считали заправскими десантниками, хотя я был уверен, что большинство из них и понятия не имели, как прыгают с парашютом. Подбадривало только одно — внимание комбата. Иван Иванович Прошо участвовал в боях на Халхин-Голе и в Финляндии, многому научился, в том числе и бережному отношению к людям. Теперь, по прошествии стольких лет после войны, я могу с уверенностью сказать, что он оставил меня в штабе батальона преднамеренно: хотел, чтобы я обстрелялся, привык к боевой обстановке. Ведь до того я испытал только бомбежки.

Так же заботливо относился капитан Прошо и к другим молодым командирам, щадил их и на первых порах, если позволяла обстановка, никогда не посылал в самое пекло: «Пусть пообвыкнут», Сам же вместе с начальником штаба лейтенантом Андриановым всегда находился на наиболее опасном участке.

Иван Иванович и позднее держал меня в поле зрения: стал все чаще посылать в разведку и каждый раз по-отцовски

наставлял, чтобы я не попал впросак.

Как-то зимним утром я вернулся с задания и удрученно доложил, что не сумел добыть «языка».

— Товарищ капитан, приказ не выполнил.

Вопреки ожиданию комбат не повысил голос. Все тем же спокойным своим тенорком расспросил о подробностях нашего рейда в тыл врага и заключил:

— Разве можно так докладывать? Ты со своими ребятами взбаламутил противника. Значит, задание выполнил, только «языка» не взял. Пиши донесение…

В моем сочинении он вычеркнул все, по его мнению, лишнее и заставил переписать начисто.

— Мысли надо излагать просто и ясно.

Звал он меня по фамилии. А уж если скажет «лейтенант Исаков», — значит, недоволен. Но, конечно, как я ни старался, а приходилось слышать и это сугубо официальное обращение.

Однажды ночью набилось нас в землянку человек сорок. Сидели, дремали. Не смог перебороть сон и я. И вот в этом состоянии нечаянно нажал на спусковой крючок своего автомата. Очередь прошила потолок.

— Лейтенант Исаков! — послышался гневный голос комбата. Увидев мое растерянное лицо, он ничего не добавил, и это подействовало на меня сильнее крепких слов.

Иван Иванович Прошо сорвался лишь один раз, в обстоятельствах, я бы сказал, трагических. Это было зимой на территории Курской области. Злой, колючий ветер сбивал с ног. Колонна батальона, с трудом пробиваясь сквозь пургу к Красной Поляне, напоролась на фашистов. Последние открыли ураганную пальбу. Застигнутые врасплох, наши роты не очень организованно развернулись в боевой порядок и залегли. Спустя некоторое время по общему сигналу батальон поднялся в атаку. Но, попав под прицельный огонь, а потом под удар перешедшей в контратаку фашистской пехоты, дрогнул и попятился. Что тут стало с нашим комбатом!

— На-за-а-д! — каким-то звенящим голосом закричал он.

Всем, кто видел и слышал Прошо, стало неловко. Во всяком случае, мне так показалось. Лично у меня от стыда за минутное малодушие покраснело не только лицо, но, наверное, и затылок. Сперва остановились и повернули обратно те, кто находился неподалеку от капитана, затем все остальные. Раздалось дружное «ура». Гитлеровцы сначала остановились, потом побежали.

Первой в Красную Поляну ворвалась рота младшего лейтенанта Суковицина, за ней — остальные подразделения. Не давая противнику опомниться, батальон выбил его из Красной

Поляны. Вскоре мы овладели еще несколькими населенными пунктами. Настроение у нас поднялось.

С «молниеносной» войной у неприятеля ничего не получалось. И хотя нам приходилось очень тяжело, мы не упускали случая бить врага не числом, а умением.

Капитан Прошо, с его исключительным самообладанием, способностью быстро ориентироваться в сложной обстановке, был в наших глазах идеалом командира, и я мог только радоваться, что попал под начало человека, имевшего основательную военную подготовку и обладавшего незаурядным воинским мастерством.

Прошо не совершил какого-либо подвига, но каждый день его жизни на войне, на виду у всех нас, был сродни подвигу. Не удивительно, что батальон был искренне предан своему командиру, верил в его воинский талант. И я полагаю, что именно эта вера помогла бойцам в бою за Красную Поляну преодолеть растерянность, а твердость комбата удвоила их силы и волю к победе. Ивана Ивановича Прошо не только уважали, но и любили. Наш комбат не делал для себя исключений и не пользовался никакими привилегиями, которые давало ему служебное положение. Он никогда не выпячивал перед другими свое «я», не подчеркивал, что он — начальство. У нас был установлен такой порядок: приходило время завтрака, обеда или ужина, и Иван Иванович садился есть только тогда, когда весь штаб был в сборе, конечно, если позволяла обстановка. Ни разу не съел без нас куска хлеба. Исключительно тепло он относился к солдатам. После боя непременно придет в роту, обойдет окопы, поинтересуется настроением людей. Ничто не ускользало от его зоркого взгляда. Особенно следил он за тем, чтобы никто не обижал девушек-солдат. Частенько повторял: «Они такие же воины, как и мы, только им труднее».

Взаимовыручка и боевое товарищество стали законом нашей фронтовой жизни. Несколько опережая события, хочу рассказать об одном эпизоде, который на первый взгляд может показаться малозначащим, а на самом деле отражает и характер нашего командира, и суть его взаимоотношений с нами.

Январь 1942 года. Трескучий мороз… Батальон наступал в направлении населенного пункта Головиновка. Мне было приказано собрать и сосредоточить роты. Пока бегал туда-сюда в своих хромовых, в обтяжку, сапогах, — замерзли ноги. Сунулся в штаб, стянул сапоги — они аж звенели! — стал растирать пальцы.

— Переобувайся быстрее, — торопил лейтенант Андрианов, — поведешь людей.

— Отставить! — раздался спокойный тенорок Прошо. —

Исаков никуда не пойдет, пока не будет валенок.

И он повел батальон, а меня, босого, оставил в хате.

— Пока не пришлю валенки, будь здесь.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться. Я уже привык к разрывам бомб и снарядов и при налетах больше не шарил глазами: а как другие, боятся или нет? Действовать, бить врага — вот что мне было нужнее всего. Не мог же я, в самом деле, сидеть один в пустой хате, в то время как мои товарищи шли в бой. Разодрал байковое одеяло, обмотал ноги, привязал к седлу сапоги и помчался к Головиновке. А к вечеру в батальон прислали валенки. Вот когда оценил я, что значит для солдата тепло, — и в прямом и в переносном смысле.

Бои на реке Сейм продолжались всю первую половину сентября. Мы были окружены. Соединения и части 40-й армии, в том числе и 3-го воздушно-десантного корпуса, вели бои, дававшие возможность основным силам отойти на новые рубежи. Схватки с противником продолжались и ночами. Командир 6-й бригады майор П. М. Шафаренко, умный и деятельный офицер, поставил перед нами задачу — не давать врагу ни минуты передышки, постоянно держать в напряжении, выматывать его.

— Ну, начальник штаба, как будем беспокоить противника? — спрашивал он И. А. Самчука.

Тот же вопрос обсуждался и в нижестоящих штабах. Мне его задавал И. И. Прошо. Это рождало чувство уверенности в себе: раз интересуются моим мнением, значит, и я уже стою чего-то как командир.

Нашему батальону довелось прикрывать бригаду и даже корпус. Я понял, что отходить можно по-разному: бежать, спасая собственную шкуру, или же организованно, как делали это на нашем участке, предпринимая вылазки против гитлеровцев и нанося им чувствительные удары.

Две роты — стрелковая и пулеметная, — заняв оборону на окраине села Хижки, окапывались.

Я тоже взял лопату и вырыл, как мне казалось, отличный окоп. Показал его командиру пулеметной роты лейтенанту Василию Константиновичу Цуладзе. Потом перешел к нему, взял бинокль. Неприятельские машины с солдатами неслись прямо на нас. Откуда-то ударили вражеские минометы. Одна мина угодила в мой окоп.

Фашисты попрыгали на землю и развернулись в цепь. Пулеметчики лейтенанта Цуладзе подпустили их метров на триста — триста пятьдесят, затем внезапно открыли шквальный огонь. К пулеметчикам присоединились минометчики и стрелки.

Понеся ощутимые потери, гитлеровцы отошли.

Я обратил внимание на спокойствие и четкость в действиях Цуладзе. Он не суетился и не торопил бойцов. С удивительным хладнокровием смотрел на приближавшихся неприятельских солдат — словно на его, а не на их стороне было явное численное превосходство — и только когда они оказывались на расстоянии, которое он считал наиболее выгодным для ведения прицельного огня, — давал команду.

В заботах о безупречном состоянии материальной части Василий Константинович Цуладзе никогда не упускал из поля зрения подчиненных ему людей — вовремя организовывал смену, отдых, питание. В его роте всегда, а тем более в непогодь, было где просушить портянки, согреться, а если позволяла обстановка, то и попить чаю. Заваривал его Цуладзе сам, и ничего вкуснее ароматного цуладзевского напитка я ни до войны, ни после не пробовал.

С наступлением темноты мне было приказано взять из 3-й роты взвод лейтенанта Батылова и провести разведку в направлении станции Попова Слобода — командование корпуса решило пробиваться из окружения через эту станцию. Майор Шафаренко предложил простой и смелый план. В 24 часа 17 сентября передовой отряд под его командованием выдвинется к Поповой Слободе и, замаскировавшись под немецкую колонну, войдет в нее. По сигналу Шафаренко артиллерия и минометы на центральной улице развернутся вправо и влево и обстреляют населенный пункт. Затем пойдут в атаку роты и захватят его.

Главные силы бригады должны были в пешем строю следовать за передовым отрядом и к 4 часам 18 сентября подойти к Поповой Слободе в готовности поддержать его. В случае успеха передового отряда батальонам предстояло в колоннах пройти Попову Слободу и занять оборону восточнее и западнее этого населенного пункта фронтом на север.

Перед нашей группой стояла задача разведать путь.

У ближайшего к Поповой Слободе населенного пункта взвод залег. Мы с лейтенантом Батыловым и тремя бойцами подошли к крайнему дому, постучали в ставню. На стук вышел старик. Где гитлеровцы, он не знал.

— Весь день проезжали через село. У колодца останавливались, заправляли машины водой, пили сами, стреляли гусей, а сейчас не слышно.

Противника в селе не оказалось. Мы пустили ракету, что означало — путь свободен.

Передовой отряд — в его состав вошли половина нашего батальона с пулеметной ротой, артиллерия и другие

подразделения — ехал на автомашинах. Другая часть батальона, под командованием И. И. Прошо, шла пешком. Ночью штаб корпуса изменил задачу передовому отряду, приказал не задерживаться в Поповой Слободе, а продолжать движение на Ворожбу. Но мы об этом ничего не знали!

С восходом солнца, войдя в Попову Слободу, наши подразделения увидели неподалеку от школы несколько горевших машин из отряда Шафаренко. Неприятель открыл огонь. Для нас это явилось неожиданностью. Ведь в населенном пункте должны были быть свои. Я не сразу понял, откуда стреляют.

Расчет ручного пулемета поднялся для перебежки. Но не сделав и двух шагов, наводчик упал, сраженный вражеской пулей. Зову санитаров, а второй номер кричит:

— Товарищ лейтенант, уже не нужно…

— Тащи пулемет ко мне, — приказал я бойцу.

От горевших машин отделилось несколько десантников, среди них были подросток-поваренок и две девушки— фельдшеры Люда и Лида. Фашисты обстреляли их, как мне показалось, со стороны школы. Я дал несколько коротких очередей по деревьям, затем по окнам. Из жилого дома по соседству выскочил вражеский солдат. Я сразил его. Оттуда же появился второй — его постигла та же участь. Это были первые фашисты, уничтоженные лично мною.

Огонь усиливался, теперь стреляли отовсюду: из огородов, садов, и трудно было разобраться, где свои, а где чужие.

Подошли другие наши подразделения. Комбат послал меня за комиссаром. Я видел, как тот несколько минут назад зашел в один из домов, и бросился туда. Однако там его не оказалось. Когда вышел на крыльцо, меня словно ошпарило — автоматная очередь! Упал плашмя на землю, почувствовал, что на голове нет фуражки. Она валялась неподалеку с разорванным верхом. Так, без головного убора, вернулся к комбату. Комиссар уже был здесь. Они решали, как прорваться через немецкий заслон. Здесь были и командиры, которых я не знал. Видимо, из других батальонов. Взвесив сложившуюся обстановку, Иван Иванович Прошо предложил частью сил, основу которых составит 3-я рота нашего батальона, при поддержке минометов атаковать противника в направлении юго-западной окраины Поповой Слободы и связать боем наиболее активную его группировку. Главные силы бригады тем временем должны прорваться через Попову Слободу.

В атакующую группу был включен и я. Руководил атакой комиссар батальона политрук Павлычев. После того как

командиру 3-й роты и минометчикам была поставлена задача, десантники поднялись в атаку. Шли по огородам и садам, ноги путались в картофельной ботве; подсолнухи и садовые деревья ограничивали наблюдение. Появились убитые и раненые. Мы медленно продвигались вперед. Враг усилил огонь. Из-за домов неожиданно появилось до десяти танков в сопровождении пехоты. Десантники, имея только легкое вооружение, залегли. Бой был упорным, нам удалось отбить контратаку. Это дало возможность главным силам бригады, в том числе и части нашего батальона, во главе с комбатом выйти из Поповой Слободы. Под давлением превосходящих сил неприятеля мы вынуждены были отойти к расположенным неподалеку конюшням.

Миной ранило нескольких человек. К ним бросилась санинструктор Рая, которую бойцы ласково звали Чижиком. Оказав им помощь, она поднялась:

— Товарищи, кого еще перевязать?

И тут же свалилась, прошитая короткой очередью.

Забросав вражеского автоматчика гранатами, мы помогли раненым уползти в укрытие. У конюшен нас собралось человек сто двадцать — сто пятьдесят. Эту группу объявили ротой и командиром ее назначили лейтенанта Батылова.

В небе показались самолеты противника. Они обстреляли нас и ушли. Вскоре пошел затяжной дождь.

На душе было смутно. Мне уже приходилось видеть немало смертей, но гибель Раи, нашего Чижика, как-то особенно отозвалась в сердце. Совсем недавно, в селе Хижки, мы с ней сидели в пустом классе и она пела:

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч…

И говорила:

— Выучи, а когда меня не станет, будешь напевать и вспомнишь меня. Эта песенка — подарок тебе…

Я ответил, что петь не умею, а она:

— Тогда насвистывай мотив…

Симпатичная такая девушка. И вот нет ее больше…

Ко мне подошел комиссар. Надо было организовать разведку, чтобы с наступлением темноты прорваться сквозь немецкий заслон.

Мы тщательно готовились к прорыву. Из старшего комсостава вместе с нами оказался майор Михаил Павлович Труханов, заместитель командира бригады по тылу.

Искать путь пошли сержант Иван Яковлевич Подкопай,

ефрейтор Анатолий Мазилкин и несколько бойцов. Остальные окопались в лесозащитной полосе вдоль железной дороги, определили по азимуту направление, по которому намеревались пробиться к своим войскам, и ждали наступления темноты. Всех беспокоила участь раненых. Никакого транспорта мы не имели. Надо было как-то выходить из положения.

Возвратившиеся разведчики доложили, что в ближайшем селе фашистов нет, колхозники пообещали спрятать у себя раненых. Дальние населенные пункты заняты противником. Но их можно обойти стороной.

Вечером мы переправили раненых в соседнее село, а сами под непрекращавшимся мелким дождем двинулись в направлении местечка Терны.

Чтобы обеспечить отход, майор Труханов и комиссар назначили в прикрытие 1-й и 2-й взводы.

Дождь. Черная сентябрьская ночь. Громко чавкала под сапогами грязь. Мы шли через свекловичное поле. Во тьме ноги, словно нарочно, то и дело натыкались на клубни. Но вот путь преградило какое-то болото. Понимаем, что его надо преодолеть, но не в силах сделать это. Остановились отдохнуть. Чувствую: еще мгновение— и провалюсь в небытие. И вдруг кто-то отчетливо произнес:

— Немцы!

— Где? — вырвалось сразу у нескольких бойцов.

Мы замерли. Шелестел камыш, шумел дождь.

— Я уже на суше. Болото небольшое, — послышался с противоположного берега спокойный голос майора Труханова.

Мы быстро преодолели речушку с болотистой поймой и прямо перед собой увидели овчарню. В ней оказалось сено. Выставив часового, легли спать. Но комиссар вскоре поднял нас: пока темно, надо идти.

Промокшие, облепленные комьями грязи, проголодавшиеся, мы снова поплелись полем. На ходу собирали свеклу, перезревшие огурцы, горох. Добрались до местечка Терны, повернули на Сумы, полностью оторвавшись от неприятеля.

Через некоторое время к нам присоединились прикрывавшие наш отход взводы.

Мы с комиссаром на повозке поехали в Сумы, чтобы разузнать там что-либо о своей бригаде.

Вскоре сверху послышался гул. Летел «юнкерс».

— В кювет, что ли, товарищ комиссар? — спросил я Павлычева.

— Одиночная повозка не цель для бомбардировщика, — ответил он.

Навстречу ехала телега, запряженная парой лошадей, рядом шли, пригнувшись, два мальчика-подростка.

— Наверное, думают, что это поможет, если упадет бомба…

Не успел я договорить, как раздался пронзительный свист. Мы спрыгнули с повозки и побежали прочь от дороги. Хотелось лечь в кювет — как-никак укрытие, но ноги сами несли дальше. Недалеко от дерева я упал. Прозвучали взрывы — один, другой, третий. И тишина. Уперся руками в землю, огляделся. Рядом — воронка, а я присыпан землей. Нам повезло: бомба попала в мягкий грунт и глубоко ушла в землю.

Комиссар стрелял из пистолета в валявшихся на дороге изувеченных лошадей, а я не слышал выстрелов, видел только, как дергался в его руке пистолет. Подошел ближе. Павлычев что-то говорил, а я не слышал его голоса.

Наш конь лежал с перебитыми ногами и развороченным животом. За кюветом хрипел мальчик. На губах у него пузырилась кровь. Комиссар разорвал на нем рубашку— в боку зияла дыра. Помощь уже не требовалась. Второго подростка не обнаружили. Нашли только лоскуты от его одежды.

Какая жестокость! Ни военного объекта, ни более или менее подходящей цели, просто две повозки…

В комендатуре города Сумы мы попытались уточнить обстановку. Собственно, все переговоры вел комиссар, так как я, кроме звона, в ушах, ничего не слышал. Комендант хотел было направить нас на сборный пункт, но потом дал нам место в гостинице.

Пошли с комиссаром в столовую. Еще недавно это был ресторан при гостинице. Нам подали хороший обед и даже предложили водки. С жадностью набросился я на еду. Неожиданно раздался какой-то шум, я с удивлением повертел головой и сообразил: слышу, слышу голоса людей, звяканье посуды, но лишь левым ухом.

В столовой мы встретили начальника вооружения нашей бригады и от него узнали, что соединение, в том числе и наш батальон, находится в районе города Белополье и станции Ворожба.

Насытившись, отяжелевшие, поднялись к себе в номер и завалились спать, даже не осознав в полной мере, что лежим не в окопе, не под дождем и не на ветру, а в настоящей постели — с подушкой, простынями и одеялом.

Наутро, встретив своих бойцов, направили их в Белополье. Потом я с начальником вооружения поехал в батальон.

Скромная должность помначштаба и почти полное отсутствие боевого опыта, естественно, не способствовали тому, чтобы я мог

грамотно оценить масштаб такой важной операции, как прорыв корпуса из окружения. На все, что произошло, я смотрел с батальонной «колокольни», с которой видно не очень-то далеко. Но и то, что мне удалось рассмотреть, явилось для меня серьезной боевой школой. Я обратил внимание на то, как обдуманно принимал решение на бой комбат Прошо, понял его расчет: отвлечь внимание противника атакой небольшого подразделения, с тем чтобы главные силы бригады не ввязались в Поповой Слободе в затяжной бой, так как это могло быть выгодно только фашистам, на стороне которых было преимущество. Обстановка подсказывала комбату, что ради спасения всего батальона целесообразно пожертвовать какой-то частью его. Он вынужден был пойти на это. Я ни минуты не сомневался в правильности действий командира и сделал для себя вывод: в любой обстановке можно принять решение, которое приведет к успеху. Но для этого нужно хорошо знать обстановку и уметь спокойно мыслить в самых сложных боевых условиях.

«Вот у кого, — думал я, — надо учиться воевать».

Военный совет 40-й армии дал высокую оценку действиям личного состава корпуса. В донесении политотдела 40-й армии от 26 сентября 1941 года говорилось: «18–19 сентября 3-й воздушно-десантный корпус вышел из окружения и соединился с частями армии. Выход из окружения является блестящей операцией, в которой командование корпуса и бригад, партполитаппарат и все бойцы и командиры проявили исключительное мужество, стойкость и отвагу».

Политотдел армии принял меры к широкой популяризации боевого опыта 3-го воздушно-десантного корпуса.

Спустя несколько дней, примерно в конце сентября, наша бригада заняла оборону в десяти-двенадцати километрах от Белополья. Штаб батальона разместился в крестьянской хате. В полутора километрах проходил передний край немецкой обороны.

Комбат дал мне задание добыть пленного. К тому времени у нас сформировалась внештатная разведгруппа — человек семь-восемь во главе с ефрейтором Анатолием Мазилкиным. Ее-то и подчинили мне.

Подобных задач мне еще не приходилось решать. Разведчиков вооружили трофейными автоматами. Ребята должны были уточнить расположение переднего края противника, проникнуть к нему в тыл и захватить «языка».

На вторые или третьи сутки верхом на лошади приехал сияющий Анатолий Мазилкин. Он доложил:

— Пленный есть, только ранен в ногу.

Мазилкин рассказал, что его группе пришлось схватиться с гитлеровцами. Командир их был убит, один из солдат ранен, остальные удрали. В наши руки попала сумка офицера с документами и картой. Комбат велел оказать медицинскую помощь захваченному фашисту и отправить его в штаб.

Вел себя пленный нагло. Ему наложили повязки, дали закурить и даже выпить, а откормленный двадцатилетний член «гитлерюгенда» ругался, обзывал всех свиньями.

Его доставили в штаб, уложили в кровать. Нужно было допросить, но никто из нас не знал немецкого языка. Тем не менее приступили к допросу, пользуясь примитивным русско-немецким разговорником.

Прошо спросил:

— Какой части?

— Я пехотинец, ничего не знаю.

— Сколько на вашем участке артиллерии и где она стоит?

— Не знаю.

— Сколько автоматов в роте?

— Тринадцать.

Нам показалось, что он лжет. Судя по силе огня, автоматического оружия должно быть больше. Мы считали, что у них на передовой все вооружены автоматами. Но как заставить его говорить правду? Вот когда я впервые по-настоящему пожалел, что пренебрегал уроками немецкого языка. Если бы кто-то из нас свободно владел им, мы могли бы многое узнать. «Заговорили» бы документы и карта, найденные в сумке убитого офицера.

Вспомнили, что помощник комбата по тылу интендант 3 ранга Гулис как будто бы знает немецкий. Иван Иванович Прошо позвал его. Гулис, подойдя к кровати, начал задавать пленному вопросы. Фашист лежал молча, затем плюнул в сторону Гулиса и отвернулся. Я схватился за пистолет, но капитан Прошо властно приказал:

— Отставить!

Пришлось отправить молодчика в штаб бригады. Не знаю, как комбату, но мне было обидно — потратить столько усилий, чтобы захватить «языка», и не получить от него никаких сведений.

— Бывает, — коротко заметил комбат. — Но ты не расстраивайся. Там он заговорит. И потрудились ребята не зря.

Все последующие дни, улучшая свои позиции, мы вели наблюдение за противником, время от времени вступали с ним в перестрелку, чтобы выявить его огневые точки.

16 октября я по поручению комбата проверял, как идет оборудование района обороны батальона. В это время неподалеку

от расположения роты лейтенанта Батылова разорвалось несколько вражеских снарядов. Меня что-то толкнуло в правое бедро, я прыгнул в ближайший окоп и присел на корточки. Обстрел не прекращался. Я почувствовал, как по ноге потекла кровь. Накануне мой товарищ, лейтенант-минометчик, был точно так же ранен осколком снаряда и умер. Мне пришла в голову малодушная мысль покончить с собой. Перевел предохранитель ППД на автоматический огонь. Часы показывали двенадцать. В этот момент в окоп свалился лейтенант Батылов.

— Товарищ лейтенант, ранен комиссар бригады!

Вылез из окопа. В сапоге хлюпала кровь. Поблизости лежал убитый красноармеец, рядом с ним — пулеметчик Некрасов с разорванной грудью, легкое еще дышало… Комиссар попросил:

— Вытащите меня. Разбито колено.

Я нагнулся, батальонный комиссар Назаренко навалился на мою спину, обхватил руками шею, и я потащил его. Вышел на огневые позиции минометов. Вдруг услышал: «Рыжий… Рыжий!» Потом: «Исаков!» Обернулся — ко мне бежал курсант (когда я учился в горно-металлургическом техникуме в городе Орджоникидзе и играл в духовом оркестре, у меня было прозвище Рыжий).

Одним духом он выпалил, что их военное училище тоже заняло здесь оборону. При других обстоятельствах я, конечно, обрадовался бы столь неожиданной встрече с товарищем, но сейчас мне было не до него, и я ответил только, что мне нужно донести раненого комиссара. Помочь он мне не мог: должен был вернуться к своему миномету, а я кое-как добрался до медпункта и передал Назаренко на попечение врачей.

Батальонный врач Черный перевязал и меня, велев отправляться в госпиталь. Но я остался в батальоне.

В октябре начался отход. Отход без боя — просто движение на восток по непролазной грязи. Наши роты обрастали повозками, появились верховые, кто в седле, а кто только на ленчике с подложенной попоной, кто с уздой, а кто вместо поводьев с бинтом от индивидуального пакета.

Мы двигались на восток и всей бригадой поочередно тащили полуторку со смонтированной на ней радиостанцией. Командир бригады майор Павел Менделеевич Шафаренко вместе с другими тоже толкал машину.

— Раз, два — взяли! Еще — взяли…

Красноармеец Степан Ступак, шофер, завел брошенный кем-то трактор и с его помощью вытаскивал теперь радиостанцию.

Постепенно становилось все больше и больше конных. Комбат приказал мне создать из них отдельную команду.

Я объединил конников в группу, которая всегда двигалась впереди и вела разведку.

29 октября 1941 года части корпуса вышли в район города Тим, Курской области. Этому неприметному городку, каких тысячи на необозримых просторах Советской страны, суждено было стать ареной ожесточенных сражений, потому что он оказался на пути южного крыла немецко-фашистской группы армий «Центр», нацелившейся на столицу нашей Родины Москву.

За Москву, так или иначе, дрались все советские воины. Одни — непосредственно на подступах к городу, другие — под Тулой, третьи — под Ростовом, четвертые — под Тихвином, а наш 3-й воздушно-десантный корпус — под Тимом.

Тут, как в свое время под Киевом и на Сейме, десантники действовали на главном направлении: острие стрелы, нанесенной гитлеровскими генералами на картах, упиралось в позиции нашего корпуса.

6-ю бригаду, в том числе и 1-й батальон, выдвинули далеко вперед — в район Беседино — с задачей занять и прочно оборонять рубеж Мещерские Дворы — Зорино.

Хотя роты батальона располагались на широком фронте, оборону мы подготовили крепкую. Окопы вырыли полного профиля, построили землянки, утеплив их матами, сплетенными из соломы. Организовали систему огня. Будь у нас в то время артиллерия и соседи, с которыми могли бы взаимодействовать, наверняка надолго бы задержали противника на этом рубеже. Однако средств усиления в батальоне не имелось.

15 ноября разведчики ефрейтор Мазилкин и сержант Подкопай захватили в селе Еремино пленного. Что именно он показал, не знаю, одно нам стало известно: на Тим двигались крупные силы фашистов.

Первый бой с ними завязался 18 ноября. Он был упорный. Гитлеровцы понесли большие потери, но вперед не продвинулись.

На следующее утро, после перегруппировки и двухчасовой артиллерийской подготовки, они снова пошли в атаку. Однако и она была отбита. Неприятелю все же удалось нащупать у нас слабое место — открытые фланги. Он стал обходить нас слева и справа. Создалась угроза полного окружения 6-й бригады. Мы получили приказ перейти на новый рубеж.

Отходили с ожесточенными боями. Наш батальон, как и вся бригада, не смог выйти в указанный район города Тим — фашисты оказались там раньше нас. Поэтому из села Становое мы направились к хутору Черниковы Дворы. Другие же бригады продолжали вести тяжелые бои в Тиме, не прекращавшиеся ни днем, ни ночью. Гитлеровское командование бросало туда

резервы и части, снятые с второстепенных участков.

Десять дней бились там десантники, то отражая атаки, то сами атакуя. Слова, даже самые яркие, бессильны передать накал тех дней. Но я все же попытаюсь восстановить хотя бы один эпизод.

1-му батальону, в котором осталось всего пятьдесят-шестьдесят активных бойцов, была поставлена задача — ночной атакой уничтожить противостоящего противника и ворваться в город.

Иван Иванович Прошо, обдумывая решение, потирал бритую голову.

— Если господа фашисты пронюхают, что мы идем на «вы», ничего не получится, — сказал он. — Исходное положение для атаки нужно занять абсолютно тихо, чтобы немцы ничего не заподозрили. Всех одеть в маскировочные халаты. Станковые пулеметы, товарищ Цуладзе, установите на волокуши и накройте чем-нибудь, чтобы ненароком не демаскировать. Никакие сигналы ракетами о начале атаки подаваться не будут. Сверьте часы. Успех зависит от внезапности и решительности наших действий. Для отражения контратак танков и бронемашин взять с собой побольше гранат и бутылок с горючей смесью…

Где занять исходное положение и что атаковать, нам было известно. Землянка опустела, все ушли готовиться к бою.

В назначенное время начали выдвигаться на рубеж атаки. Противник, изучив расположение нашего переднего края, послал в нейтральную зону ракетчиков, и те периодически освещали и обстреливали местность. Один такой их пост нам мешал. Его надо было убрать. Эту задачу взяли на себя сержант Михаил Ильин и ефрейтор Василий Свистун. Как только погасла очередная ракета, оба они словно растворились в темноте. Еще некоторое время ракеты продолжали взлетать, и мы уже стали думать, не наскочили ли наши посланцы на засаду… Но вот они вернулись.

— Ну, что?

— Отсветились. Жаль только, теперь правое ухо будет мерзнуть, — отозвался Ильин.

Он рассказал, как они неслышно подползли к вражескому окопу. Едва ракета погасла, Ильин и Свистун бросились на фашиста. Но их оказалось двое. Одного Свистун с ходу прикончил трофейным штыком, который всегда носил на ремне, а другой успел выпустить очередь по Ильину, но промазал: пули оторвали правое ухо у шапки-ушанки. Второго гитлеровца тоже уничтожили.

Наступило время атаки. Батальон поднялся и бесшумно

двинулся вперед. Пошли и другие части дивизии, но мы их не видели, и потому казалось, что нас бесконечно мало. Где-то справа взвилась осветительная ракета, все мгновенно упали. Как только снова стало темно, поднялись. К окопам противника приблизились незамеченными. Бой был коротким и ожесточенным. Справа и слева послышалась стрельба — вступили в бой наши соседи. В мерцающем искусственном свете виднелся Тим. Идти в гору трудно, от волнения и напряжения дыхание становилось прерывистым. Пулеметчики Цуладзе взмокли, им приходилось тяжелее, чем остальным. Вот уже совсем недалеко постройки. Неприятель встретил нас огнем. Десантники бросились вперед, стремясь зацепиться за ближайшие дома. Два или три здания вспыхнули. В свете пожара отчетливо были видны мечущиеся фигуры вражеских солдат. В бой вступили «максимы» Цуладзе, они метко били гитлеровцев. В наших руках находилось более десятка домов. В это время послышался рев моторов. Стреляя, на нас надвигалось восемь вражеских танков, за ними — пехота. Комбат приказал Цуладзе отсечь автоматчиков от танков и прижать к земле, остальным — подготовить бутылки и гранаты для борьбы с фашистскими машинами.

Летом можно быстро выкопать окоп, укрыться, и танки не так страшны. А зимой в промерзшей земле даже небольшое углубление не скоро выдолбишь. Единственная надежда на захваченные дома, из-за которых можно бросать гранаты и бутылки, да на окопы, оставленные противником.

Дрались наши бойцы самоотверженно. Десантники не щадили себя. Один из них (жаль, не помню его фамилии), подпустив вражеский танк, бросил в него бутылку— жидкость не воспламенилась, бросил вторую — тоже безрезультатно. Танк прошел через окоп, в котором находился смельчак. Тогда он выскочил, сзади вспрыгнул на танк, разбил о броню третью бутылку — машина загорелась.

Потряс меня своим прямо-таки сверхчеловеческим самообладанием и минометчик ефрейтор Колесников. Тяжело раненный, он продолжал вести огонь, и только когда атака была отбита, девушка санитарка оттащила его в укрытие. У Колесникова оказалась перебитой выше щиколотки нога, причем не просто перебита, а вырван кусок кости, и стопа висела на коже. Ему было страшно больно, он потерял много крови, девушка пыталась наложить шину, а он попросил:

— Отрежь лапу, чтобы не мешалась.

Санитарка замахала на него руками и полезла в сумку за бинтом, а он, воспользовавшись тем, что она на минуту

отвернулась, кривыми медицинскими ножницами отхватил стопу.

Десантники подожгли еще три танка. Пытаясь сбить пламя, они вертелись, бросались из стороны в сторону, потом помчались в тыл. По пути два из них взорвались.

Цуладзе свою задачу выполнил: вражеская пехота не смогла подняться, а множество гитлеровцев остались на месте навечно.

Незаметно наступил рассвет. Осмотрелись, подсчитали свои силы: они поубавились. Мы понимали: днем удержаться будет труднее, а если не удержимся, то в чистом поле не уцелеет никто.

За день удалось отразить две контратаки. К вечеру противник, получив подкрепление, снова пошел на нас. Удерживать занимаемый рубеж уже не было сил: осталось немногим более двух десятков человек. Невольно думалось, что это последний наш бой.

И вот в самый критический момент в расположении врага забухали частые, словно барабанная дробь, разрывы, сопровождавшиеся сильными вспышками. Казалось, кто-то невидимый поджег всю местность. Позиции противника были объяты дымом и огнем. Смотреть на это было жутко и в то же время радостно. Мы не знали, какое именно это оружие, но видели, что это страшное оружие, и оно — наше. Ночная атака фашистов не состоялась: атаковать было некому.

Ночью нас сменили подразделения вновь прибывшего свежего стрелкового полка. Мы были выведены в резерв. И только там услышали, что смертоносное оружие, поразившее наше воображение, носит ласковое имя «катюша». А что это реактивные минометы, мы узнали значительно позже.

За мужество и храбрость, проявленные в десятидневных кровопролитных боях за Тим, многие бойцы и командиры были удостоены правительственных наград.

И не только за это. Активные действия 3-го воздушно-десантного корпуса, а также других соединений в ноябре—декабре 1941 года сорвали планы немецкого командования и не дали ему возможности снять с этого участка фронта хотя бы часть войск для переброски под Москву. На протяжении шести-семи месяцев, вплоть до летнего наступления фашистов в 1942 году, враг не смог преодолеть сопротивления наших войск на этих рубежах.

Во время боев за Тим 3-й воздушно-десантный корпус был преобразован в 87-ю стрелковую дивизию: 5-я бригада стала именоваться 16-м стрелковым полком, 6-я — 96-м, 212-я — 283-м. В состав дивизии были введены артиллерийский полк и другие дивизионные части. Командиром дивизии был назначен Герой Советского Союза полковник Александр Ильич Родимцев.

Хотя нам удалось задержать дальнейшее продвижение неприятеля и даже понемногу теснить его, мы сознавали, что разбить гитлеровцев не просто. В конечной победе никто не сомневался, но какой ценой она будет достигнута и когда — это волновало каждого. Все мы ощущали потребность закрепить возникшее в боях чувство уверенности в своих силах. Нам бы только побольше самолетов, танков, тяжелой артиллерии — и тогда… Бывало, размечтаешься, а разрывы вражеских снарядов возвращают к действительности.

Но вот разнеслась окрыляющая весть о разгроме фашистов под Москвой.

Бои, в результате которых мы в те дни прогнали противника со станции Мармыжи и из сел Красная Поляна, Петровка и Головинка в Курской области, конечно же не могли идти ни в какое сравнение с грандиозным сражением за столицу. То были, как говорилось в сводках, бои местного значения, но каждый из них в какой-то степени способствовал выполнению общей задачи по разгрому врага.

19 января 1942 года за успешные боевые действия против немецко-фашистских захватчиков под Киевом, на Сейме и в районе Тима, за проявленную при этом отвагу и мужество, за высокую дисциплинированность и массовый героизм 87-я стрелковая дивизия была переименована в 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Наш 96-й стрелковый полк стал 39-м гвардейским стрелковым полком.

Среди нас не было человека, который не считал бы себя именинником. Звание гвардейцев налагало на каждого новые обязательства…

Я же чувствовал себя вдвойне именинником.

Совсем недавно, после того как мы вышибли фашистов из Петровки, меня приняли кандидатом в члены партии.

Партийное бюро полка заседало в жарко натопленной крестьянской избе. На бюро я шел, страшно волнуясь, сомневался: заслужил ли быть принятым в ряды ленинской партии. На столе перед членами партбюро лежала в числе других рекомендация командира батальона Ивана Ивановича Прошо. Это успокаивало, и я стал думать о том, чтобы своими боевыми делами оправдать оказанное доверие.

В тот день в партию принимали и других моих товарищей. Каждый из нас переживал этот знаменательный час, но всяк по-своему.

Меня приняли единогласно. Хотелось сказать что-то важное, глубокое по мысли, но подходящих слов не нашлось, я

засмущался и только крепко стиснул руку поздравившего меня секретаря партбюро.

ТРУДНОЕ ЛЕТО

двадцатых числах марта 1942 года 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию перебросили на харьковское направление, в район Старый Салтов, Рубежное.

Командиром 39-го гвардейского стрелкового полка вместо подполковника П. М. Шафаренко был назначен майор Иван Аникеевич Самчук, его заместителем стал майор Семен Степанович Долгов, а комиссаром полка— старший батальонный комиссар Идрис Исаакович Морозов.

В нашем батальоне тоже произошли перемены. Ивана Ивановича Прошо отозвали во вновь формируемые воздушно-десантные войска, и нам уже не суждено было встретиться: мой любимый командир вскоре погиб под Ростовом. Я сильно горевал, узнав об этом. Ведь под началом Ивана Ивановича я делал первые самостоятельные шаги. Когда он уехал от нас, думалось: авось судьба еще раз столкнет с ним. А он ушел навсегда…

Вместо И. И. Прошо комбатом назначили капитана Денисова. Несколько раньше у нас дважды сменялся комиссар. После Павлычева на этой должности некоторое время был Мартынюк. Потом прибыл старший политрук Ракчеев. Адъютантом старшим (начальником штаба) назначили меня.

Обновился и состав командиров рот.

Кто служил в армии, я уж не говорю о тех, кто воевал, могут засвидетельствовать, что должность командира роты — одна из самых тяжелых.

Уже после войны, перед окончанием Военной академии имени М. В. Фрунзе, когда я очутился перед необходимостью выбора дальнейшего своего пути и, как всегда в сложных случаях, решил посоветоваться с бывшим командиром нашего полка И. А. Самчуком, он твердо сказал, что с моим военным опытом нужно идти служить только в войска, и, обосновывая свое мнение, между прочим заметил:

— Того, кто не командовал ротой и полком, нельзя назвать офицером с большой буквы, тот вроде бы еще незавершенный офицер…

Можно соглашаться или не соглашаться с его мнением, но прислушаться к нему, как мне кажется, надо. Рота — подразделение тактическое. Помимо штатных огневых средств на

период боя ей обычно придавались пулеметы, минометы или артиллерия. Поддерживала бой артиллерийская или минометная батарея, а начиная с Курской битвы, рота все чаще наступала при поддержке танков.

Командир роты должен знать возможности участвующих в бою средств и подразделений, уметь правильно поставить им задачу и организовать их взаимодействие таким образом, чтобы все били, как говорится, в одну точку — ту самую, от которой зависит успех в данный и последующий моменты. Не случайно Самчук любил повторять, что, если хорошо воюет рота, значит, хорошо воюет и полк.

У нас в батальоне все, кто занимал эту должность, были хорошими командирами. Естественно, они были очень разные, у каждого свои, только ему одному присущие качества. При всей несхожести командирского почерка и характеров было у них и нечто общее: храбрость, правдивость, высоко развитое чувство чести. При всем желании я не в силах воскресить на этих страницах образы своих товарищей по оружию так, как они того заслуживают. Память не сохранила многих подробностей нашей фронтовой жизни. И в то же время уверен: для нынешнего поколения молодежи важно хотя бы кое-что узнать о своих отцах — живых ли, погибших ли — непосредственно от тех, кто вместе с ними боролся против немецко-фашистских захватчиков.

Заранее приношу извинения, если сведения о ком-либо будут слишком скупы и отрывочны. Да и как им не быть отрывочными! Что ни день — то бой… И перед тобой все время бесконечная вереница людей, калейдоскоп лиц. Сегодня командует ротой один, завтра другой.

Но человек не исчезает бесследно. Кто-нибудь непременно что-то знает о нем, как знаю что-то и я о том или другом своем командире или подчиненном. И если о ком-то я только упомяну, а о ком-то расскажу совсем мало, — все равно это лучше, чем вообще ничего о них не сказать.

Крепче других мне запал в память командир 3-й роты лейтенант Степан Никитович Карпенко, с которым мы провоевали вместе до января сорок третьего года. Маленький, подвижный, он, казалось, носил в себе неисчерпаемый заряд энергии: никогда не уставал, не вешал головы.

— Я сын молдавского народа, — любил повторять он при каждом удобном случае.

Улыбка редко сходила с его лица, от его ладной фигуры веяло уверенностью, словно он наперед знал, что произойдет, и что бы ни произошло, окончится хорошо.

— Почему ты всегда улыбаешься? — спросил я его

однажды. — Ведь нам частенько бывает не до смеха.

— А у меня такой характер, — беспечно ответил Степан. — Мне дед говорил, что веселый человек дольше живет. А я хочу до Берлина дойти да еще и потом посмотреть, что будет… Красивая, наверно, жизнь будет!..

Рота любила его. Лейтенанта любили за смелость, за то, что он уважал человеческое достоинство каждого бойца, верил своим людям. Его уважали и за хозяйственность. Все нужное для бойцов Карпенко припасал заранее.

— Айда, братцы, за березовым соком! — вдруг скажет он и вместе с желающими отправляется в лес за витаминами.

А то, пользуясь короткой передышкой между боями, затеет выпечку картофельных лепешек. Это вносило некоторое разнообразие в солдатское меню. К тому же ненадолго возвращало к мирному, казалось бы, далекому от войны и потому особенно милому сердцу бойцов занятию.

Всегда подтянутый, аккуратный, Карпенко следил за своей внешностью, а глядя на командира, подтягивались и бойцы. У него в роте среди молодежи считалось особым шиком стричься коротко, под бокс, оставляя впереди задорный чубчик.

— Еще немножко-немножко — и стану как Котовский, — с неизменной своей ухмылочкой подшучивал над собой лейтенант.

По возрасту он иным бойцам годился в сыновья. Его уважительное отношение к ним ценилось ничуть не меньше организаторских и боевых качеств. В подразделении было принято незлобливо подтрунивать друг над другом, а то и перекинуться соленой шуткой. Карпенко не расставался с губной гармошкой, отлично играл и, как только позволяла обстановка, устраивал концерты.

Командиру батальона было легко с ним: Карпенко мгновенно схватывал суть боевой задачи, которую перед ним ставили, ему не надо было ничего разжевывать.

Немало общего с лейтенантом Карпенко было у командира 1-й роты младшего лейтенанта Михаила Прохоровича Колядинского. Он был так же исполнителен, отличался собранностью и организованностью, действовал смело, решительно, очень заботился о своих бойцах, берег их, умел ладить с ними. Но в противоположность словоохотливому, жизнерадостному, неунывающему Карпенко Колядинский был крайне застенчив, молчалив, и, глядя на него, поначалу не верилось, что перед тобой волевой командир, участвовавший в боях на Халхин-Голе и награжденный орденом Красного Знамени.

При атаке, дав роте команду или сигнал, он поднимался и, пригнув голову, шел вперед, не оглядываясь: само собой

разумелось, раз рота атакует, значит, отстающих быть не может. И бойцы ни разу не обманули его доверия. Но то, что Колядинский зарывался и в горячке боя неизбежно оказывался в атакующей цепи, было его минусом как командира. Однако избавиться от этой привычки, крепко въевшейся, видимо, еще с сержантских времен, ему не удавалось, хотя он и знал, что командиру роты далеко не всегда надо быть в атакующей цепи, а лучше идти несколько сзади, чтобы видеть весь боевой порядок и вовремя прореагировать на изменившуюся обстановку. Разумом понимал это, а как только начиналась атака, опять рвался вперед, и всегда у него в руках кроме пистолета было еще какое-нибудь оружие: то ручной пулемет, то автомат, то снайперская винтовка.

По-своему был храбр и упорен в выполнении задачи командир 2-й роты лейтенант Иван Кузьмич Сафронов. Он не бравировал смелостью, не рисковал бойцами, но когда речь шла о выполнении боевого приказа или какого-либо распоряжения комбата, ему легче было под пули стать, чем доложить, что что-то не доведено до конца.

Человека лучше всего характеризуют его поступки. Однажды, это было уже в сорок третьем году на Курской дуге, рота штурмовала высоту. Бой шел ночью, и с НП, естественно, ничего не было видно. Все воспринималось только на слух, а слух в бою — это не глаза, и понять, как складываются дела, трудно. А тут как раз пришел командир полка А. К. Щур. Я доложил ему, что ведем бой за высоту. Постояв и послушав стрельбу, он велел мне вызвать Сафронова к аппарату. Трубку взял связист.

— Где командир?

— Впереди.

— А ты чего сидишь?

— Он сказал, чтобы я оставался у телефона.

Мне было неприятно, что командир полка стал невольным свидетелем оплошности подчиненного мне ротного командира. Я ждал замечания, а Щур, все так же напряженно вслушиваясь в бой, спросил:

— И долго он будет впереди?

— Думаю, пока не возьмет высоту.

— Тогда пойдем посмотрим, где это «впереди», — предложил командир полка. — Как пойдем: по проводу или ты так дорогу знаешь?

Он улыбнулся, а мне стало не по себе: был случай, когда мы с ним ночью пошли в 1-ю роту и он хотел взять в руку провод, чтобы не заблудиться в темноте, а я уверил его, что и так дойдем. Между тем командир роты снял с занимаемых позиций одно отделение и расположил его на фланге, где не было локтевой

связи с соседним 3-м батальоном; он еще не успел доложить мне об этом, и мы с Щуром оказались на необороняемом пространстве и едва не попали к противнику. Теперь командир полка безобидным, казалось бы, вопросом напомнил о том случае. Вывод я, конечно, тогда сделал и с тех пор придирчиво следил за обеспечением связи с ротами. Дорогу в роту я знал хорошо и уверенно сказал Щуру, что дойдем так.

Дошли. Сафронова еще не было, он как раз возвращался в свой окоп.

— Где пропадаешь, будущий комбат? — спросил его Щур.

— Был там… — Сафронов махнул рукой в сторону высоты.

— Ну и что?

— Все. Взяли.

— А чего же ты телефон бросаешь?

— Товарищ гвардии подполковник! А что я буду докладывать, когда высота еще не у нас, да и не видать ничего. Вот сейчас шел доложить…

Если Карпенко всегда светился улыбкой и сыпал шутками, если Колядинский слыл молчуном, но не был при этом мрачен и нелюдим, то командир пулеметной роты старший лейтенант Иван Лаврентьевич Самохин улыбался редко и большей частью ходил с кислой физиономией, всем своим видом как бы показывая, будто все складывается не так, как он рассчитывал.

Основательный, хозяйственный и на редкость добросовестный, он пришел к нам, если не ошибаюсь, из запаса. Вооружение свое знал, в совершенстве, пулеметы у него в любой обстановке работали безотказно, и он чрезвычайно гордился этим. Другой на его месте нет-нет да и прихвастнул бы безупречностью материальной части; Самохин же хоть и был самолюбив, чувств своих не выказывал, однако ревностно следил за тем, чтобы у пулеметчиков все было без сучка и задоринки. Бывало, доберется до расчета, чуть не до слез доведет людей, а добьется полного «ажура». Не было большего греха в его глазах, чем небрежно оборудованный окоп для пулемета. Какой бы короткой ни была остановка, он требовал, чтобы укрытия делались по всем правилам.

— Не годится, чтобы пулеметчик кланялся каждой вражьей пуле, пусть лучше это делает фашист, — втолковывал своим бойцам Самохин. — Вот и орудуйте лопаточкой. А то где я буду брать пулеметчиков?.. «Максим» — это вам не ППШ, его изучить надо. У него вон сколько возможных задержек при стрельбе, и каждую надо уметь устранить… А что пехота скажет про пулеметчиков, если мы плохо поддержим ее огнем? — монотонно бубнил и бубнил Самохин провинившемуся в чем-либо расчету.

Был он въедлив и долго помнил промахи подчиненных.

Как у каждого из нас, и у него была своя слабинка— лишний раз к расчету пулеметчиков не пойдет; по его напряженному лицу я улавливал, что он силился превозмочь боязнь. Человеку свойственно испытывать чувство страха, и ничего постыдного в этом нет, но один владеет собой лучше, другой хуже. Тем большего уважения заслуживает тот, кто, преодолевая в себе страх, продолжает добросовестно делать то, что ему велят совесть и долг солдата. Никто никогда не мог упрекнуть Самохина в том, что он отстал от роты, слишком далеко занял огневые позиции для своих пулеметов, проявил растерянность или же нераспорядительность. Напротив, его подразделение не раз выручало своим огнем других. А что он был осторожным и осмотрительным — как знать, может быть, именно за это и уважали его пулеметчики.

Как-то в минуту откровения он сказал мне:

— Вот отроешь щель, ляжешь в нее, накроешься плащ-палаткой, и вроде бы над тобой крыша в несколько накатов, не так боязно. — А потом подумал немного и добавил: — Если бы можно было солнышко (он так и сказал: солнышко) закрыть плащ-палаткой, чтобы стало темно и не бомбила фашистская авиация, мы бы давно гитлеровцев разбили…

И ведь действительно всем трудно на войне, и каждый подвергается смертельной опасности, но, пожалуй, больше, чем пехота, никто не пережил. Преимущество летчиков — скорость, высота, они доступны не всем видам оружия, непродолжительно время их пребывания над позициями противника; танкистов защищают броня, мощное вооружение; артиллеристов (не прямой наводки) — большее, чем у пехоты, расстояние от противника. А самая надежная защита пехоты — земля-матушка. Перед стрелками все время враг. Они бьются за каждую пядь земли.

Командиры понимали это и старались по возможности беречь людей. Увы, это удавалось не всегда.

«Да, нам тогда было не мед», — написал мне не так давно в письме мой фронтовой друг Михаил Иванович Ильин. И передо мной словно ожил наш штаб: за грубо сбитым дощатым столом в крестьянской хате, при тусклом свете лампы, смастеренной из снарядной гильзы, склонился над своими записями писарь Ильин. Вот он поднял коротко стриженную голову, улыбнулся какой-то своей мысли, а вслух степенно произнес:

— Дураков и в церкви бьют.

Я научился понимать его с полуслова: реплика эта как бы подводила черту под нашими размышлениями о причинах неудач и о том, что отходить надо умеючи, навязывая противнику бои,

вводя его в заблуждение.

Педагог-историк, мордвин по национальности, Ильин окончил полковую школу сержантов, а писарем стал случайно. Какие бы ни разыгрывались события, он всегда имел свое собственное мнение. Думающий, прямой, он был безупречно исполнительным и очень храбрым. Мне пришлось неоднократно ходить с ним в разведку, вместе переживать опасности. Собственно, и сблизила нас по-настоящему вылазка за «языком», которую мы предприняли в канун 24-й годовщины Красной Армии и после которой я стал верить ему как самому себе.

Было это так. Внезапно захватить пленного на переднем крае немцев нашей разведгруппе не удалось. Кто-то зацепился за проволоку. Мгновенно сработала сигнализация— и, осветив все вокруг, взвилась ракета. Неприятельский наблюдатель, за которым мы охотились, издав дикий вопль, бросился наутек. На нас обрушился ураганный ружейно-пулеметный огонь. Мы попадали в снег. Стреляли с обеих сторон.

— Окружены! — крикнул кто-то.

Но мы с Ильиным знали, что это били из трофейного оружия пулеметчики группы обеспечения, которыми командовал мой помощник младший лейтенант Сергей Фомич Белан. Стремясь отвлечь от нас внимание фашистов, он открыл шквальный огонь по переднему краю обороны противника. Мы очутились под перекрестным огнем.

Я приказал отходить.

Сильные порывы ветра, казалось, еще крепче прижимали нас к земле. Мела поземка. Непрерывно взлетали ракеты. Не то что встать, — жутко было сдвинуться с места, однако и лежать на виду тоже нельзя. Выбирая мгновения, когда ракеты гасли, разведчики отползали назад, к проходу, который проделали для нас саперы в минном поле. Я собрался уже было совершить перебежку, как в небо взвилась новая ракета. Падая, она угодила мне в спину. Сбросить ее не мог: тотчас был бы изрешечен. Догорая, ракета прожгла ватник, меховую телогрейку, гимнастерку. Наконец погасла. Несмотря на пулеметные очереди, я бросился бежать, но налетел на проволочное заграждение. Из наших здесь никого не было. Я растерялся: где проход? Еще не хватало наскочить на мину. Показалось, что надо подаваться левее. Вдруг услышал, что кто-то тихонько позвал: «Исаков… Исаков…» Присел на корточки, вгляделся — маячит чья-то фигура. То был Ильин.

— Живой? — задыхаясь, он подбежал ко мне.

Никто из нашей разведгруппы не обратил внимания на то, что меня нет, и только он бросился искать, рискуя попасть в руки

врагу, хотя, получив команду на отход, мог этого не делать, и его никогда ни в чем не упрекнули бы. С тех пор я всегда брал его в разведку и был благодарен случаю, который открыл мне Ильина.

Да, Михаил в любую минуту готов был прийти на помощь товарищам, и хотя он не имел командирского звания, к мнению и советам сержанта в батальоне прислушивались все.

Глядя на страдания израненных и покалеченных людей, он нередко повторял:

— Ошибся я в выборе специальности. Мне бы податься не в историки, а в хирурги, но я это исправлю, после войны пойду в медицинский.

К слову сказать, жизнь распорядилась Михаилом Ивановичем Ильиным по-своему. По окончании войны он попал не в медицинский институт, как мечтал, а в Военную академию имени М. В. Фрунзе и стал кадровым офицером.

Командиром санитарного взвода в нашем батальоне был старший лейтенант Константин Иванович Птахин. Под его началом находились три санинструктора: Анастасия Федоровна Фомина, Антонина Михайловна Гладкая и Зина (фамилию и отчество запамятовал). В ходе боев Зина была тяжело ранена, ее отправили в тыл. Анастасия вскоре вышла замуж за Птахина, осталась в батальоне и по-прежнему спасала жизнь раненым воинам, а Антонина Михайловна Гладкая переквалифицировалась. Она стала сначала наводчицей 76-миллиметрового орудия, а потом командиром расчета 120-миллиметрового миномета.

Хотя и не девичье это дело — передний край, многие мужчины могли позавидовать Антонине Гладкой, ее храбрости и спокойствию в бою, количеству истребленных ею оккупантов.

Она появилась среди десантников, как и другие девушки-киевлянки, в дни, когда фашистские захватчики стремились с ходу овладеть Киевом.

Почему-то все сразу стали называть ее Ниной.

Бои развернулись в районе Сельскохозяйственного института, и такие жаркие, что ни о каком обучении девушек-добровольцев, хотя бы стрельбе и способам маскировки, не могло быть и речи. Нина, видимо не отдавая себе отчета в подстерегавших ее на каждом шагу опасностях, как ни в чем не бывало, словно всю жизнь только этим и занималась, под огнем перебегала от одного раненого к другому, перевязывала, оттаскивала в безопасное место.

В наш батальон она попала уже после того, как противник, понеся большие потери, откатился от Киева, а мы расположились на короткий отдых в лесу, неподалеку от Бровар. Возбужденные

недавним сражением, бойцы шутили, обменивались впечатлениями. Когда кто-то упомянул имя Нины, глаза бойцов потеплели. Они безоговорочно приняли смелую девушку в свою солдатскую семью и в свое сердце.

В топорщившейся, туго подпоясанной широким солдатским ремнем гимнастерке с голубыми, под цвет глаз, петлицами, в кирзовых, с непомерно широкими голенищами, сапогах, Нина сидела под могучей сосной с раскрытой санитарной сумкой на коленях и старательно укладывала бинты и индивидуальные пакеты. Она не сразу заметила меня.

— Готовишься?

— Наверное, снова скоро понадобятся. Вы же в штабе, знаете.

Что я мог знать?.. Но чтобы не обнаружить перед девушкой своей неосведомленности, в свою очередь задал ей вопрос:

— Не страшно было выносить раненых?

— Нет. — И призналась: — А вот крови боюсь. И еще когда человек умирает.

— Кто же у тебя в Киеве остался? — поинтересовался я.

— Мама… Наверное, с ума сходит от беспокойства. Я ведь ушла, ничего ей не сказав. Боялась, не отпустит…

С тех пор Нина была с нами. В боях на Сейме, в районе Конотопа, она вынесла из-под огня около сорока раненых.

К тому времени нам стало известно имя бесстрашной разведчицы-киевлянки Маши Боровиченко из соседней бригады. Но наши бойцы, ревниво оберегая славу Нины, справедливо считали, что она нисколько не уступает в храбрости Маше, а ее дело на войне не менее важно, чем разведка. Если Нину хвалили, она обычно отмахивалась:

— Нашли о чем говорить!

В часы затишья бойцы старались отвести для нее лучшее место в хате или в землянке, делились своим солдатским пайком, припасали для нее сахар, она очень любила сладкое. Повар Гусев не мог пропустить случая, чтобы не поддразнить:

— Нин, а Нин! У меня целая голова сахара есть. В фиолетовой такой бумаге…

— Дай, Гусев, — просила она.

— Сколько хочешь! — щедро обещал он и ставил только одно условие: — Переходи работать на кухню.

— Не пойду на кухню, а сахару дай…

Покуражившись, Гусев лез в свой сидор и, к удовольствию Нины и всех присутствующих, торжественно извлекал заранее приготовленный, аккуратно завернутый в бумажку сахар и предупреждал:

— Ну, смотри, в остатный раз угощаю. Теперь получишь

только, если станешь моей помощницей.

Но походной кухне Нина предпочитала поле боя.

Наш новый батальонный комиссар старший политрук Михаил Ильич Ракчеев, с которым меня надолго связала и крепко сдружила фронтовая жизнь, очень скоро стал душой батальона. Его заботило все: не замерзли ли люди в боевом охранении и как их обогреть, не пора ли устроить для бойцов баню и навести чистоту в домах, где они размещались… В видавшем виды ватнике, плотно облегавшем его богатырскую фигуру, он ходил из роты в роту, подсказывал, как занять оборону, а если видел, что людям не все понятно, брал в руки лопату и показывал, как ловчее окопаться или же прорыть ход сообщения между траншеями.

— Придет время, — говорил он бойцам, — и мы с вами пойдем вперед, на запад. А сейчас нужно сделать так, чтобы наша оборона была неприступной для врага.

— Тяжело этак… все рыть, рыть да рыть, — заметил однажды кто-то.

— А на войне, друг, ничего нет легкого, — откликнулся комиссар. — Окопы и траншеи полного профиля нужны для того, чтобы меньше было потерь.

Комиссар не упускал случая лишний раз проверить, хорошо ли оборудованы блиндажи и землянки, могут ли люди в них отдохнуть и просушиться, написать письмо, прочитать газету. Каждую свободную минуту проводил он с солдатами, во время боев тоже был вместе с ними. И люди ценили это, шли к нему с открытым сердцем.

Один боец получил из дому известие о несчастье, случившемся с его женой. С кем поделиться горем? Конечно, с комиссаром. Ракчеев знал, что там осталось трое детей, и, хотя отпусков тогда никому не предоставляли, добился, чтобы бойцу разрешили съездить домой.

Казалось, Ракчеев двужильный: всегда на ногах, всегда там, где трудно, где что-то не решено. А ведь он уставал, как и все мы…

И внешне он был симпатичен, хотя и громоздкий. Светлые добрые глаза его видели человека насквозь. Сказать ему неправду или же увильнуть от прямого ответа было невозможно. Выдержанный, уравновешенный, он словно излучал на окружающих спокойствие и уверенность.

Ко мне, молодому командиру, он относился внимательно и чутко, вовремя подсказывал, как в том или другом случае лучше поступить.

Ракчеев не отличался красноречием, а как его слушались, как ему верили! Меня прямо-таки поражало его умение подбодрить бойцов. На Северо-Донецком плацдарме у нас сложилось чрезвычайно тяжелое положение с подвозом продовольствия. Много дней сидели без соли, и все, что ни готовили, получалось таким невкусным, что застревало в горле. Некоторых даже тошнило. Комиссар ел вместе со всеми. Уже один вид Ракчеева, его завидный аппетит настраивали бойцов на более оптимистический лад.

Михаил Ильич Ракчеев стойко переносил тяготы и невзгоды войны, был твердо убежден в нашей победе и эту убежденность внушал другим.

— Мы вступили в партию большевиков не ради каких-то привилегий, а в соответствии со своими убеждениями, — любил повторять он. — Нам выпала великая историческая миссия проложить путь к коммунизму. Фашисты прервали мирный труд нашего народа. Родина в опасности. Но советские люди верят партии, верят коммунистам, верят каждому, кто представляет партию. Мы должны служить образцом для всех, не должны щадить жизни для достижения победы над фашизмом.

Особенно внимателен был он к молодежи, прибывавшей к нам на пополнение из среднеазиатских республик.

— Помните, — наставлял он ротных командиров, — многие из них плохо знают русский язык, к тому же еще не обстреляны. Подходите к каждому индивидуально, делитесь с ними боевым опытом, берите над ними шефство и учите их, как надо уничтожать оккупантов всеми средствами. Днем и ночью. В наступлении и в обороне. В любое время года. Спокойно смотреть мы можем только на убитых и пленных, а на остальных врагов, пока они на пашей территории, следует смотреть только через прорезь прицела и не забывать, что на спусковой крючок нужно нажимать плавно…

Ровно, спокойно, убежденно говорил он с нами в любой обстановке. Мы знали: если надо, комиссар всегда поможет. Крепко выручил он нас однажды, когда нам позарез понадобился «язык», а взять его никак не удавалось. Ракчеев пошел в роты, вернулся ночью:

— Я сюрприз фашистам приготовил, не знаю, что получится.

Вместе с бойцами 3-й роты Ракчеев перед самыми окопами оплел деревья колючей проволокой, оставив один проход. Впереди выставили секрет из четырех человек.

Среди ночи меня разбудила ружейно-пулеметная трескотня. По звуку определил: свои. Гитлеровцы ответили. И снова тишина. Ильин помчался в 3-ю роту. Дозвониться туда мы не смогли.

Потом увидели: командир взвода сержант Анохин, он же парторг роты, Ильин и еще один боец тащат пленного. «Молодец сержант, — думаю, — хватило выдержки». Он пропустил немцев мимо секрета. А когда те почти вплотную подошли к проволоке, открыл огонь. Выскочив через оставленный проход, он подхватил раненого неприятельского солдата и отволок его за проволоку. Другой — обер-лейтенант — был убит. У офицера нашли письма, карту и альбом порнографических снимков.

Благодаря «сюрпризу» Ракчеева в наших руках оказались пленный и документы. Убитый обер-лейтенант командовал взводом тяжелых пулеметов. Из его письма к родным мы узнали, что он только сегодня прибыл из Берлина и попросился в разведку. От «языка» мы получили более ценные сведения…

Вероятно, верили и доверялись комиссару бойцы еще и потому, что сам он тоже очень верил людям. Это проявлялось на каждом шагу.

Вышел, например, из строя, получив ранение, командир взвода. Я потребовал замены. Ракчеев посоветовал:

— Да назначь сержанта. Ведь он с нами уже пуд соли съел…

И сержант действительно оказался надежным командиром.

Бывало, придет Ракчеев в роту, а там полно фашистских листовок: накидали с самолетов. Листовки эти полагалось уничтожать, а по одному экземпляру направлять комиссару полка, о чем, естественно, все знали. Но как ни агитируй, человек есть человек, и, прежде чем листовку уничтожить, он ее все равно прочтет. Другое дело, как он будет реагировать на прочитанное.

И Ракчеев спрашивал без обиняков:

— Ну что там нового пишет Гитлер, опять, наверное, советует убивать комиссаров и коммунистов? Спасать от большевиков Россию? Воткнуть штык в землю и прекратить сопротивление?

Завязывался острый, солдатский разговор, с соленым словцом в адрес геббельсовской пропаганды. Ракчеев после таких бесед ходил словно именинник.

— Нет, наших на мякине не проведешь! — удовлетворенно приговаривал он, отправляя комиссару полка очередную порцию вражеской брехни.

Мы любили слушать, когда он играл на гитаре. Играл замечательно и пел с душой, особенно свою любимую арию: «Что день грядущий мне готовит…» Споет и загрустит: где-то под Новгородом, в городке Опочка, осталась у Ракчеева семья, и он ничего не знал о ее судьбе…

Марш со станции Великий Бурлук (на Харьковщине) до плацдарма на реке Северный Донец полк совершал в условиях

ненастной погоды. Навстречу двигались повозки с тяжело раненными бойцами, «легкие» шли пешком. Над нами все чаще появлялись вражеские самолеты.

— Говорят, авиация противника здесь прямо-таки свирепствует, — заметил кто-то во время короткого привала.

Мы от бомбежек уже отвыкли: последнее время неприятельской авиации не было видно. Я с тревогой посматривал на тучи, за которыми гудели моторы.

К Северному Донцу мы подошли в начале марта 1942 года. Была вторая половина дня. Впереди, совсем недалеко, слышался бой. Лед на реке стал уже рыхлым, ноздреватым. Выдержит ли он людей и повозки, запряженные лошадьми? Переправились благополучно.

Полк получил задачу наступать в направлении курган +2.6, Купьеваха.

На исходные позиции выдвигались перед рассветом. Батальон вытянули в колонну, в голове ее шли комбат Денисов, комиссар Ракчеев, несколько связистов, командир взвода связи, командир батареи артиллерийского полка и я. Все время приходилось убеждать Денисова выслать вперед хотя бы на небольшое расстояние разведку, так как мы точно не знали, где именно находился противник. Однако Денисов считал, что это излишне. Мне удалось уговорить его остановиться и дождаться сведений от обогнавших нас полковых разведчиков под командованием Ивана Подкопая.

Прошло несколько минут, и из рощи, в которую углубились разведчики, вдруг послышались взрывы гранат и громкое «ура», ответные выстрелы. «Напоролись-таки на противника», — с тревогой подумал я. Между тем гитлеровцы с дальних высот открыли и пулеметно-минометный огонь. Денисов, ойкнув, схватился за руку и присел. Его отправили в санитарную роту. Нам тоже едва не пришлось поплатиться за его неосмотрительность. Головная рота вышла на простреливаемое пространство.

Мы с комиссаром попытались развернуть батальон и атаковать неприятеля. Но под огнем сделать это оказалось не так-то просто. Я побежал к направляющей роте. Застигнутые врасплох, бойцы залегли чересчур кучно. Нужно было ликвидировать замешательство и заставить людей действовать организованно, осмысленно. Подал команду «Огонь!», зная по собственному опыту, что, когда стреляешь, понемногу успокаиваешься. Кое-кто палил неприцельно, лишь бы в сторону врага. Автоматического оружия у нас почти не было, на роту — всего один, снятый с подбитого танка пулемет с поврежденным

прицелом. Пулеметчик поднялся и одной очередью выпустил весь магазин.

— Как же ты стреляешь?!

— Товарищ старший лейтенант, у меня в запасе еще один магазин!

А другой солдат, вооруженный самозарядной винтовкой, вообще бил в белый свет как в копеечку.

С помощью командира роты младшего лейтенанта Колядинского и сержанта Ильина мне удалось поднять подразделение. Ворвавшись в лес, оно выбило оттуда фашистов и вышло на опушку, неподалеку от кургана + 2.6. Красноармейцы захватили шесть пулеметов МГ-38, много боеприпасов, ракет и несколько пленных.

Роты, не попавшие под вражеский огонь, вступили в бой более организованно. Им пришлось действовать в лесу, что для них, прибывших из степных районов, было несколько непривычным. Схватка с гитлеровцами шла с переменным успехом и длилась до вечера.

Противник, укрепившийся на высоте и скатах, дальше кургана не пустил нас. В течение ночи батальон окапывался, приводил себя в порядок, пополнялся боеприпасами.

Когда ранило комбата Денисова и возник вопрос, кого назначить на его место, Ракчеев сказал полковому командованию:

— Присылать комбата не надо, у нас есть Исаков, его и назначьте.

— Да ведь ему нет и двадцати двух! Молод.

— Зато я стар.

С Ракчеевым согласились. Начальником штаба поставили младшего лейтенанта Белана, а его помощником — старшего сержанта Ильина.

Должностные передвижения не приостанавливают событий. Мне надлежало без промедления принять на себя командование и груз забот, связанных с людьми и хозяйством батальона. Из головы не выходили напутственные слова командира полка Ивана Аникеевича Самчука: «Если рота воюет хорошо, то и полк воюет хорошо. А если хорошо воюет батальон, то хорошо воюет и дивизия». Это напутствие стало для меня программой действий. Оно определило мое отношение к ротным командирам как основной опоре комбата.

Батальон — это несколько сот человек. В то время он состоял из трех стрелковых, пулеметной, минометной рот и взводов: противотанковых ружей, связи и санитарного. В наступлении ему обычно нарезалась полоска шириной до километра. Оборонялся на фронте до двух километров.

Был ли я достаточно подготовлен для этой должности? Конечно нет. Мой военный «багаж» был еще невелик. Правда, я уже прошел определенную командирскую выучку у такого отличного комбата, каким был И. И. Прошо. Но еще больше мне предстояло познать.

Так или иначе, я был поставлен перед свершившимся фактом и приступил к исполнению новых своих обязанностей. Как доброе предзнаменование воспринял я то, что это случилось как раз в те дни, когда мы наступали, расширяя захваченный северо-донецкий плацдарм.

Во взаимодействии со 2-м и 3-м батальонами мы продолжали ожесточенно драться с противником, тщетно пытавшимся столкнуть нас в реку. На третий день боев нарушилась связь со 2-й ротой. А мне требовалось немедленно переговорить с ее командиром. Из ячейки управления послали двух связных, но ни один не вернулся.

Вызвал третьего. Передо мной стоял боец лет сорока-сорока пяти, с винтовкой в руках, в шлеме с шишаком. Под алой звездочкой виднелась еще и синяя пятиконечная нашивка. Стрелок доложил:

— Товарищ старший лейтенант, красноармеец Муха по вашему приказанию…

Я объяснил, в чем заключается его задача. Написал распоряжение командиру 2-й роты. Рассказал, как туда попасть. Предупредил, чтобы он был сугубо осторожен, так как непонятно, почему не вернулись посланные ранее товарищи.

Долго пришлось ждать, и мы уже начали терять надежду на то, что Муха добрался до роты. Но он вернулся, точно выполнив приказание. Из-за отворота шлема достал записку. Прочитав ее, я убедился: командир 2-й роты понял, что с наступлением темноты ему необходимо развернуть подразделение влево, где образовался разрыв с левым соседом. Нас разделял широкий овраг, который фашисты могли использовать для проникновения в наш тыл.

Мы с комиссаром поинтересовались, как же Муха сумел пробраться к роте. Боец стал неторопливо рассказывать, перемежая русские и украинские слова:

— Пройшов я трошки, дывлюсь — лежит убитый наш связной…

Когда Муха пошел дальше, щелкнул выстрел. Муха упал в снег и пополз, разгребая его перед собой, словно прорывал канаву. Так и дополз куда надо. Там оказался и второй связной, которому вражеский снайпер прострелил ногу.

Муха обстоятельно рассказывал, а я внимательно наблюдал за ним: он старался доложить все точно, ничего не забыл; его неторопливость, находчивость как бы подсказали мне, что жизненный опыт на войне играет очень важную роль: недостаточно ненависти к врагу и отваги, нужны еще осторожность, терпение, смекалка.

Этот пожилой красноармеец оказался замечательным человеком. Отзывчивый, добрый, верный товарищ, он прошел со мной дорогами войны столько же, сколько и я. Нет, он не был отчаянно храбр. Но все, что ему поручалось, выполнял беспрекословно. Я оставил его у себя связным. Потом мне стало известно, что в молодости он служил на пограничной заставе.

Когда я взял Андрея Григорьевича Муху к себе в ординарцы, то в дополнение к усам он отрастил бородку.

А как он любил коней! Пришлось мне однажды проскакать на его лошадке километров восемь. Она вся покрылась мылом. Муха так растревожился, что не находил места. Топтался вокруг Нюськи, гладил ее, заботливо прикрыл попоной, затем уложил и стал растирать ноги, приговаривая:

— Ну, бачила, як комбат издэ? Цэ тоби нэ я…

Мне даже жалко стало Андрея Григорьевича, вроде бы не лошадь загнал, а его самого обидел.

И еще одна черта в характере Андрея Григорьевича сразу бросилась мне в глаза: любил он поговорить. И не просто поговорить, а так, чтобы и себя между прочим показать. Начинал Муха свой, по сути, один и тот же рассказ обычно вопросом:

— А вы бачили кино «Сорочинская ярмарка»?

Независимо от того, какой следовал ответ, Муха продолжал:

— Так ото ж послухайтэ…

И он старался как можно небрежнее, вроде бы так, между прочим, поведать о том, что являлось предметом его гордости: картину снимали в Сорочинцах, в его родном селе. И волы, на которых Хивря ехала на ярмарку, были его, Мухи, волы. По словам Андрея Григорьевича, ему даже денег дали, чтобы «запечатлеть» их.

Когда мы проходили через родные места Мухи, я отпустил его на несколько дней домой. Вернулся он опечаленный: сад порублен, дом разрушен, хозяйство разорено фашистами.

Муха не умел скрывать свои чувства. Он весь, что называется, нараспашку, и по лицу его нетрудно было понять, что творилось у него на душе. Когда после неудачного наступления на Харьков мы в середине лета сорок второго года отходили, Муха оказался без лошади и в кровь сбил себе ноги. Марш был тяжелым, люди засыпали на ходу. Муха страшно боялся отстать. Бывало, в

минуту короткого отдыха подковыляет ко мне, в глазах мольба:

— Товарищ старший лейтенант, а когда, в какую сторону мы пойдем дальше?

Я говорил ему, в каком направлении. И он, припадая то на одну, то на другую ногу, тут же пускался в путь — потом мы его нагоняли. Так и дошел вместе со всеми.

В районе станции Приколотная противник массированными налетами бомбардировочной авиации рассеял наши войска.

Генерал Родимцев вызвал к себе на НП нескольких командиров, в том числе и меня. Под наблюдательный пункт комдива был отрыт окоп, к которому тонкими змейками тянулись провода и в котором, кроме связиста, никого больше не было. Александр Ильич стоял, низко согнувшись, и, крепко прижимая к уху трубку, разговаривал с кем-то по телефону. Припекало по-июльскому жаркое солнце. Зной. Духота. Казалось, серая завеса пыли тяжело давит на плечи. Края суконной пилотки Родимцева потемнели от пота. Такая же полоска окаймляла рукава его гимнастерки. Закончив разговор, он выпрямился. Обветренное, загоревшее лицо его было усталым, каким-то посеревшим, резкая морщина прорезала лоб. Глаза воспаленные. Чувствовалось, что генерал давно уже не спал. Он окинул быстрым внимательным взглядом каждого из нас.

— Ну что, драпаем, шайтан вас дери?

Это было его любимое словечко, и в зависимости от обстоятельств оно звучало в устах Александра Ильича по-разному. Голос у него был сердитый, и по тому, как он смотрел, я понял, что на сердце у него тяжело.

— Чего молчите? Вешать голову рано, — заговорил Родимцев. — Нам приказано занять оборону и задержать противника на этом рубеже. Во вчерашней суматохе часть людей могла отбиться от своих подразделений. Нужно быстро объехать в радиусе примерно двадцати — двадцати пяти километров населенные пункты…

Привычным движением развернув планшет, Родимцев каждому из нас указал на карте, в какие именно пункты кто должен ехать.

— Кого встретите, направляйте вот сюда. — Комдив ткнул пальцем в место, обозначенное кружочком. — Здесь сборный пункт. К исходу дня вернуться и доложить мне…

В сопровождении Мухи я немедленно отправился в указанные пункты. Теперь я понимаю, в какую сложную ситуацию попал тогда Родимцев и каково ему было давать нам приказание разыскать отставших от своих подразделений бойцов. Комдив не скрывал от нас своего состояния.

В то же время он нашел такие убедительные слова и такой тон, которые дали нам понять, что вешать нос нельзя ни при каких обстоятельствах, напротив, командир неизменно должен быть подтянут и думать прежде всего о том, чтобы действовать, действовать обдуманно, не теряя инициативы, уверенности в своих силах и силах солдат.

Но это я уже немного отвлекся…

Как-то Иван Аникеевич Самчук вызвал меня к телефону и потребовал доложить обстановку. Потом попросил передать трубку Ракчееву и, судя по ответам Михаила Ильича, расспрашивал о том же, что и меня. Не доверяет? Нет. Иначе не сделал бы комбатом. Просто, видно, проверял, правильно ли ориентируется новоиспеченный комбат в происходящем. И я нисколько не обиделся на него. Самчук и впредь вызывал меня к телефону, часто бывал в батальоне, обходил боевые порядки, подсказывал, как лучше, эффективнее организовать взаимодействие. Каждый такой разговор, каждая встреча с Иваном Аникеевичем были для меня предметным уроком, своеобразной формой передачи опыта старшего командира младшему.

Вспоминается такой случай.

Когда положение на Северо-Донецком плацдарме стабилизовалось, Иван Аникеевич потребовал через штаб полка, чтобы комбаты представили подробные схемы районов обороны батальонов. Мы сделали такую схему. Обозначили на ней передний край, все огневые точки, вплоть до ручного пулемета, подписали, и я отправил ее в штаб полка.

На следующий день в сопровождении своего адъютанта старшего лейтенанта Владимира Зинковского командир полка прибыл к нам, с каждым поздоровался отдельно. Здоровался он несколько необычно: подавал руку и, сильно сжимая кисть, притягивал к себе.

— Схему района обороны представил? — спросил Самчук меня.

— Представил.

— Все там точно нанесено?

— Конечно.

— Эта? — расстегнув планшет, он вынул нашу схему.

— Да, эта.

— Если нанес точно, то это хорошо. Но все-таки пойдем в роты, я сам посмотрю, как у вас организована система огня и все остальное.

Мы пошли. Нас сопровождали Ракчеев и Зинковский.

В подразделениях Иван Аникеевич дотошно рассматривал и проверял, как отрыты и оборудованы окопы, как расположены и замаскированы огневые позиции, подготовлены ли пулеметы и расчеты для стрельбы ночью, какое количество патронов имеется в запасе… Ничто не ускользнуло от его глаза. Самчук не сделал ни одного замечания, а у меня засосало под ложечкой: восстанавливая в памяти нашу схему, я тщетно пытался отыскать на ней допущенную ошибку. В том, что ошибка есть, после расспросов Самчука я уже не сомневался. Но вот мы побывали в трех рогах, прошли, по сути, через весь район обороны батальона, и пока что все оказалось в порядке, если не считать того, что нам с Ракчеевым влетело за мелкие окопы и ходы сообщения.

Вернулись на батальонный НП, который мы оборудовали в блиндаже на позициях 3-й роты. Там находились Ильин и командир минометной роты старший лейтенант Цурбанов. Они доложили результаты наблюдений. Ничего нового в действиях противника не отмечалось.

— Исаков, вон тот курган, — Самчук указал на местность, — на карте как обозначен?

— Плюс 2.6.

— Кто там?

— Противник.

— Так ты что? Отошел без приказа, а не докладываешь?

Самчук испытующе смотрел прямо мне в глаза, и я почувствовал, как краснею весь, до корней волос.

— Мы никуда не отходили!

— Вот эту схему ты подписывал, и тут красным карандашом нанесено, что курган +2.6 обороняется ротой Карпенко. А сейчас ты докладываешь, что на кургане фрицы. Как там они очутились?

Как? Да они все время там были. Значит…

— Я неточно нанес на схему передний край.

— Почему?

Что я мог ответить командиру полка? Понурив голову, клял себя за допущенную ошибку. Проклятая невнимательность…

— Товарищ майор! — обратился к командиру полка молчавший до сих пор Ракчеев. — Дайте схему, мы исправим.

— Нужно, товарищ Ракчеев, не на схеме исправлять, а на местности. Курган нужно взять. Я буду здесь и посмотрю, как вы это сделаете. — Иван Аникеевич сверлил взглядом Ракчеева. — Комбат еще не набрался опыта, отнесся к документу легкомысленно, ну а ты, опытнейший комиссар, как мог ты поставить свою подпись под этой липой?..

Ракчеев готов был провалиться сквозь землю и стоял, не поднимая глаз. В общем, мы ошиблись, наврали. Брать курган,

который батальон не смог взять раньше, сейчас было нецелесообразно: мы не располагали достаточными силами. И мы молча ждали, что решит, в конце концов, командир полка.

Дав нам время самокритично поразмыслить над случившимся, Самчук сказал, что схема останется у него.

— Верну, когда освободим Харьков. А впредь, прежде чем подписывать какой-либо документ, — посоветовал он, — всякий раз вспоминайте пословицу: «Что написано пером, то не вырубишь топором».

Иван Аникеевич придавал серьезное значение топографии, многое делал для того, чтобы командиры умели в совершенстве читать карту. Сам он никогда не расставался с ней. Разговаривал ли о чем-нибудь с нами, сидел ли один, что-то обдумывая, — всегда держал в руках сложенную гармошкой карту. Время от времени развернет, всмотрится в нее, держа во рту какую-нибудь былинку, а потом, разъясняя свою мысль либо свое указание, начнет этой былинкой водить по контурам нужных районов. Мне порой думалось: зачем это он, и так все ясно. Но чем дольше воевал, чем старше становился, тем лучше понимал, как прав был командир полка в этой своей приверженности к топографии.

Глубокие знания, полученные в стенах академии имени М. В. Фрунзе, были той благодатной почвой, на которой развился и расцвел, обогащенный личным боевым опытом, природный воинский талант Ивана Аникеевича. Широкий военный кругозор делал его дальновидным командиром, позволял правильно оценивать обстановку и принимать наиболее целесообразные решения. Карта говорила ему о многом. Особенно о характере местности. Командир полка терпеливо учил нас советоваться с картой, добивался, чтобы и нам она стала столь же необходима, как была необходима ему.

Если Самчук приходил в батальон, а это случалось часто, — так и знай, что будешь спрошен не один раз.

Покажи на карте, где сейчас находимся.

Вот здесь.

Что ты мне пальцем закрыл целый квадратный километр? Покажи точку.

Приходилось вынимать карандаш, срывать травинку или веточку. Иван Аникеевич требовал от своих комбатов, чтобы на карте точно указывались огневые позиции каждого пулемета, миномета, орудия, окопа. Поэтому — я лично убежден, что именно поэтому, — за всю войну в полку не было случая, когда бы батальоны сбились с маршрута или не точно доложили, на какой рубеж вышли.

Самчук никогда не забывал наших просьб, касавшихся

повышения боевой готовности батальона или улучшения условий для бойцов.

Как-то раз я попросил Ивана Аникеевича, чтобы он нашел возможность дать нам хотя бы еще один телефонный аппарат в дополнение к трем имевшимся и катушку кабеля. Он ответил, что, к сожалению, аппарата в наличии сейчас нет, и добавил: вот, дескать, Иван Подкопай скоро пойдет в разведку, добудет трофеи, тогда к будет телефонный аппарат. Это нужно было понимать так, что пополняться надо за счет врага и больше проявлять активности и инициативы. Мне стало стыдно, я уж и не рад был, что попросил, а он, чуть кося глазами, улыбался.

Каково было мое удивление, когда спустя несколько дней мне позвонил начальник связи полка Натан Борисович Лапидус.

— Иван, ты просил у хозяина аппарат и кабель?

— Просил.

— Ну и что?

— Лучше бы не просил!

— Так пришли командира взвода связи, дам один. И катушку. Учти: только для тебя. Смотри, не проговорись Мощенко, а то обидится. Доволен?

— Готов в макушку поцеловать!

— Ну, будь здоров. — И еще раз строго-настрого предупредил, чтобы я ненароком не сказал об этом Мощенко.

Едва мы закончили разговор, как телефонист снова протянул мне трубку, лицо его было бесстрастно:

— Послушайте!

Слушаю. Узнаю голоса Лапидуса и Мощенко, командира 3-го батальона.

— Петро, пришли человека, дам телефонный аппарат и катушку кабеля или, может, тебе не нужно?

— Натан, дружище, тебя бы на руках носить, да не подниму, — заверещал сверх меры обрадованный Мощенко. — А вот верхом можешь садиться, прокачу!

— Ну давай, бери, — снисходительно цедил, умиляясь своей щедрости, Лапидус. — Только смотри, Исакову не говори, обидится. Я ведь только для тебя…

Через несколько часов позвонил Самчук: получил ли я аппарат и кабель? Я поблагодарил его. Слышу, смеется.

— Наверное, Лапидус постарался только для тебя одного.

Командир полка проявлял исключительную заботу о людях и в малом и в большом и требовал от нас, комбатов, чуткого отношения к подчиненным. Как-то — это было уже во время боев в Сталинграде, после его возвращения из госпиталя, — он стал подробно расспрашивать меня, как воюют командиры рот и

взводов, имеют ли они награды и какие именно. Достоин ли кто-нибудь из них повторного награждения за подвиги, совершенные после получения первой награды. Мы разговаривали долго, обстоятельно.

— Запомни, Иван Иванович, на всю жизнь: не тебе, не мне, не Родимцеву наши люди служат — они служат Родине, воюют за Родину, за ее счастье и свободу, умирают тоже за Родину. А нам, командирам, Родина доверила право управлять ими, иногда, может быть, посылать на смерть во имя победы. Но Родина дала нам право и оценивать ратный труд своих подчиненных. И этого никогда нельзя забывать. Отличился человек — о его подвиге должны знать все. Героя надо представить к награде. И чтобы вручена она была воину, пока он жив. Потому, может быть, и не всегда следует представлять к самой высокой, если даже он и заслужил ее. Представляйте в первую очередь к таким орденам и медалям, которыми от имени правительства вправе наградить командир дивизии. Любое поощрение воодушевляет и окрыляет человека, он будет воевать еще лучше. Что молчишь? Не согласен?

— Согласен.

— Дивизия и полк воюют хорошо, об этом и в газетах пишут. Но дивизия и полк — это конкретные люди: Ивановы, Мощенко, Медведевы, Подкопай и другие. И это разные люди, с различными характерами, разными судьбами. Ко всем с одной меркой подходить нельзя. Взять хотя бы вас с Мощенко. Оба неплохие комбаты. Обоим вам я верю и знаю: сделаете все, чтобы выполнить приказ. Но хотя и воюете в одном полку, хотя и одногодки, одни и те же командиры вас учат, — вы и по опыту боев разные, и как люди тоже не одинаковые. Мощенко, получая приказ, стремглав летит его выполнять, даже «Есть!» бросает второпях, на ходу. А ты сперва задашь вопрос, другой, третий, все уточнишь, даже то, что тебя иной раз и не должно бы интересовать, а потом уже начнешь раскручиваться. Отсюда командир и должен делать вывод, кому что лучше поручить. У тебя тоже разные командиры: Сафронов ничуть не похож на Карпенко, а Карпенко не поставить на одну доску с Медведевым, и все они не похожи на Самохина… Кстати, ты представил к награде помкомвзвода ПТР, что сбил из ружья «юнкерс»?

— Нет еще.

Командир полка искренне огорчился.

— Вот видишь, как нехорошо получается: петеэровцу за сбитый бомбардировщик полагается орден Отечественной войны II степени, а ты не позаботился представить его к награде!

Так, изо дня в день Иван Аникеевич Самчук воспитывал в нас

качества, которые считал необходимыми для советского офицера, прививал культуру поведения и общения с подчиненными, будил нашу военную мысль и инициативу, поощрял самостоятельность действий, учил анализировать промахи и ошибки, никогда не бояться правды, не жалеть сил, готовясь к бою. Авторитет его был непререкаем. Он заслужил его по праву. До сих пор те из нас, кто остался в живых, проезжая через Москву, считают для себя особой честью повидаться со своим командиром. И я благодарю свою военную судьбу, что она свела, хотя и в лихую годину для Родины, наши пути.

Бои за улучшение позиций на Северо-Донецком плацдарме длились суток пятнадцать — двадцать, затем был получен приказ перейти к обороне. То были тяжелые дни, заполненные будничной военной работой. Роты упорно вгрызались в неподатливую землю, рыли щели, окопы, ходы сообщения, сооружали блиндажи и землянки, оплетали колючей проволокой подходы к переднему краю, особенно на флангах. Бойцы работали с полной отдачей сил. Все понимали: чем надежнее оборудуем мы наш участок обороны, чем больше вложим труда сейчас, тем легче будет нам, когда опять развернутся активные боевые действия.

Здесь до нас дошла весть о награждении нашей дивизии за зимние бои в Курской области орденом Ленина. На радостях люди обнимались, бросали в воздух шапки, поздравляли друг друга. Разве думал кто-нибудь из нас, когда выбивал из курских деревень вооруженных до зубов фашистов, что мужество и отвага бойцов дивизии, военное мастерство наших командиров будут отмечены высшей наградой Родины? Мы просто старались честно выполнить свой воинский долг. Радостное событие еще больше подняло дух гвардейцев.

Как голодный мечтает о куске хлеба, так мы у себя в окопах мечтали о могучей военной технике, которая, по слухам, вскоре должна была поступить на наш фронт. Храбрости русскому солдату не занимать, воинское искусство русских полководцев всегда, во все времена, вызывало восхищение у неприятеля. У нас были отличные, знающие командиры. Единственное, чего нам недоставало, — новой техники. И мы с нетерпением ждали ее.

Началась весенняя распутица, Северный Донец разлился, снабжение резко ухудшилось. Все необходимое доставлялось за много километров по бездорожью. Приходилось экономить боеприпасы и продовольствие. Остро ощущалась нехватка соли, а затем ее и вовсе не стало. В тылу 3-й роты находилось неубранное картофельное поле. И тут снова проявил

хозяйственную сметку Карпенко. По его совету бойцы выкапывали мороженую картошку, разминали ее и в цинках из-под патронов пекли пресные пышки или же оладьи. Как и раньше, собирали и пили березовый сок. Эти заготовки не обходились без потерь: неприятельские снайперы подстерегали наших солдат. И все же ходить по картошку продолжали.

На таком скудном снабжении мы продержались примерно семнадцать — двадцать суток, а потом постепенно все пришло в норму.

Противник воспользовался нашими затруднениями для усиления своей пропаганды: плацдарм стал объектом яростных обстрелов агитационными снарядами. Листовки во множестве разбрасывались и с самолетов. По сравнению с теми, что гитлеровцы распространяли под Киевом, эти были составлены уже не столь примитивно. На одной из них был изображен Северо-Донецкий плацдарм и в центре его — расколотая ударом фашистской стрелы-молнии пятиконечная звезда. Над всем этим слова: «Подумай и выбирай: перебежать и жить или умереть с голоду, утонуть в реке, быть разорванным пулями германских пулеметов». Но призывы врага сложить оружие и сдаться в плен не находили отклика. Вернее, он был, но весьма своеобразный. Гвардейцы растапливали листовками печи в землянках, использовали их по надобности, иногда, если бумага признавалась годной для закруток, раскуривали, ну а мы с Ракчеевым аккуратно отправляли по одному экземпляру старшему батальонному комиссару Морозову.

У нас улучшилось не только снабжение. Положение стало выправляться во всех отношениях: мы хорошо оборудовали район обороны, изучили противника и не давали ему покоя.

Особенную активность проявлял батальон 82-миллиметровых минометов капитана Андрея Ивановича Иванова, инициативного командира, который не раз отличался в боях за Киев, на реке Сейм, под Тимом.

С нашим батальоном действовала минометная рота старшего лейтенанта Цурбанова (комиссаром там был старший политрук Соколов). Эта рота и минометный батальон в целом так метко стреляли, что загнали противника в землю, и он почти не отвечал огнем.

В начале мая по каким-то трудно передаваемым признакам мы поняли, что вот-вот начнутся крупные боевые действия. И в самом деле, вскоре поступил приказ о подготовке к наступлению. До того нам много приходилось отходить. А на этом рубеже уперлись, зацепились, и противник оказался не в силах сдвинуть нас с места. Поэтому, когда я узнал о предстоящей операции,

меня прямо-таки затопило чувство радости — наконец-то!

Мы сразу же ощутили разительное отличие нынешней подготовки от всего того, что делалось раньше.

В те дни мы впервые увидели в небе наши новые боевые самолеты; не «чайки» и не «ишачки», а самолеты, похожие на «мессеров». Мы даже не знали, как их называть. Одни утверждали, что это «миги», другие — «лаги», третьи — «сухи», или «суги». В воздухе они действовали лихо и часто сбивали фашистские самолеты. Это вызывало восторг бойцов.

Еще больше обрадовались мы тому, что вместе с нами будут действовать танки Т-34 и КВ. Я знал, что у нас есть такие машины, но ни разу еще их не видел. Какие они? Наконец к нам прибыли танкисты. Сначала они обследовали маршруты, потом осмотрели лес, чтобы определить, проходим ли он. А накануне наступления по маршрутам прошли механики-водители.

В расположении дивизии появились также незнакомые артиллеристы. Они оборудовали наблюдательные пункты и стали изучать передний край противника.

Нашему батальону предстояло наступать в направлении курган +2.6, Купьеваха, Перемога. Для этого нам надо было произвести небольшую перегруппировку, часть занимаемого участка передать другим подразделениям.

Под вечер мы с комиссаром пошли к минометчикам, чтобы уточнить для них цели на случай, если неприятель попытается помешать нам произвести смену.

Старший политрук Соколов доложил, что минометная рота готова к открытию огня. Интересовавшие нас вражеские огневые точки минометчики уже пристреляли. В это время гитлеровцы начали, обстреливать 3-ю роту.

— Раньше с этого направления огня не велось, — встревожился я. — Значит, у фрицев появились новые минометы.

Командир минометной роты Цурбанов взял буссоль (прибор, которым артиллеристы пользуются при подготовке данных для стрельбы) и побежал на свой НП, находившийся в нескольких десятках метров от огневых позиций. Оттуда хорошо просматривалась оборона фашистов. Спустя несколько минут он передал данные первому расчету, затем скомандовал:

— Одной миной, огонь!

После нескольких выстрелов Цурбанов, сделав поправки, приказал:

— Взводу — три мины, беглый… огонь!

Ракчеев с Соколовым стояли чуть в сторонке от минометов, а я подошел к одному из расчетов и начал наблюдать за его действиями. Неожиданно раздался истошный крик Цурбанова:

— Куда?!

Видимо, он хотел кого-то от чего-то предостеречь, но не успел. И мы услышали его голос, полный отчаяния:

— Ложись!

В тот же миг на позиции, где находился и я, раздался взрыв. Я упал, по-видимому, от толчка, но сразу же поднялся на ноги. Вижу: Ракчеев лежит, политрук Соколов, схватившись за живот, катится под откос, в лотках горят дополнительные заряды, ствола у миномета нет, осталась лишь одна плита и что-то от двуногилафета. Первый номер изуродован, но еще жив, второй убит. Подбежал Цурбанов, принялся растаскивать лотки, а я — ящики с минами.

Послышался стон Ракчеева:

— Сердце… сердце…

Бросился к нему:

— Что с тобой?

— Сердце болит, сердце… — твердил он.

Я расстегнул его телогрейку, гимнастерку и увидел в области сердца кровоподтек. Телогрейка была изодрана, в вате застряло много мелких осколков. Я стал успокаивать Михаила Ильича: все в порядке, раны нет, а только синяк. Смотрю, ему плохо: бледный, из-под подбородка стекает кровь. Поднял его голову, в шее торчали два или три мелких осколка, я их вытащил, наложил бинт. Потом вместе с Цурбановым кое-как перевязали Соколова, он был тяжело ранен.

— Жаль Соколова, хороший политрук, — с горечью сказал Цурбанов. — Как раз сегодня он получил приказ о назначении в политотдел дивизии, но решил идти туда завтра. Хотел еще немного побыть в роте…

А неподалеку, возле дерева, стоял и ругался младший лейтенант Кабанов, только что вернувшийся из госпиталя. Он был еще с вещевым мешком. И вот его снова ранило в бедро. Мы оказали помощь и ему.

Виной всему был первый номер: после выстрела он сразу же зарядил миномет, а второй номер, зная, что мину в ствол опускает только он, послал туда вторую. Они и взорвались. Так недисциплинированность одного бойца привела к катастрофе. В ночь на 12 мая батальон занял исходную позицию для атаки. Во второй половине ночи саперы сделали проходы в минных полях.

Нам объявили приказ командующего фронтом, в котором отмечалось, что в войне наступает новый этап — этап освобождения нашей Родины. Это еще больше воодушевило нас. Бойцы и командиры рвались в бой.

Все шло по плану. Ранним утром раздались мощные залпы, началась артиллерийская подготовка. В ротах напряженно ожидали сигнала к атаке. У людей словно выросли крылья: с нами артиллерия, танки, самолеты! О себе, о том, что сейчас произойдет, — прорвемся ли, ранят ли, убьют ли, — в тот момент не думалось.

В расположении немцев все потонуло в дыму разрывов. Кургана +2.6 совсем не было видно. Наконец сигнал подан. Роты дружно поднялись и, ведя огонь на ходу, устремились к кургану +2.6. В первой линии окопов мы не встретили сопротивления, наша артиллерия все перевернула здесь вверх дном. В блиндажах и траншеях было белым-бело от пуха и пера. Гитлеровцы жили с комфортом. Они поотнимали у населения тюфяки, подушки, перины и перетащили к себе.

Почти без потерь батальон достиг Купьевахи, расположенной в низине. За ней виднелись возвышенность и лес.

Я со штабом двигался за ротами на расстоянии трех-сот — четырехсот метров. В батальоне штаб — это адъютант старший, два-три ординарца, несколько связных да один-два телефониста.

Поднявшись на курган, я увидел тяжелый, забрызганный грязью КВ, окрашенный в защитный цвет. На башне белой краской выведено «За нашу Советскую Родину!» Расчет противотанкового ружья вел по нему огонь. КВ развернулся и дал очередь по бойцам. Что за дикость! Я побежал к петеэровцам.

— Что вы делаете? Это ведь наш танк!

— Нет, — возразили мне, — немецкий.

— Да на нем же написано «За нашу Советскую Родину!»

А мне в ответ:

— Это он подмаскировался.

Бойцы впервые увидели КВ и никак не хотели верить мне. Тогда я подошел к машине, постучал палкой по броне. Люк открылся, показался командир.

— Что же вы бьете по своим? — спросил я его.

— А что остается делать? — развел он руками. — Мы и сигналы давали, а они по нас все лупят и лупят. Поглядите, что сделали с механиком.

Из танка вылез водитель, лицо у него в крови. Оказывается, петеэровская пуля угодила в триплекс, и механика обдало брызгами стекла.

Танк попал в колдобину и застрял в раскисшем грунте. Сколько ни бился механик — ни с места. Мы помогли ему. Бойцы притащили, длинное бревно, танкисты привязали его к гусеницам и завели мотор. Танк тронулся с места, пополз. Бревно уперлось в землю, и машина постепенно стала приподниматься. Еще

немного, и КВ, опираясь на бревно и отталкивая его назад, выбрался из колдобины. В этот момент я увидел, как в отдалении по желтому жнивью бежали наши, а неприятельский пулемет с возвышенности за Купьевахой бил по ним. Цепь вынуждена была залечь. Я— к командиру танка.

— Ударьте вон по той огневой точке.

Башня КВ медленно повернулась, прогремел выстрел. Там, где стрекотал вражеский пулемет, взметнулся взрыв. Наша пехота снова двинулась вперед. «Насколько легче воевать, когда с пехотой танки», — подумал я.

Привели пленного офицера. Он смотрел на КВ со страхом. Я показал палкой на КВ и сказал:

— Рус панцир, понимаешь, наш панцир!

Пленный забормотал: «Гут, гут…». Но и эти слова застряли в его глотке, так как танкист направил пушку в сторону гитлеровца. Тот побелел, видимо решив, что его сейчас расстреляют.

У нас один сержант немного говорил по-немецки.

— Спроси, кто он, — попросил я его.

— Врач, — ответил пленный.

— Раз врач, пусть окажет помощь механику-водителю, — приказал я.

Немец осмотрел рану, взял индивидуальный пакет, перевязал. Умело. Видно, и впрямь врач. Я отправил его в тыл.

Наступление продолжалось. Позади, в лесу, оставались группы фашистов, но поняв, что очутились у нас в тылу, они бросили оборону и начали отходить. Им преградили дорогу пулеметчики Самохина. Около шестидесяти-семидесяти гитлеровцев пустились бежать. Но куда бы они ни повернули, их настигали пули наших «максимов». Кто-то из пулеметчиков стал кричать им, чтобы сдавались. Оставшиеся в живых неприятельские солдаты то ли услышали его, то ли, осознав безвыходность своего положения, сложили оружие.

Авиация надежно прикрывала нас с воздуха и наносила удары по врагу. Воодушевленные успехом, бойцы продолжали гнать противника.

Овладев Купьевахой и находившимися здесь несколькими складами фашистов, мы выбили их и из населенного пункта Перемога, где захватили и незамедлительно пустили в дело немецкую артиллерийскую батарею.

Так закончился первый день боев. Наш полк вывели во второй эшелон дивизии, и теперь он наступал вслед за 42-м гвардейским стрелковым полком.

На третьи сутки наши передовые части были уже на ближних

подступах к Харькову. Вместе с ними оказалась и одна из наших рот, которую пришлось вернуть обратно на позиции батальона.

Советское информбюро сообщало: «12 мая наши войска, перейдя в наступление на харьковском направлении, прорвали оборону немецких войск и, отразив контратаки крупных танковых соединений и мотопехоты, продвигаются на запад…»

«На харьковском направлении… гвардейцы под командованием товарища Родимцева уничтожили около 500 гитлеровцев, захватили у противника 35 орудий, из них 15 тяжелых, подбили и уничтожили 15 танков…»

Но вот темп наступления начал снижаться, и мы получили приказ занять оборону. В небе появилось много «мессеров». Они принялись выводить из строя одну группу танков за другой. Построившись в круг и прикрывая друг друга, вражеские самолеты бомбили артиллерию, обстреливали пехоту. Небольшие группы советских истребителей вступали в неравный бой, сбивали фашистов, но и сами погибали.

Гитлеровцы чувствовали себя хозяевами положения. Правда, и мы кое-где продолжали прижимать фрицев. Так, в районе населенного пункта Байрак (неподалеку от Перемоги) один их пехотный полк был окружен. Но уничтожить его или принудить к сдаче нам не удалось. Немцы спокойно перебрасывали ему на самолетах все, что нужно. А мы не могли воспрепятствовать этому. Спустя несколько дней танки противника прорвались к окруженным и вывели их из кольца.

В середине мая, когда наш полк все еще находился во втором эшелоне, около двадцати «юнкерсов» встали в круг и, чувствуя свою безнаказанность, завертели карусель над огневыми позициями нашей артиллерии. По очереди они со страшным воем пикировали, сбрасывали одну-две бомбы и снова возвращались в строй.

И вдруг откуда-то появился один-единственный И-16. Он ворвался в середину карусели, сбил одного Ю-87, подбил второго. Строй сразу же нарушился. Беспорядочно сбросив бомбы, «юнкерсы» разлетелись кто куда.

Находившийся в это время в расположении нашего полка заместитель командира дивизии полковник Си-гита вылез из окопа, снял каску, закричал:

— Этому истребителю нужно дать сразу полную шапку орденов! И Звезду Героя не жалко!..

Примерно на четвертый день противник подтянул свежие танковые части. Они начали таранить оборону нашей дивизии. Мы хотя и находились во втором эшелоне, тоже ощущали эти удары.

Нам в тот период было придано подразделение противотанковых ружей. Оружие это в общем неплохое. При попадании в уязвимые места оно поражало танки, но главным образом с близкого расстояния. А в ту пору подпускать к себе вражеские машины еще побаивались. Поэтому основная тяжесть борьбы с ними ложилась на артиллеристов. Они покрыли себя неувядаемой славой. Трудно кого-то выделить особо. Отличилась вся артиллерия. В ожесточенной трехчасовой схватке с неприятелем только одна пушечная четырехорудийная батарея старшего лейтенанта Ивана Михайловича Быкова уничтожила 26 танков и одну бронемашину. Всего же в тот день было сожжено 39 вражеских танков.

Харьков находился в каких-нибудь тридцати — сорока километрах. Артиллеристы вели огонь по противнику почти в упор. Стрелковые подразделения тоже смелее стали вступать в единоборство с гитлеровскими машинами. Они подбивали их из ружей, подрывали гранатами, жгли бутылками с горючей смесью. Сколько фашисты ни атаковали нас, успеха не имели.

Позже, когда за эти бои Ивану Михайловичу Быкову было присвоено звание Героя Советского Союза, одна из центральных газет поместила дружеский шарж на него, сопроводив рисунок широкоизвестным перефразированным изречением: «Если артиллерия — бог войны, Иван Быков — ее апостол».

И раз уж я упомянул о редкой для того времени награде, которой был удостоен за совершенный подвиг отважный артиллерист, добавлю, что командир 1-го дивизиона 32-го гвардейского артиллерийского полка, в состав которого входила батарея Быкова, гвардии капитан Иван Ильич Криклий за бои под Харьковом был отмечен только что учрежденным орденом Отечественной войны I степени за № 1.

Через двадцать три года после этих событий в газете «Красная звезда» я прочитал очерк полковника А. Зеленцова «Артиллеристы умирают у орудий», посвященный Ивану Быкову. В нем я нашел такие строки:

«…На рубеж, занимаемый советскими воинами, устремилась лавина танков. Вначале, наблюдая за приближением машин, он (Быков) считал их и тут же делил на количество орудий в батарее. Выходило на каждое орудие не менее десятка.

Три бесконечно долгих часа длился бой. Танки врага подходили чуть ли не вплотную к орудиям, к окопам стрелков и автоматчиков. Но пробиться к ним так и не смогли. Только тогда, когда гитлеровцы отошли, он оторвался от прицела, у которого заменил убитого наводчика. И тут же потерял сознание. Очнулся в медсанбате.

А потом в палату ворвался разгоряченный корреспондент дивизионной газеты „На разгром врага“. Захлебываясь, сообщил, что Быкову Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

— Напишите хотя бы коротенькое письмо односельчанам, — умолял корреспондент. — Вот как нужно! — провел он ладонью по горлу. — Понимаете, какое это имеет воспитательное значение?!

Корреспондент ушел. Стихли, уснули находившиеся в палате товарищи. А он продолжал лежать с открытыми глазами и смотреть в морщинистый брезентовый потолок.

Одна за другой проносились картины детства и юности: школа, шахта, первый заработок, военное училище, прием в партию… Разве думал он, разве мог даже предположить, что станет Героем Советского Союза? Честным человеком — да! Верным сыном Родины — да! Но Героем Советского Союза… Герои всегда казались ему людьми особыми, исключительными. А он? Что, собственно, сделал?

Стоял, когда вокруг взметались комья земли, разлетались веером осколки. Инстинкт самосохранения требовал лечь, прижаться к земле, а он стоял… Если ляжет, то не будет видеть наступающие танки, не сможет определить до них расстояние, подавать команды. Не увидел бы, что с левым орудием случилась беда. Ранило наводчика Кутаева, правильного Огоняна, подносчика снарядов Баширова. Орудие прекратило огонь. А тут как раз гитлеровский танк. Минута-другая, и он окажется на огневой позиции. Тогда не только левое орудие, вся батарея может погибнуть. Он бросился туда, хотя хорошо понимал, что не успеет. Но он все же бежал. Бежал и кричал для того, чтобы его увидели и услышали подчиненные, чтобы они поняли грозящую опасность, набрались сил. И они услышали. Раненные, окровавленные, поднялись Кутаев, Огонян, Баширов. Метким выстрелом остановили танк.

Правда, потом ему пришлось все же встать у орудия… Убило наводчика. Говорят, что он лично уничтожил одиннадцать танков. Может быть. Он не считал. Некогда было…

И он написал в газету: „Я горжусь высокой наградой. Но я сделал лишь то, что на моем месте сделал бы каждый командир. Все бойцы должны драться с гитлеровцами, как сражались наши орлы-артиллеристы. Ни один гвардеец не дрогнул перед натиском фашистских танков, не ушел от орудий и до последнего снаряда бил врага. Это был наш долг перед матерью-Родиной, и мы его выполнили“».

1-й батальон находился несколько южнее Перемоги, левее того места, где шел жестокий бой артиллеристов с фашистскими танками. Мы закрепились на восточных скатах высоты, но полностью овладеть ею не сумели. Перед нами на самом верху был наблюдательный пункт противника, с которого хорошо просматривались наши ближайшие тылы. Нам же наблюдать, что делается у неприятеля, мешала высота. Мы неоднократно пытались столкнуть противника. Были моменты, когда высота почти переходила к нам. Но из-за скатов появлялись вражеские танки с пехотой, и нас отбрасывали. Минометная рота Цурбанова, которая поддерживала батальон, была бессильна против танков. Расчетам ПТР удалось поджечь только одну машину.

Как-то утром позвонил Иван Аникеевич Самчук.

— Ты что, Исаков, прирос к этим скатам?

— Не дают ходу танки.

— А ты шевели мозгами, подумай, как взять высоту. В шестнадцать ноль-ноль доложи решение.

— Есть доложить в шестнадцать ноль-ноль…

Ракчеев вопросительно смотрел на меня, пытаясь угадать, о чем шла речь.

— Надо взять высоту. Будем, комиссар, вместе шевелить мозгами.

— Один ум хорошо, а два — лучше, — отозвался Ракчеев, — так что уж если шевелить, то вместе с командирами рот. Надо вызвать и Цурбанова.

— Наверное, у командира полка есть свой замысел, но он хочет лишний раз посмотреть, научились ли мыслить его подчиненные, — высказал я предположение.

Наш наблюдательный пункт размещался неподалеку от огневых позиций минометной роты. Назвать это место удачным нельзя было. Впереди простиралось заросшее поле, и, чтобы хоть что-нибудь увидеть, нужно было вставать во весь рост. Однако более подходящей точки для НП у нас не было. Отрыли поглубже щели и в них разместились. Командир взвода связи с телефонной трубкой в руках ждал, когда ему дадут команду вызвать командиров рот. Наконец получив ее, тотчас передал в подразделения.

Первым появился Колядинский, почти одновременно колобком скатился в нашу щель Карпенко, а вслед за ним пришли все остальные, кого пригласили.

— Командир полка недоволен тем, что мы никак не можем овладеть высотой, приказал хорошенько подумать, принять решение на атаку и сегодня в шестнадцать ноль-ноль доложить ему это решение, — сказал я. — Будем считать, что военный совет

открыт. Жду ваших соображений и предложений.

— Если бы не танки у фрица, уже давно бы взяли, — не то оправдываясь, не то жалуясь, протянул Самохин.

— На войне всегда много самых разных «если бы», — сердито буркнул Ильин.

— Подбросили бы нам хоть несколько танков! — вырвалось у Колядинского, но, встретившись глазами с товарищами, он как-то стушевался, видимо поняв, что нам ничего не дадут, а потому и нечего об этом говорить.

— Надо исходить из реальной обстановки, — вмешался Ракчеев.

— Только так, — согласно кивнул головой старшин сержант Ильин. — У нас здесь три стрелковые и одна пулеметная роты, взвод ПТР, нас поддерживает минометная рота Цурбанова. Это все, чем мы располагаем. У противника же есть танки, которые в критический момент поддерживают свою пехоту. — Ильин, как всегда, рассуждал логично, формулировал свои мысли ясно. — Вот нам и нужно выбить у противника почву из-под ног и лишить его преимущества, парализовать танки. Хотя бы на время, пока мы вытесним немецкую пехоту из окопов на высоте. А захватив окопы, мы сумеем отразить и контратаку танков. Их здесь не более десяти.

— Ильин всегда смотрит в корень, он прав: надо сковать главную ударную силу фашистов, — задумчиво проговорил Ракчеев. — Как бы похитрее это сделать?..

— У меня есть план, — привстал Карпенко. — Вернее, не план, а мысль: что, если попробовать внезапно атаковать ночью? Ночью танки наверняка не смогут серьезно помешать нам да и своим помогут не сразу, а нам только бы ворваться в их окопы!

Я поддержал Карпенко. С тех пор как мы перешли в наступление и начали драться за высоту, батальон ни разу не действовал ночью, и неприятель уже привык к этому.

Идея решения была найдена, и то, что она принадлежала Карпенко, укрепило мое мнение о нем, как о способном растущем командире. Теперь оставалось претворить эту идею в продуманное решение, спланировать атаку, предусмотреть возможные действия врага, наметить контрмеры, которые позволили бы выполнить поставленную задачу.

В окончательном виде наше решение выглядело примерно так: стрелковые роты к часу ночи изготовятся к атаке. В час ночи Цурбанов в течение трех минут произведет сильный огневой налет по переднему краю и наблюдательному пункту противника. Одновременно пулеметчики Самохина откроют интенсивный огонь по врагу. Стрелки тем временем быстро выдвинутся к

окопам немцев, а как только Цурбанов перенесет огонь в глубину их обороны, сразу же атакуют и уничтожат гитлеровцев, захватят окопы и закрепятся в них. За пехотой последуют расчеты ПТР. Заняв огневые позиции, они подготовятся к борьбе с танками.

Выработав решение, мы собрались было разойтись, но в небе появилось пятнадцать «юнкерсов». Они и раньше пролетали над нами, но не бомбили; видимо, несколько наших щелей не представляли для них интереса. Поэтому мы спокойно наблюдали, как они выстраивались в круг. При таком порядке они поочередно почти отвесно пикировали с включенной сиреной и бросали бомбы примерно в одно и то же место.

На всякий случай мы спустились в щели. Один только командир взвода связи остался лежать на прежнем месте, прижимая к уху телефонную трубку.

Самолеты кружили, переваливаясь с одного крыла на другое, словно высматривая, куда бы высыпать свой смертоносный груз. Вдруг один из Ю-87 пошел в отвесное пике прямо на минометы Цурбанова. За ним последовали остальные. После этого они опять стали летать по кругу, вероятно, оценивая результаты удара. Через некоторое время «юнкерсы» повторили атаку. Кто-то из наших бойцов, не выдержав, начал стрелять. Я схватил противотанковое ружье и тоже принялся палить. Казалось, моя пуля должна была неизбежно попасть в цель, но даже после пяти выстрелов самолет не загорелся. Хотел было перезарядить магазин, но комиссар дернул меня за ремень, да так, что я вместе с ружьем очутился в окопе.

— Ты что, сдурел! Ружьем ничего не сделаешь, а если они засекут, откуда бьют в них, то от наших окопчиков останется одно воспоминание.

Над огневыми позициями минометов стоял сплошной дым. «Юнкерсы» опять крутились над нами каруселью, но не бомбили. Мы решили, что они скоро уйдут.

Но ошиблись. Три Ю-87, отделившись от общего строя, нацелились на наши щели. Я видел, как от первой машины отделились две бомбы. Как ни страшно, а сознание подсказывало: эти пролетят мимо. Перелет.

А вот следующие — уже «наши». Мы с Ракчеевым и Цурбановым буквально слились с дном окопа. Вой сирены и свист бомб нарастал. И вот раздался обвальный грохот. Потом все стихло, только слышался удалявшийся гул. Я почувствовал боль между лопатками. С трудом поднялся, осмотрелся. Одна бомба не долетела до окопа, вторая перелетела, обе взорвались, и нас засыпало. Командира взвода связи убило. Минометчики потеряли трех или четырех человек ранеными и несколько ящиков мин,

которые разбросало взрывной волной.

Командиры рот ушли. Противник не предпринимал против нас активных действий, шла обычная перестрелка, и у меня росло чувство уверенности, что ничто не помешает осуществлению намеченного плана, если, конечно, наше решение не идет вразрез с планами командира полка. Как будто бы все предусмотрели. Но комбат не знает замыслов вышестоящих штабов. И случается, что его решение на бой существенно изменяется. Так произошло и на этот раз.

Часа через два после бомбежки из леса, что темнел в нескольких километрах позади нас, показалась колонна автомашин. В бинокль я увидел, что это «катюши». Они направлялись в нашу сторону. «Раз мы заметили их, подумал я, то и противник тоже видит. Успели бы дать залп».

Машины — их было двенадцать или шестнадцать — остановились немногим более чем в километре от нас и выстроились в одну линию. Возле установок засуетились расчеты. Мы в своих окопах мысленно торопили их: «Стреляйте! Быстрее!» Расчеты отбежали от своих машин. Сейчас… Сейчас грянет залп! Но в этот миг, откуда ни возьмись, снова загудели Ю-87 и тотчас образовали круг над «катюшами».

Что будет? Ведь «катюши» ничего не могли сделать с самолетами. А те уже пикируют, сбрасывают бомбы… И когда казалось, что через секунду с гвардейскими минометами будет покончено, в сторону неприятеля метнулись огненные ракеты. Залп!.. Сквозь дым и грохот слышалось: «жув… жув… жув…» То летели в расположение врага реактивные снаряды, и там вслед за частыми разрывами разливалось всепожирающее пламя. Густая пелена дыма заволокла установки. Не было видно и бомбардировщиков, сверху доносился лишь вой их сирен. Залп «катюш» пришелся прямо по высоте.

Внезапно на нашем переднем крае началась ружейно-пулеметная стрельба, и оттуда раздалось приглушенное расстоянием «ур-ра-а-а!». Я начал звонить в роты. Не дождавшись ответа, Ильин и Ракчеев со своими связными побежали туда. Наконец отозвался Карпенко. Чувствовалось, что он с трудом переводит дыхание, но голос веселый.

— Мы, товарищ старший лейтенант, уже на высоте!

— Кто мы?

— Все три роты. Использовали залп «катюш» и рванули. От ихнего НП осталось мокрое место, валяются разбитые рации да обгоревшие трупы.

— Немедленно закрепляйтесь, приспосабливайте вражеские окопы для боя, — приказал я. — Передай остальным! Не могу с

ними связаться.

— Наверное, еще не успели установить телефоны.

— Приготовьте бутылки с КС, гранаты, противотанковые ружья — в общем, все, чтобы танки нас не спихнули. Сейчас поставлю задачу Цурбанову, он вас поддержит…

На душе было празднично: высоту взяли, притом довольно легко. И в то же время стало немного обидно за себя: почему мне самому не пришло в голову дать команду на атаку, используя удар «катюш»? Может быть, потому, что я находился под гипнозом принятого решения о ночной атаке? Зато ротные молодцы. Они верно оценили мгновенно переменившуюся обстановку на нашем участке, действовали инициативно, решительно и тем самым обеспечили успешный исход внезапно предпринятой атаки.

Для меня случай этот не прошел бесследно. Я понял: война — своего рода академия и, проходя через ее горнило, командный состав накапливает необходимый военный опыт, зреет, мужает.

Я был рад за своих ротных командиров и поспешил доложить об их успехе командиру полка, попросил его помочь артиллерией, чтобы можно было бороться с танками.

— Передай своим, что они молодцы. Так и должны действовать гвардейцы. Орудий дать не могу, нету. А вот еще один взвод ПТР пришлю. Используй его правильно. Вечером приду посмотреть нашу оборону…

Там, где стояли «катюши», я увидел лишь одну подбитую установку. Возле нее кто-то копошился. Вероятно, расчет. На «катюшу» налетел и стал ее обстреливать фашистский самолет-разведчик. Люди отбежали, залегли. После нескольких заходов установка загорелась. И с ее направляющих начали срываться и устремились в сторону фашистов снаряды. Казалось, это не машина, а живое разумное существо, погибая, посылает смерть врагу, пришедшему на нашу землю.

13-й гвардейской стрелковой дивизии удалось закрепиться на достигнутых рубежах. Наш полк выдвинули в первый эшелон. Атаки противника ослабли. Мы вздохнули свободнее, огляделись. Что за черт! Куда делся темный лес? Когда мы проходили через него, почки на деревьях еще только лопались и лишь кое-где робко проклевывались нежные листочки, теперь все вокруг зазеленело.

В те дни вернулся с учебы, уже в звании капитана, командир нашей пулеметной роты Василий Константинович Цуладзе. Меня вызвал командир полка Иван Аникеевич Самчук.

— Прибыл Цуладзе, он назначен командиром батальона. Тебе

на выбор две должности: или остаться у него заместителем, или перейти в штаб полка помощником начальника штаба, — сказал он.

Не стану скрывать, это меня порядком задело: три месяца — март, апрель, май — три тяжелых для нас месяца командовал я батальоном, сросся с ним сердцем, уже привык принимать самостоятельные решения, перестал бояться хлопотных забот о боевом своем хозяйстве, и люди, хоть и вдвое старше, вроде бы признали меня своим командиром… Но я, не колеблясь, решил:

— Останусь в батальоне.

Мне показалось, что Самчук одобрительно кивнул головой. Так я стал заместителем капитана Цуладзе.

Цуладзе был выше среднего роста, сухощавый, с коротко остриженными волосами и большими залысинами на лбу. Носил усики. Ему было за тридцать. Он отличался завидной храбростью и выдержкой, был хорошим командиром и добрым товарищем. Деятельный и очень восприимчивый, он понимал человека с полуслова. Его взаимоотношения с подчиненными и с начальством были всегда ровными, он не позволял себе фамильярничать с первыми и не заискивал перед вторыми, и это снискало ему уважение тех и других.

На войне — я уже говорил об этом — все перемещения производятся быстро: командирам рот сообщили, что комбатом назначен Цуладзе, вот он и вступил в командование. Я попросил у Цуладзе разрешения отправиться в наш батальонный тыл, чтобы немного привести себя в порядок.

По дороге насмотрелся на разрушения, причиненные противником, и в хозяйственный взвод приехал в плохом настроении. Поскорее вымылся, переоделся, выспался и опять вернулся на передовую.

Примерно 7 или 8 июня 1942 года перед нашей передовой стала накапливаться неприятельская пехота. Она подходила и подходила, окапывалась, но активности не проявляла. Мы, естественно, вели огонь. Чувствовалось, что все это неспроста. А на следующий день над нашими головами начали пролетать группы вражеских самолетов. Они направлялись куда-то севернее. Отбомбятся, потом возвращаются и снова проходят над нами. С севера доносилась артиллерийская стрельба. Что там происходит? В людей вселилась тревога. К вечеру пошел дождь, и почти одновременно мы получили приказ отходить, но так, чтобы гитлеровцы этого не заметили.

Военным людям не полагается обсуждать приказ, его надо выполнять. Но человек так устроен, что не перестает думать, даже если знает, что сейчас время не размышлять, а действовать. Тяжелое чувство охватило нас: вроде бы мы здесь немца побили, наступали, отстояли свои рубежи, вцепились в них, а теперь почему-то уходим. Если бы знать причину!

В штабе дивизии, а тем более в штабе армии, на карте командующего ясно видна общая обстановка. У нас же, на передовой, как и в батальоне у соседей, на виду далеко не все — только свое, местное. Отсюда и горькое недоумение: как же так, врага побили, а позиции оставляем?

Было решено: с наступлением темноту батальон снимется и пойдет по указанному маршруту за Северный Донец, а здесь еще несколько часов будет действовать группа прикрытия: стрелять, освещать ракетами местность, создавать видимость, будто на этом участке фронта ничего не изменилось.

Стемнело. Роты бесшумно снялись и сосредоточились в балке. Тут же стояли верховые лошади и повозки со станковыми пулеметами и другим имуществом. Я должен был отходить позже, с теми, кто оставался на переднем крае.

Комбат скомандовал:

— Шагом марш!

Батальон тронулся с места, а из темноты послышалось:

— Опять назад…

А в голосе такая горечь, что понимаешь: люди недовольны. Но приказ есть приказ, и мы двинулись к Донцу.

Батальон ушел, а я и Муха остались с группой прикрытия.

Перед рассветом мы снялись с передовой и отправились вслед за батальоном. Под копытами чавкало грязное месиво, было сыро и холодно. Саперы указали нам проходы в уже заминированной местности. Едва успели переправиться через Донец, как подрывники взорвали мост. Здесь, за Донцом, скопилось много войск, и мне с трудом удалось отыскать свое подразделение лишь во второй половине дня.

Вскоре в районе населенного пункта Белый Колодец мы снова остановились, чтобы отразить неприятельскую атаку. На наш и соседний 34-й гвардейский стрелковый полк навалилось до ста танков с пехотой. Завязался жаркий бой. Несколько машин нам удалось подбить и поджечь. Однако некоторая часть их прорвалась прямо на командный пункт полка. На его защиту встали все — и связисты, и саперы, и офицеры во главе с Иваном Аникеевичем Самчуком. Потеряв около пятнадцати танков и много солдат, противник откатился.

К исходу дня фашисты предприняли попытку обойти нас справа. Мы видели колонны вражеских машин с пехотой, артиллерию, однако помешать этому движению не могли: в батальоне имелась лишь одна трофейная 37-миллиметровая пушка. Снарядов к ней было всего несколько штук. Их берегли на случай, если танки пойдут на нас.

Вечером прилетели десятка два «хейнкелей». Они высыпали не бомбы, а листовки. В одних перечислялись десятки наших дивизий, якобы уже находившихся в окружении. Нам внушали, что сопротивление бесполезно и надо сдаваться. В других фашисты обращались не к бойцам и командирам, как обычно, а к комиссарам, чтобы они убедили войска сложить оружие.

Я протянул одну из листовок Ракчееву:

— Читал?

— Да.

— Что скажешь?

— Не все, должно быть, гладко у. них, раз с комиссарами заигрывают.

Ночью поступило распоряжение на отход. Мы снялись с занимаемых позиций и двинулись в путь. Батальон опять находился в арьергарде. Последней покидала позиции 2-я рота, с которой шел старший сержант Ильин — теперь уже помощник начальника штаба. Комбат был где-то впереди. Колонны 1-й и 3-й рот замыкали мы с комиссаром. Двигались всю ночь. С рассветом над нами снова повисли самолеты противника, они не бомбили, а только патрулировали. Это было странно. Направлялись мы на станцию Приколотная. Недалеко от нее, справа и слева, завязался бой. Едва немецкие пулеметы открыли огонь, на наши колонны посыпались бомбы.

Комиссар взглянул на карту:

— Вот здесь они и должны были нас захлопнуть.

Видимо, гитлеровцы рассчитывали захлестнуть горловину, через которую проходили наши части, но у них ничего не вышло. Мы успели прорваться.

Бомбежка и обстрел с воздуха усилились.

Мы с Ракчеевым ехали несколько в стороне от общего потока людей. Местность как на ладони: ни скрыться, ни замаскироваться. На бреющем полете появились шесть двухмоторных «мессеров» и стали кружить прямо над нами. Неужели будут стрелять по двум всадникам?

На всякий случай спешились, залегли. А карусель продолжала вертеться. Снаряды и пули впивались в дерн. Наконец вражеские самолеты улетели. Мы с комиссаром поднялись. Оба живы и лошади целы. А неподалеку, в лощине, — груды тел, крики, стоны. Оказывается, это не нас, а укрывшихся в лощине обстреливали.

Для меня с Ракчеевым ужаснее всего было сознавать, что мы ничем не могли помочь им. Отдали индивидуальные пакеты — все, что имели, и с горечью, со стыдом За свое бессилие двинулись дальше.

Мозг сверлила мысль: как бы сохранить управление батальоном. Вместе с комбатом постарались рассредоточить его, чтобы нести меньше потерь от бомбежек и обстрелов с самолетов. Подъехал к нам командир хозяйственного взвода сержант Иван Егорович Гаркавенко и спросил, где будем кормить людей. Какая тут кормежка!

Соберешь бойцов возле кухни, а фашисты налетят и побьют всех.

— Нет, — твердо ответил Цуладзе, — до темноты не будем кормить. Смотри, береги кухни. Не суйся с ними туда, где много войск.

Так продвигался наш батальон. На станции Приколотная, вернее, в районе станции, мы все собрались вместе — и командование и батальон, не хватало только 2-й роты лейтенанта Ивана Кузьмича Сафронова. Но вскоре, прорвавшись через вражеский заслон, она нас догнала. Потери в роте оказались незначительными.

Бомбежка несколько поутихла. Мы воспользовались передышкой, прошли по ротам и сообщили общее направление дальнейшего марша.

Хотелось верить, что еще немного — и мы зацепимся за какой-то удобный рубеж и станем стеной на пути противника. А пока продолжали идти, и каждый шаг больно отдавался в сердце.

Наткнулись на кустарник. Остановились, спешились, чтобы размять ноги.

— Может, погрызем что-нибудь? — предложил кто-то.

Но, кроме нескольких сухарей, ни у кого ничего не оказалось. Ракчеев вытащил из кармана бутылку, которую ему дал на железнодорожных путях Приколотной какой-то солдат. Мы откупорили ее, по очереди отпили по самой малости и стали грызть сухие корки. А хотелось просто напиться самой обычной воды, уж очень было жарко. К нам подошел Ильин, доложил капитану Цуладзе о положении во второй роте. Мы предложили ему сухарь и в крышку от фляги налили немного вина. Он с безразличием принял наш дар.

— Я сильно потер ноги, и мне ничего не нужно, лишь бы немного проехать.

Я уступил ему свою обозную, изрядно уставшую лошадку, Ильин уехал.

Пока мы сидели, наши роты ушли вперед. Пора было и нам двигаться дальше. А тут, откуда ни возьмись, появились неприятельские мотоциклисты и с ходу открыли огонь по кустарнику. Все бросились к лошадям. А я стал продираться через заросли. Ветки цеплялись за плащ-палатку, за автомат. Огонь не

прекращался. «Ну, думаю, влип по-глупому». Оглянулся: откуда бьют? Оказалось, гитлеровцы выскочили уже за станцию Приколотная и обстреливали наши арьергарды. Кое-как пролез через кустарник, дальше — поле. Смотрю, бежит неоседланный белый конь, красивый такой, видно, кавалерийский, однако быстро бежать не может, так как передней ногой попал в повод узды. Посвистывая, стал ласково подзывать его. Конь приостановился. Я бросился к нему, схватил за узду, похлопал по шее, выпутал ногу из поводьев и вспрыгнул на него. Теперь я мог догнать своих. Конь несся быстро и легко.

К вечеру собрался весь батальон: стали приводить себя в порядок. Командир полка и командир дивизии установили с нами связь. Кухни наши уцелели, и поэтому ночью и рано утром мы смогли покормить людей.

Где, в каком именно месте находился Родимцев, мы не знали, но он был с войсками, с нами. В телефонной трубке отчетливо звучал его хриплый голос. Он подбадривал нас:

— Вешать головы рано. Рано, шайтан вас дери!.. Еще дадим фашисту жару…

Мы и сами были уверены, что в конце концов остановим врага. И не только остановим, а и перейдем в наступление. Об этом мечтал каждый. Долго такое положение продолжаться не могло. Вот уже и танки у нас появились. И новые самолеты. И «катюши», которые наносят мощные удары по врагу. И мы уже не такие, какими вступили в войну.

Вышли на рубеж обороны вблизи города Валуйки. Утром фашисты, после мощной артиллерийской подготовки, под прикрытием дымовой завесы поднялись в атаку. Дым затмил все. Не, видно было даже товарищей по соседним окопам. Чудилось, будто со всех сторон в тебя стреляют из автоматов и пулеметов, надвигаются танки…

Я был в роте Карпенко, к тому времени основательно поредевшей. Карпенко, прижавшись щекой к ручному пулемету, левой рукой плотно прижимал к плечу приклад. Пальцы его шевелились, как будто приглашали кого-то подойти поближе. Пилотка сползла на левый глаз, и из-под нее по щеке скатывались капельки пота. Возле Карпенко, напряженно всматриваясь в дым, держал наготове снаряженные магазины его ординарец. Младший политрук Гришин взвел затвор автомата…

Стрельба усилилась, вокруг жикали пули, нарастал гул танковых двигателей, но по-прежнему ничего не было видно. Совсем рядом, слева, пролязгал гусеницами танк, разорвались одна за другой несколько гранат, кто-то смачно выругался. Перед

окопами из дыма, словно привидения, внезапно возникли двигавшиеся цепью вражеские пехотинцы. По ним хлестнули пулеметные и автоматные очереди, справа застучал «максим». Фашисты, видимо не ожидавшие такого плотного огня, на какое-то мгновение замешкались. Многих скосили наповал наши пули; те, кто уцелел, рванулись вперед. Пулемет Карпенко не умолкал. В ход пошли гранаты, и атака немцев захлебнулась.

Меня кто-то несколько раз дернул сзади за гимнастерку. Обернулся — телефонист протянул мне трубку.

— Алло!.. Алло!..

Но в трубке что-то трещало. Я заткнул пальцем свободное ухо, опустился на дно окопа, снова и снова то кричал «алло», то спрашивал совсем тихо, кто меня вызывает. Скорее догадался, чем узнал голос Цуладзе. Комбат интересовался обстановкой в третьей роте. Я доложил, что находится пока на прежнем месте. Атака, кажется, отбита.

Цуладзе сообщил, что фашистов отбросили и другие подразделения. Но часть танков прорвалась в наш тыл. Он потребовал удержать позиции любой ценой. Если нас выбьют из окопов, сказал он, то в чистом поле будем раздавлены танками.

Дым постепенно рассеивался, и обзор расширялся. Стрельба продолжалась, но уже с меньшим напряжением. Неподалеку от моей ячейки чадил догоравший танк со свастикой на башне. Из люка свешивался вниз головой не успевший вылезти танкист, его белесые волосы были залиты кровью, другой лежал у оборванной гусеницы. А неподалеку от них наш солдат перевязывал товарища: правой здоровой рукой тот придерживал левую, окровавленную. Наверное, это они уничтожили танк и его экипаж.

В тылу у нас шел бой с прорвавшимися гитлеровцами. Там с предельным напряжением работали артиллерийские батареи Сергеева и Кузьмина. Особо хочется сказать о роте ПТР старшего лейтенанта Дядькина. В неравном бою бронебойщики уничтожили около десяти танков. Но и сами понесли тяжелые потери. Почти все бойцы были убиты или ранены, уцелело лишь несколько человек. На этом участке враг не прошел.

К полудню стало жарко, хотелось пить, пот разъедал глаза. Несмотря на то что атаки отбили, на душе было тягостно. Противник производил перегруппировку и подтягивал резервы. Я видел в бинокль, что в его расположении появилось много танков, но они пока что активных действий не предпринимали.

В нашем полку не было ни единого танка, в небе — ни единого самолета. Я пробрался на НП и спросил Цуладзе, чем мы будем отражать атаку, если эта армада обрушится на нас. Он спокойно ответил:

— Тем, что есть.

А танки врага все выползали и выползали из-за бугра, доходили до определенного рубежа и останавливались, как бы готовясь к прыжку.

Начал считать, но их было столько, что скоро сбился. Да и зачем это делать, если бить их все равно нечем.

— Надо отходить, раздавят…

— Иди к Самчуку, доложи свое мнение, — насмешливо посоветовал мне Цуладзе.

Командир полка сам пришел к нам на НП. К тому времени Самчук стал подполковником.

— Ну, Цуладзе, как дела?

— Пока отразили, а вот что дальше — не знаю.

— Дальше опять будешь отражать.

— Товарищ подполковник, почему они стоят? — спросил я Самчука.

— А ты пойди спроси у них.

— Может быть, нам отойти, пока они не атакуют?

— Видишь вон тот курган? — Иван Аникеевич указал рукой. — Там на своем НП находится Родимцев, и он сказал мне: «Отойдешь, Самчук, расстреляю, не посмотрю на наши товарищеские отношения».

Я знал, что командир дивизии и командир полка учились вместе, дружили. Слова Самчука потрясли меня. Но уже в следующее мгновение я понял, что только исключительно напряженная обстановка вынудила Родимцев а произнести эти страшные слова, и произнес их он, по-видимому веря в Самчука, в его умную голову.

И еще я подумал, что теперь все зависит только от нас, от нашего упорства и умения малыми силами противостоять бронированному кулаку врага.

Самчук раскрыл свой планшет, провел рукой по целлулоиду, словно разглаживая аккуратно сложенную карту этого района, сорвал стебелек пырея и, покусывая кончик, по своему обыкновению, долго вглядывался в обозначенные на ней рубежи. Затем начал водить стебельком по карте, объясняя нам обстановку в более широком плане. В заключение сказал, что нужно удержать занимаемый рубеж до наступления темноты.

Только к вечеру противник снова двинулся в атаку — как-то незаметно, без артподготовки, просто танки поползли вперед, за ними — пехота. А из-за бугра подходили новые силы. Бой был ожесточенным. Гвардейцы дрались героически, но танки неприятеля потеснили нас. Продолжая отбиваться, мы начали пятиться. Солнце, медленно катившееся к горизонту, наполовину

спряталось за его чертой. Мы сумели оторваться от неприятеля, зацепились за выгодный рубеж, и наши бойцы, не теряя времени, стали окапываться. Мимо нас шли и шли разрозненные группы из других частей. Цуладзе приказал мне задерживать их, сколотить из них подразделение и занять оборону во втором эшелоне.

Не знаю, как долго пришлось бы мне метаться среди отходивших бойцов и насколько успешно увенчалась миссия, возложенная на меня комбатом, если бы наблюдательный Муха не указал на легковые автомобили, за которыми на расстоянии полутора-двух километров пылила какая-то колонна. «Наверное, подкрепление. Может быть, и танки», — обрадовался я. Тем временем легковушки подъехали к отходившим бойцам и остановились. Из первой машины вышел командующий фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Его сопровождали несколько генералов и офицеров. К ним подкатила крытая полуторка, из кабины которой выскочил молодой генерал-майор и подбежал к маршалу. Тимошенко, возвышаясь над окружавшими почти на целую голову, указывал в сторону противника и что-то говорил генерал-майору, который смотрел то на местность, то на карту.

Бойцы, увидев командующего фронтом, замедлили шаг, рассредоточились и стали окапываться.

Мы находились на гребне высоты. В сторону гитлеровцев местность постепенно понижалась, образуя широкую пологую балку. Уже наступали сумерки, когда по ту сторону ложбины показалась лавина танков, колонны пехоты и конница неприятеля, примерно двести — триста всадников. Все это двигалось по неубранным полям прямо на нас. Не знаю, как другие, но я не успел даже подумать, как быть: раздался сильный грохот, и через наши головы пронеслись реактивные снаряды. Это было так неожиданно, что мы инстинктивно бросились на землю. Никто из нас не видел, как подошли «катюши».

Огненные всплески настигли фашистские танки. Пробивая черный дым и пыль, там забушевало пламя, которое стремительно распространялось ввысь и вширь. Словно свечи запылали двенадцать вражеских машин. Сзади нас раздался еще один залп. На этот раз удар пришелся по коннице и пехоте. Казалось, с наступающими было уже покончено. Но залп «катюш» прогремел в третий раз. Мы воспряли духом. Положение наше сразу улучшилось. Насколько оно было критическим, можно судить по тому, что С. К. Тимошенко счел необходимым лично появиться на этом направлении. Три залпа «катюш» сорвали задуманный фашистами маневр и дали нам возможность оторваться от них.

На фоне темно-розового неба появились наши штурмовики. Их было немного. Они стали бомбить и обстреливать неприятельские позиции.

В течение ночи мы оборудовали новый оборонительный рубеж и выдержали бой с численно превосходящим противником. Потом — снова отход и новые схватки…

В одной из них был тяжело ранен командир полка Иван Аникеевич Самчук. В командование частью вступил его заместитель майор Семен Степанович Долгов, а комиссаром полка вместо раненого Морозова назначили старшего батальонного комиссара Тимошенко, которого я еще ни разу не видел.

Наш отход продолжался. За сутки мы одолевали и по сорок, и по шестьдесят километров. Энергия комбата Цуладзе поражала: он везде успевал, старался, чтобы и в такой обстановке батальон оставался боеспособной единицей.

Но не суждено было нашему комбату дожить до победы. Самолет-разведчик сбросил бомбу, и Цуладзе, лежавшего вместе с комиссаром на повозке, смертельно ранило осколком в живот. Прежде чем кто-либо успел опомниться, он застрелился.

Я узнал об этом не сразу, так как находился в хвосте колонны вместе с 3-й ротой лейтенанта Карпенко.

Если люди не уверены в себе и не знают обстановки, они легко поддаются страху. Поэтому, когда на бугор выскочили десять танков и открыли огонь — это было уже около Дона, — бойцы забеспокоились, назревала неразбериха. Неподалеку от нас тракторы тянули восемь тяжелых 107-миллиметровых пушек. Почему-то никто не догадался повернуть их против танков. Я взглянул на офицера-артиллериста. Он ничего не предпринимал. Меня зло взяло: такие сильные орудия, а бездействуют. Поскакал к нему, обругал. Он даже не пытался оправдываться. Я нашел командира дивизиона.

— Разверните хотя бы две пушки, ударьте…

Это подразделение в боях еще не участвовало. Расчеты были укомплектованы полностью. Майор то ли меня послушал, то ли сам решил, что по-другому поступить нельзя: развернул два орудия. Они выпустили несколько снарядов и подожгли два танка. Остальные поспешили укрыться за бугром.

Мы направились дальше. В эти сутки я не видел ни комбата, ни комиссара, естественно, ни я, ни третья рота не знали, что капитана Цуладзе уже нет в живых и что его останки везли на повозке всю ночь, а утром похоронили, кажется, в Чертково. Лишь полтора месяца был он нашим командиром. Мы потеряли хорошего офицера и замечательного товарища.

Командиром 1-го батальона снова был назначен я.

Мы вели ожесточенные схватки с противником, но закрепиться нигде не могли. К Дону подошли затемно. Часть сил 13-й гвардейской дивизии переправилась через реку в районе станицы Вешенской, а 39-й гвардейский полк и артиллерия дивизии, отрезанные передовыми неприятельскими частями, вынуждены были спуститься южнее, в район Цимлянской.

У переправы к нашему батальону присоединились бойцы из некоторых других полковых подразделений. Сейчас, конечно, трудно точно установить сколько именно. Пожалуй, человек пятьсот-семьсот. К тому времени дивизия понесла весьма ощутимые потери в командном составе: командир артиллерийского полка был убит, все три командира стрелковых полков — ранены. Поскольку на переправе не оказалось никого старше по званию, мне пришлось временно принять на себя командование этим отрядом. Мы стали именовать его 39-м гвардейским стрелковым полком.

Через реку был наведен понтонный мост. У переправы— сутолока. Майор, командовавший движением войск, один не управлялся.

К берегу подъехала полуторка-стартер. На ней — летчик-лейтенант. Увидел мои голубые петлицы — я еще носил летную форму, — подошел ко мне.

— Что будем делать?

— Переправляться.

— А как?

— Не знаю.

Пошли мы с ним к майору, я доложил, что привел сюда полк: надо организованно переправиться.

— Помогите навести порядок, — попросил майор. — Тогда и переправитесь.

Все наши командиры включились в работу. Пробку удалось рассосать. С грехом пополам перебрались на противоположный берег Дона.

Я попытался разыскать кого-нибудь, кто мог бы членораздельно сказать мне, что делать дальше. Мы понимали, что на Дону должна быть организована оборона, что на этом водном рубеже нужно задержать наступление противника. Но найти никого не удалось.

Над рекой появился вражеский воздушный разведчик. Значит, скоро прилетят бомбардировщики. Мы отъехали на несколько километров в сторону и рассредоточились. Мимо пролетели две группы бомбардировщиков по тридцать шесть самолетов каждая. Они стали бомбить переправу.

Мы дошли до какой-то станицы и расположились на отдых. Старшины затеяли кормить людей, а я пустился на поиски начальства. Надо было узнать, где наша дивизия или хотя бы штаб армии. И опять никто ничего не мог сказать толком. Что делать — неизвестно: занимать ли оборону, идти ли дальше? Вдруг, откуда ни возьмись, лейтенант Карпенко и младший политрук Гришин, говорят, что меня вызывает какой-то офицер. Подошел с ними к машине, навстречу мне — капитан:

— Кто вы?

— Командир первого батальона, тридцать девятого гвардейского полка…

Он проверил мои документы и передал письменное приказание, в котором говорилось: «Командиру 13-й гвардейской стрелковой дивизии следовать через Котельниково, Сталинград в Дубовку».

— Это же адресовано командиру дивизии, а я всего-навсего комбат.

— Мне все равно, — ответил он. — Мне велено: кого из офицеров дивизии встречу, тому и приказ вручить. А вы своего командира дивизии уж сами ищите.

Записал мою фамилию и умчался.

Карты у нас не нашлось. Расспросил местных жителей, те подсказали, как ехать. Объявил личному составу о полученном приказе, и, вытянувшись в колонну, мы поехали. Я не оговорился: именно поехали, пеших у нас уже не было, все разместились на подводах.

Мне повезло: не успели выбраться из населенного пункта, как встретили полкового инженера старшего лейтенанта Николая Григорьевича Паршина. От него я и узнал, что наш полк переправился через Дон в районе Цимлянской. Примерно в то же время, что и мы. Гитлеровцы следом высадили десант, но он был сброшен в реку. Командование полка, две полковые батареи и часть 3-го батальона (в полку было в ту пору всего два батальона) находились здесь же, неподалеку.

Мы с Паршиным рысью поехали к комполка. Майор Долюв очень обрадовался, что мы нашлись и что теперь налицо, хотя и сильно потрепанный, но все же полк. Долгов спросил, сколько у меня людей, где они, накормлены ли. Я доложил. Сказал, что имею кухни и запасы продовольствия.

Здесь же я познакомился с новым комиссаром полка майором Тимошенко. Это был среднего роста мужчина в пилотке, подчеркивавшей полноту его широкого лица.

Комиссары у нас и в батальонах, и в полку, и в дивизии были хорошие. Каждый умел поговорить с человеком, а на войне это ох

как много значит! Мы жили с нашими комиссарами душа в душу, и когда кто-то из них выбывал по ранению, а кого-то в интересах дела переводили в другую часть и на их место приходили новые люди, к ним, естественно, приглядывались, прикидывали: «Каков ты есть? Уживемся ли?» На войне каждый на виду: каков ты — проверяется не на словах, а в бою, в деле.

Нашего любимого комиссара Михаила Ильича Ракчеева переводили в соседний, 34-й гвардейский стрелковый полк.

Дальнейший наш путь был долгим. Прошли через Сталинград — еще целый, не разбитый, не сожженный, затем повернули на север, к Дубовке. Там в конце июля 13-я гвардейская стрелковая дивизия была переправлена на левый берег Волги и впервые с начала войны расположена на отдых и доукомплектование. 39-му гвардейскому стрелковому полку было отведено место в роще, за селом Политотдельское.

К нам пришло пополнение из госпиталей и расформированных подразделений. Народ хороший, опытный. Батальон укомплектовали почти по полному штату (не хватало лишь девятнадцати человек).

Естественно, это повлекло за собой и некоторые перемены в командном составе. В частности, моим заместителем стал гвардии старший лейтенант Николай Александрович Шепрут. На должность начальника штаба я усиленно рекомендовал Михаила Ивановича Ильина, к тому времени получившего звание гвардии младшего лейтенанта. Мы хорошо сработались и крепко подружились, но нас связывало и нечто большее — глубокое уважение друг к другу. А обширные познания, прекрасная военная подготовка и опыт, накопленный на фронте, делали кандидатуру Ильина в моих глазах самой подходящей для должности начальника штаба. Ильину было столько же лет, сколько и мне. Я подробно изложил свои соображения командиру полка Долгову. Семен Степанович внимательно выслушал меня, немного помолчал, потом решительным тоном произнес:

— Воевать с батальоном придется тебе, и коль скоро ты настаиваешь на Ильине, то и назначить нужно Ильина. Кандидатура подходящая.

Так состоялось это назначение. Несколько раньше, сразу же после того как мы распрощались с Ракчеевым, в батальон прислали нового комиссара, старшего политрука Тимофея Андреевича Нефедьева.

Наш штаб размещался в нескольких стоящих один подле другого домах. Питались, как правило, все вместе. Кормили нас неплохо, но были у нас и дополнительные ресурсы: у старика

хозяина брали бредень, и солдаты из хозяйственного взвода ловили в заводях рыбу. Или же в складчину покупали на молочном заводе творог, сметану.

Наш повар Саша Дугин готовил вкусно даже из «ничего», а уж если у него заводились продукты, он так и сиял: любил свою профессию, гордился тем, что хотя он всего-навсего повар, а батальон без него, как говорится ни туды ни сюды. Для него не было большего удовольствия, если люди ели с аппетитом. Счастливый, улыбающийся, он закуривал громадную цигарку самосада, от которого окружающие разражались кашлем и потоком слез, и с удовлетворением замечал:

— Табак вырви глаз. Для нас самый раз, а буржуазия дохнет.

Когда же с продовольствием было туго и хороший обед приготовить не удавалось, Саша старался не попадаться нам на глаза. А если приходил, то с такой кислой физиономией, что становилось жалко его. В Политотдельском у него было отличное настроение: имелись продукты, и он старался накормить своих боевых товарищей повкуснее.

Как только батальон был укомплектован и вооружен, начались занятия по боевой и политической подготовке. Программы занятий в современном понятии не было. Собрал нас командир полка гвардии майор Семен Степанович Долгов и сказал:

— Все вы имеете боевой опыт, вот и обучите своих подчиненных тому, что нужно в бою. Добейтесь, чтобы люди могли быстро окапываться и не пренебрегали маскировкой.

Командир нашего полка не отличался красноречием. То, что говорил, формулировал четко и, отдав приказание, бросал короткий испытующий взгляд, словно хотел убедиться в том, что понят правильно. И в этот раз он тоже, по своему обыкновению, глянул в глаза каждому из командиров.

В штабе батальона в результате коллективного обсуждения были составлены план и расписание подготовки подразделений. Решили кроме наступления и обороны в оставшееся время отработать тему «Отход». Отходить, даже тогда, когда прикажут, мы еще не умели, во всяком случае не всегда получалось так, как нужно. Между тем наш предшествующий боевой опыт подсказывал, что отход отходу рознь. Отход может быть не только вынужденным, но и преднамеренным, когда командование решает вывести войска, чтобы создать более благоприятные условия для борьбы с наступающим противником. Отход — это не только отрыв своих частей от врага и переброска их на новые рубежи, но и перегруппировка своих сил и средств для выполнения последующих задач. Для командиров всех степеней

искусно владеть тактикой отхода не менее важно, чем умение организовать наступление. Здесь множество тонкостей, которые нужно хорошо знать и предусмотреть, в особенности, когда производится отвод главных сил. Я уже имел случай убедиться в этом, когда нашему батальону приходилось вести арьергардные бои, которые требовали не только отваги и мужества, не только решительности, но и умелого выполнения поставленных задач. Ведь арьергард, как правило, не рассчитывает на поддержку главных сил, а, напротив, обеспечивает их действия. Этими соображениями и было продиктовано наше решение.

И вот я у гвардии майора Долгова с расписанием занятий батальона. Там, где было написано «Отход», он добавил: «на новые позиции» — и подписал.

За несколько дней до того, как мы должны были представить планы боевой и политической подготовки на утверждение командиру и комиссару полка — все это происходило в августе 1942 года, — нас ознакомили с полученным из Ставки Верховного Главнокомандования приказом № 227.

Суть его можно выразить всего в трех словах — ни шагу назад! Вопрос был поставлен так: умрем, а не будем больше отступать. А раз не отступим — то победим.

Мы приободрились. Во всех звеньях батальона развернулась упорная учеба, мы старались как можно рациональнее использовать свое время, памятуя, что тяжело в учении — легко в бою.

Командир дивизии гвардии генерал-майор Александр Ильич Родимцев сам проводил с комбатами занятия по тактике, топографии и другим видам подготовки. В своей выцветшей солдатской гимнастерке, с неизменным планшетом на тонком ремешке, перекинутом через плечо, с обветренным лицом, по-крестьянски простым и умным, на котором под выгоревшими до белизны бровями голубели цепкие и, казалось, видящие тебя насквозь глаза, Родимцев ничем внешне не отличался ни от нас, нижестоящих командиров, ни от своих солдат. Он и жил по-солдатски: в точно такой же землянке или избе, что и мы, ел ту же пищу, что и мы, из такого же котелка, что и солдаты. Его объяснения всегда были доходчивы и понятны, быть может, потому, что он не навязывал нам своих выводов, а умел пробудить нашу собственную мысль, увлечь тем, чем горел сам. Однажды он предложил:

— Ну а если наступать не перебежками? Если — цепью, чтобы одним прыжком передвигалось все отделение, взвод, рота и каждый имел бы в поле зрения других, как и те — его?

И попросил нас подумать об этом, так как наступление

цепью, по его мнению, улучшает управление движением, дает возможность быстрее сблизиться с противником, что, в свою очередь, уменьшает потери.

Не знаю, как в других батальонах, но мы, подумав, согласились с его доводами и стали учить своих солдат наступать цепью. Ведь до того все надежды возлагались на индивидуальные перебежки, и в военных училищах нас тоже этому обучали. А бой показал, что не всегда и не везде такие одиночные перебежки, или перебежки слева, справа по одному, — целесообразны.

Допустим, Иванов побежал вперед, пулемет дал по нему очередь. Он — раз! — и лег в воронку или в ямку и не смотрит, что там сзади делается, ждет, когда перебежит Петров, а тот убит или ранен. Командир дает Иванову команду: «Вперед!» — а Иванов не слышит или слышит, но не видит, чтобы другие перебегали, и тоже лежит, а время между тем уходит, противник усиливает огонь — и в результате атака захлебнулась.

Нам казалось, будет намного лучше, если по команде отделение станет сближаться с противником цепью, одновременными бросками-перебежками. Командир указывает рубеж, который нужно достигнуть, подает команду, и все отделение перебегает. Да и сама уставная команда: «В атаку, за мной!» — тоже вызывала сомнение. Ведь бывало так. Начиналась атака, немец поливал все вокруг огнем, люди ложились. Их приходилось поднимать, а кто поднимает? Командир или же политрук. Со словами «За мной!» командир поднимался и… становился отличной мишенью для врага. Возможно, это и было одной из причин наших больших потерь в командном составе, особенно в звене от отделения до роты. Взводный командир у нас, можно сказать, почти и не жил. Разумеется, в отдельные, критические моменты такая команда нужна, но возводить ее в степень закона при современном насыщении войск автоматическим оружием — значит лишаться командного состава.

Дни были уплотнены до предела. Приказ № 227 как бы мобилизовал, сконцентрировал энергию и волю людей на подготовке к предстоящим боям, требовавшей неимоверного физического и душевного напряжения. На усталость никто не жаловался.

Поскольку в батальоне обновился личный состав, мы старались во время учебы ближе познакомиться, присматривались друг к другу: ведь предстояло вместе воевать. Этим все сказано. Каждому хотелось дожить хотя бы до того момента, когда мы погоним фашистов назад, увидеть это своими глазами. Я приглядывался к новому комиссару Нефедьеву, а он —

ко мне.

В те дни я несколько раз разговаривал с ним по душам. Тимофей Андреевич рассказал мне, что был комиссаром в армейском саперном батальоне, а на передовой быть ему еще не приходилось, если не считать нескольких случаев, когда при установке противотанковых мин к их рубежу прорывались неприятельские танки. До войны работал секретарем райкома комсомола где-то в Мордовии или Чувашии, был женат, имел ребенка. Мы иногда над ним посмеивались, это уже позже, когда он начинал письмо своей жене (ее звали Клавдия, а отчество было или Сергеевна или Степановна) словами: «Здравствуй, дорогая КС…»

— Разве твоя Клавдия зажигательная жидкость? (Бутылки для борьбы с танками заполнялись горючей смесью КС).

Нефедьев по годам был старше всех наших командиров. Энергичный, сухощавый, не очень высокий, с вечно торчавшей во рту цигаркой, он быстро вошел в коллектив. Мне он с подкупающей откровенностью сказал:

— Нам нужно, Иван, жить и воевать дружно, проводить единую линию, чтобы не врастопырку получалось. Я еще не имею опыта боев в пехоте, зато разбираюсь в людях. Мы должны создать хороший боевой коллектив, а для этого нужно все согласовывать.

Я думал точно так же и ответил, что это правильно, что и с Ракчеевым мы работали в тесном контакте и у нас как будто неплохо получалось.

Положение на фронте становилось все серьезней. В излучине Дона шли тяжелые бои. Противник наступал на Кавказ. Все чаще в сторону Сталинграда пролетали наши бомбардировщики Пе-2 в сопровождении истребителей. И все чаще нас стала беспокоить по ночам вражеская авиация.

Вскоре впервые в районе Политотдельского фашистская авиация с наступлением темноты начала бомбить какие-то суда и баржи на Волге. Ракеты, повисшие на парашютах, ярко осветили реку. Бомбы со страшным воем летели к воде и там взрывались.

Сводки Совинформбюро становились тревожнее. Противник рвался к Сталинграду. Пора отдыха и учебы подходила к концу.

Как ни было трудно, как ни уставали бойцы за день, молодость брала свое. По вечерам на главном «проспекте» Политотдельского заливались гармошки, и вот уже в одном месте пускался вприсядку по кругу кто-либо из солдат, в другом — заводили песню.

Хороши августовские теплые ночи. Хороша притихшая степь,

когда над ней плывет и словно тает в воздухе мягкий девичий голос. Поет, тоскует девушка о милом, ждет не дождется его с войны с победой… А далеко-далеко, где-то на линии горизонта, виднелся отсвет, а то и вспышка пламени, словно пронеслась гроза. Но мы знали — это не гроза, там шел бой. И может, быть, завтра, а то и сегодня поступит приказ — и мы снимемся с места. А пока те, кто был свободен от ночных занятий, спешили на «пятачок». С величайшим старанием танцевали мы со своими партнершами, жительницами села, подряд все танцы, какие только знали наши гармонисты. Здесь завязывались знакомства, серьезные и мимолетные. И как свойственно молодежи, обменивались адресами, давали слово писать друг другу письма, обещали побить фашистов, ни за что не пропустить их сюда.

На одном из деревенских «пятачков» познакомился я с симпатичной девушкой. Вере, так звали ее, было девятнадцать лет. Эвакуировалась она, если не ошибаюсь, из Воронежа и застряла в Политотдельском, где в то время находился ее отец — политработник. Высокая, стройная, Вера была хороша собой, начитанна, и у нас нашлось, о чем поговорить и поспорить. И танцевать с ней было легко и приятно. Однако виделись мы редко: я был очень занят.

Но вот однажды выдался свободный час. Я решил проехаться верхом на своей Малышке, без всякой цели, просто прогуляться. Предупредив Ильина и ординарца Ивана Кузьмича Богуславского (который опекал меня столь же заботливо, сколь раньше Андрей Григорьевич Муха), где буду, я направился в сторону соседней деревушки, что разбросала свои дома километрах в двух от Политотдельского.

На скамейке возле какой-то хаты сидела с книгой в руках девушка. Когда я подъехал, она подняла голову, и я узнал Веру. Оказалось, здесь жила ее подруга.

Спешившись, забросил повод на седло.

— Какая красивая лошадь! — похвалила Вера и стала расспрашивать о Малышке.

Разговорившись, мы вышли за околицу. Малышка шагала позади. Не скрою, прогулка эта, в обществе милой, умной девушки, взволновала меня. Война куда-то отодвинулась. Вдруг Вера заметила всадника. Он мчался со стороны Политотдельского во весь карьер. Это был Кузьмич. Подъехав, он доложил, что меня разыскивает командир полка: в штабе идет совещание и приказано строить батальон по тревоге.

Я протянул Вере руку, чтобы проститься, а она, словно не заметив, растерянно посмотрела на меня:

— По тревоге… Значит, на передовую?

— Туда, куда прикажут, — ответил я.

— Возвращайтесь с победой!

Мы с Кузьмичом уехали, и сколько я ни оглядывался, одинокая Верина фигурка долго еще стояла неподвижно. Чем дальше — тем она становилась меньше и наконец совсем исчезла из виду.

Исчезла и из моей жизни. И быть может, я не рассказал бы здесь об этой встрече, не имей она весьма неприятные последствия для меня. Впрочем, нет. Даже если бы ничего не случилось, я все равно вспомнил бы о добром напутствии девушки из Политотдельского, которой обязан — не побоюсь употребить почти вышедшие из нашего обихода и почему-то считающиеся старомодными слова — самыми возвышенными чувствами.

Когда я прискакал в штаб части, совещание уже закончилось. За столом сидели командир полка и новый комиссар дивизии Вавилов, которого я увидел впервые.

Вавилов внимательно посмотрел на меня.

— Хорош комбат! Опоздал получить боевой приказ… — и кивнул на Долгова: — Поговоришь с командиром полка, потом зайдешь ко мне.

Долгов укоризненно покачал головой, но ни о чем не спросил, и я почувствовал себя страшно неловко.

— Простите, товарищ гвардии майор.

— Шепрут уже готовит батальон к маршу. Вот задача…

Нашему батальону было приказано совершить марш в авангарде полка. Я должен был выслать вперед ГПЗ — головную походную заставу, поэтому следовало привести батальон в боевую готовность раньше всех, чтобы не задержать выступление других подразделений.

От Долгова я забежал к комиссару дивизии, он вручил мне свежий номер дивизионной газеты «На разгром врага», чтобы прочитать на привале в ротах, и сказал:

— Учти, на марше ты должен доказать, что сегодняшняя твоя недисциплинированность — явление случайное.

— Постараюсь, — совсем не по уставу ответил я.

Батальон готовился к маршу. На повозки укладывали имущество, проверялась подгонка снаряжения, каждый занимался тем, что ему положено было делать. Шепрут доложил мне, что скоро прибудут за получением задачи командиры рот. Времени у нас еще оставалось достаточно. В ГПЗ решил выделить 3-ю роту.

Командир ее Карпенко в военном отношении был подготовлен лучше других. Это, собственно, и определило мой

выбор: ведь в степи, где нет видимых ориентиров, легко сбиться с маршрута.

Нефедьев и Шепрут, строя батальон, проверяли, не забыто ли что. На исходном пункте, который должна была вот-вот пройти ГПЗ, находился я с Ильиным. Сюда прибыли и комиссары Вавилов и Тимошенко.

Осведомившись, почему я направил в ГПЗ 3-ю роту, Тимошенко посоветовал заменить ее ротой Колядинского.

— Так ведь приказ уже отдан. Карпенко, по-моему, лучше справится с задачей, — попытался было объяснить я, однако комиссар, руководствуясь собственными соображениями, настоял на своем и приказал Ильину вывести вперед, в ГПЗ, 1-ю роту.

Мне ничего не оставалось, как подтвердить распоряжение комиссара. В связи с перестроением произошла заминка. Вавилов, стоявший в стороне, подозвал меня и спросил, сумеют ли люди в такую жару наверстать упущенное время.

— Они натренированны, сумеют, — коротко ответили.

Наконец батальон двинулся.

Но, как говорится, беда никогда не приходит одна. Мало того, что я опоздал получить боевую задачу, — ночью Колядинский сбился с маршрута, и мне пришлось скакать по степи в поисках роты, а в ГПЗ послать роту Карпенко.

Я был уверен в нем — и не ошибся. Карпенко вел роту так, словно сызмальства знал все здешние пути-дороги. К утру мы достигли конечного пункта нашего маршрута, где и расположились.

Тем временем пронесся слух, будто бы за недисциплинированность и плохую подготовку батальона Родимцев решил отстранить меня от командования батальоном и назначить заместителем командира 2-го батальона.

Я пошел к Нефедьеву.

— Головы не вешать, а идти вперед, — выслушав меня, твердо проговорил Тимофей Андреевич. — Вот что я тебе скажу, Иван. Я много чего пережил, но, как видишь, жив-здоров. И мы с тобой еще покажем фрицам, где раки зимуют.

Искреннее стремление комиссара приободрить, помочь в тяжелую минуту значило для меня очень много. Я не то чтобы пришел в себя, но обрел способность здраво рассуждать, а подсказанный Нефедьевым план действий отвечал и моим внутренним побуждениям. Он говорил со мной так, словно я был ему родным братом. Такое не забывается.

Тимофей Андреевич посоветовал мне немедленно пойти и рассказать об этих слухах Долгову. Он не сомневался, что командир полка сумеет в случае чего отстоять меня перед

Родимцевым.

— Главное — хорошенько выспись, — продолжал наставлять меня Нефедьев. — В роты сейчас не ходи, что нужно — сделаю сам.

Ночью я ни на минуту не сомкнул глаз. Накурился так, что одеревенел язык.

Утром обошел роты. Хотя старался, как советовал Нефедьев, держаться непринужденно, мне казалось, что окружающие уже все знают. Никак не мог решиться пойти к Долгову, а когда под вечер набрался храбрости, встретил его на улице.

С первых же слов выяснилось, что командир полка ни о чем не знал.

Трудно по прошествии двадцати с лишним лет восстановить сказанное командиром полка, но нервы мои были напряжены так сильно, что каждое его слово запало в память.

— Какая-то ерунда! Сейчас же поговорю с Родимцевым, — сказал Долгов и, бросив недокуренную цигарку, каблуком вдавил ее в землю. — Командир полка не знает о том, что его комбата снимают с должности! У каждого человека есть своя слабинка, свои недостатки. Есть они и у тебя. Излишняя горячность, иногда невыдержанность по отношению к начальникам. Ты можешь высказать свое мнение там, где тебя не спрашивают, но за это не отстраняют от должности. Ты молодой командир, а мы, более опытные, на что? Мы-то и должны помочь тебе быстрее изжить твои недостатки.

Долгов добавил, что не имеет ко мне претензий и то, что сказал сейчас, повторит Родимцеву.

К счастью, все обошлось: никакого приказа о моем смещении не было. Просто кто-то, услышав краем уха о случае в Политотдельском, видимо, «похвастал» своей «осведомленностью», — и, как говорится, пошла писать губерния…

Свалившуюся нежданно-негаданно неприятность я пережил очень тяжело, и только поддержка, товарищеское участие комиссара и командира полка помогли мне быстро вернуть утраченное было душевное равновесие. Я поклялся самому себе, что расшибусь в лепешку, а оправдаю их доверие. Командир, как бы молод он ни был, не имеет права на промахи и не может позволить себе легкомысленных поступков. Далеко не все списывается за счет молодости. Я глубоко осознал это и, казалось, сразу стал намного старше и серьезнее. Вероятно, именно здесь, в преддверии Сталинграда, я и вступил в пору зрелости…

13 сентября 1942 года мы получили приказ о переброске нашей дивизии в Сталинград. Перед отправкой на фронт на митингах было зачитано обращение Военного совета Сталинградского и Юго-Восточного фронтов к воинам: партия, народ, Родина требовали от нас задержать, не допустить фашистов к Волге.

Дивизия была посажена на автомашины. Стояла жара, на степных дорогах сплошной дымовой завесой клубилась пыль, и ни передних, ни задних машин не было видно. Управлять на марше автоколонной мне еще не приходилось, да и средств для такого управления в моем распоряжении не имелось, и потому я чувствовал себя не в своей тарелке: сидишь пассажиром и на движение машин никак повлиять не можешь.

Уже после войны, в 1946 году, в газетном киоске купил я тоненькую книжку «Сталинградская битва» писателя Василия Гроссмана, в которой собраны его очерки, написанные на Сталинградском фронте в период с сентября 1942 по январь 1943 года, и с радостью обнаружил в ней строки, посвященные нашей дивизии, в частности, стремительному маршу на автомашинах:

«День и ночь пылили грузовики по плоской заволжской степи. Коршуны, садившиеся на телеграфные столбы, становились серыми от пыли, поднятой движением сотен и тысяч колес и гусениц, верблюды тревожно озирались, — им казалось, что степь горит, — могучее пространство все клубилось, двигалось, гудело, воздух стал мутным и тревожным, небо заволокло красной ржавой пеленой, и солнце, словно темная секира, повисло над тонущей во мгле землею.

Дивизия почти не делала остановок в пути, вода вскипала в радиаторах, моторы грелись, люди на коротких остановках едва успевали глотнуть воды и отряхнуть с гимнастерок тяжелую, мягким пластом ложившуюся пыль, как раздавалась команда: „По машинам!“ И снова моторизованные батальоны и полки, гудя, двигались на юг. Стальные каски, лица, одежда, стволы орудий, крытые чехлами пулеметы, мощные минометы, машины, противотанковые ружья, ящики с боеприпасами — все сделалось рыжевато-серым, все покрылось мягкой теплой пылью. В головах людей стоял шум от гула моторов, от хриплого воя гудков и сирен — водители боялись столкновений в пыльной мгле дороги и все время жали на клаксоны. Стремительность движения захватила всех — и бойцов, и водителей, и артиллеристов. Только генералу Родимцеву казалось, что его дивизия движется слишком медленно… И генерал все торопил движение, все повышал и без того бешеный темп его, все сокращал и без того короткие остановки. И напряжение его воли передавалось тысячам

людей…»

Нужно отдать должное организаторам этого марша и шоферам. Мы прибыли к месту своего назначения — в Ахтубу — в полном порядке, никто не отстал.

Тут уже чувствовалась близость фронта: движение войск, масса машин, подвод, навстречу везли раненых. На рассвете нам на ходу роздали патроны, гранаты, и полк — теперь уже пешим порядком — направился к Сталинграду.

Над Сталинградом висел зловещий столб черного дыма, который мы видели по дороге в Ахтубу, а когда пришли в Красную Слободу, что напротив города, — он уже закрыл небо: горели нефтехранилища. В городе пылали пожары.

Мы пришли к переправе вечером, но от зарева пожарищ было светло словно днем. Сгрудились у колодца — напиться воды. Подошла девушка-лейтенант, зенитчица. Ну, наше дело молодое, завели разговор: кто да откуда? Она: «А вы?» Мы: «В Сталинград». Тут она как заплачет!

— Я была в зенитных частях под Сталинградом. Как танки подошли, мы против них зенитки развернули, стали стрелять. И все наши девочки там погибли… Убиты, раздавлены… Одна я живая осталась…

Не у одного меня сжались тогда кулаки.

Перед тем как переправиться через Волгу, нам роздали подробный план города. Гвардии майор Долгов поставил перед полком задачу — оборонять заводы: Тракторный, «Красный Октябрь» и «Баррикады». Нашему батальону — Тракторный.

Батальон погрузился на баржу, и мы, буксируемые катером, поплыли. Вот и середина реки. Слышно: в городе бьют немецкие пулеметы.

Говорю комиссару:

— Тимофей Андреевич, слышишь пулеметы? Немцы уже в городе.

— Не может быть, глупости!

Но люди, провоевавшие год, и во сне отличают вражеские пулеметы от своих. Уверенность же Нефедьева основывалась на том, что мы не знали истинной обстановки: нас призывали разбить врага у стен Сталинграда, потому-то и думалось, что фашистов в городе нет.

Командир полка, видимо опередив баржу, встретил нас на берегу. Со словами «Спасители приехали!» нас бросились обнимать какие-то незнакомые товарищи. Выяснилось, что они из частей, которые уже вели бои непосредственно в городе.

Меня это озадачило: «Раз так, — думаю, — дела здесь у них невеселые». Мы еще не знали, что в те дни противник, взломав

нашу сталинградскую оборону, вырвался к Волге, занял господствующий над городом и Волгой курган и продвигался по центральным улицам.

Нам дали проводников, которые вывели батальон на Тракторный. На заводе — ни души. У берега торчала полузатопленная баржа с заводским оборудованием. Как расположиться, занять оборону, — указаний нет. Начал размещать роты фронтом на запад, чтобы люди видели, что делается впереди.

Уже занимался рассвет нового дня —15 сентября 1942 года.

Сзади нас — заводские корпуса, жилые дома, какое-то недостроенное здание. Впереди — маленькие домики и открытая степь. Попав в непривычную обстановку — в крупных населённых пунктах мне воевать еще не доводилось, — разнервничался. Где лучше занимать оборону— в зданиях или же рыть окопы в земле перед ними?

Инстинкт самосохранения тянул в дом, вроде бы надежнее, кругом стены, подвалы, а разум и опыт подсказывали: еще, чего доброго, завалит в доме, кто его знает, будет тот дом цел или нет. Решил рыть окопы перед зданиями.

Где враг, не знали. С утра появились самолеты, сбросили бомбы на завод — где-то позади нас. Послал гвардии сержанта Атаканова, командира нештатного разведывательного отделения, поискать: может быть, есть где поблизости наши войска. Возвратившись, он доложил, что наткнулся на два танка: неисправные, двигаться не могут, а стрелять — пожалуйста. Пошел я к этим машинам.

Действительно, все так, как доложил сержант. От танкистов — их было трое или четверо — узнал, что они в момент прорыва гитлеровцев дали им отпор, но сами вот застряли, ждут тягача.

День прошел в организации обороны. Связь с соседними батальонами установить не удалось, зато сразу наладили контакт со штабом полка. Впереди виднелись неподвижные танки. Чьи? Опять отправил гвардии сержанта Атаканова в разведку, узнать, что за танки и где все-таки противник. Во второй половине дня Атаканов доложил, что эти подбитые танки — наши, а неприятеля в Городище еще нет.

Ночью прибежал связной: мне надлежало явиться к командиру полка, а батальон снять с занятых позиций, чтобы направить его туда, куда мне укажут. В сопровождении посыльного, захватив своего связного, пошел в штаб части, а гвардии старший лейтенант Шепрут и гвардии младший лейтенант Ильин тем временем снимали с позиций батальон.

Майор Долгов сообщил мне, что 39-й гвардейский

стрелковый полк, находившийся в непосредственном распоряжении командующего 62-й армией генерал-лейтенанта Василия Ивановича Чуйкова, получил новую задачу — овладеть высотой 102.0, как на военном языке стал именоваться Мамаев курган.

— Ни шагу назад! — сурово произнес Долгов, словно додумывая вслух какую-то важную мысль.

— Есть «ни шагу назад!» — четко ответил я.

Командир полка указал на меня командующему армией.

— Есть ли у вас план города? — повернулся ко мне всем корпусом Чуйков.

— Есть! — Я вытянулся в струнку, недоумевая, зачем понадобился командующему.

— Вот высота 102.0, — указал он. — Вам надо ее взять. Если сейчас не возьмете — будет поздно. Завтра дивизию пошлем на эту высоту — и дивизия ее не возьмет. Подробные указания на атаку Мамаева кургана получите от командира полка.

Когда мы вышли из штаба на улицу, нас плотно обступила темнота сентябрьской ночи. В городе шла стрельба, полыхали зарева пожарищ.

Впервые за войну с предельной ясностью дошло до сознания и даже на какое-то мгновение оцепенело сердце от той ответственности, которая была возложена на нас, в том числе и на меня, как командира батальона. Не овладеть Мамаевым курганом нельзя. Сам я мог и не придать особого значения этой высоте, мало ли мы их обороняли и оставляли. Но такого еще не было, чтобы командарм посылал, видимо, последний полк из своего резерва для атаки этой сталинградской высоты 102.0. Стало быть, Мамаев курган имеет значение даже в армейском масштабе.

— Ты понял, какая задача поставлена перед полком? — будто читая мои мысли, спросил Долгов.

— Как раз об этом и думаю, товарищ гвардии майор.

— Кирин уже получил задачу и выдвигает батальон к кургану. Он будет наступать справа, а ты слева. Мощенко — во втором эшелоне. На чью-либо помощь рассчитывать не приходится. Командарм говорил, что, возможно, с полком будет наступать танковая бригада, но сам понимаешь — возможно… В общем, действуйте с Кириным энергично, поддерживайте локтевую связь.

Курган должен быть взят во что бы то ни стало. Атака в десять ноль-ноль. Сигнал — серия красных ракет.

Хотя кругом все полыхало, Долгов предложил:

— Давай-ка прикроемся плащ-палаткой, я покажу тебе на плане, где занять исходное положение…

Я вынул из планшета план города, на котором рукой Чуйкова была обведена жирным красным кружком высота 102.0, и зажег фонарь. Долгов нанес на него район, где следовало сосредоточить батальон, и рубеж атаки, предупредив при этом, чтобы я сам уточнил его на местности, и провел разграничительную линию между первым и вторым батальонами.

— Глубину задачи, как видишь, не определяю, она ясна тебе из слов командарма: курган должен быть наш. Как только подойдет батальон, не медли, сразу выдвигайся…

— Есть, товарищ гвардии майор. Все ясно.

— Желаю успеха! — И Долгов протянул руку.

Попрощавшись, командир полка ушел. В течение ночи ему нужно было передислоцировать свой штаб, найти подходящее место для НП и оборудовать его.

Нашему 1-му стрелковому батальону во взаимодействии со 2-м стрелковым батальоном капитана Матвея Даниловича Кирина предстояло сегодня же, 16 сентября, уничтожить фашистов на Мамаевом кургане и овладеть им. Высота 102.0 была господствующей, с нее открывался вид на весь город (и далеко за Волгу), и, стало быть, фашисты могли вести прицельный огонь по любой точке, находившейся в сфере досягаемости их артиллерии и минометов.

Мамаев курган…

Как овладеть им? Враг опытен, жесток, хорошо вооружен, упоен успехами. Вне всякого сомнения, будет драться остервенело, ведь перед ним Волга.

Организовывать взаимодействие с батальоном Кирина некогда. Приданных и поддерживающих средств нет. Быть может, в каком-то боевом распоряжении что-то и числится, но в данный момент у нас нет даже полковых батарей, они еще за Волгой.

Уничтожить фашистов и овладеть Мамаевым курганом стрелковым подразделениям предстояло своими силами, надеясь только на собственные огневые средства.

Удастся ли скрытно выдвинуться на рубеж атаки и какое расстояние будет отделять нас от неприятельского переднего края?

В нашем положении знать это было чрезвычайно важно, так как только в молниеносной и неожиданной для противника атаке видел я путь к выполнению поставленной задачи. На кургане противник основательно зарылся в землю, хорошо закрепился. И все-таки мы должны выковырнуть, вышвырнуть его оттуда.

Обдумывая план атаки, я снова и снова приходил к мысли, что главное для нас — это как можно быстрее сблизиться с противником. Стремительность и смелость — вот основа успеха.

Батальон, вытянувшись в колонну, направился к Мамаеву кургану. Слышался приглушенный говор, иногда кто-то чертыхался, оступившись или споткнувшись о груды кирпича.

На рассвете, с восходом солнца, подошли к кургану. Кроме мясокомбината, других капитальных зданий перед Мамаевым курганом не было. Тут же проходила линия железной дороги. Сзади медленно катила свои воды Волга. Несколько левее, на берегу, размещалась нефтебаза. На самом кургане виднелись два возвышения, похожие на горбы верблюда, — резервуары для снабжения города водой.

Роты рассредоточились. Прикрытием служили одноэтажные дома, прилегавшие к мясокомбинату. То, что нам предстоит атаковать Мамаев курган, батальон знал, но как и где будут действовать роты, — зависело от комбата.

Я вызвал командиров стрелковых, пулеметной и минометной рот, командира взвода ПТР.

Пока они собирались, я думал — над решением. Условия для атаки были крайне неблагоприятные — не было никакого прикрытия. Нам предстояло подняться и идти на сближение с неприятелем по голым скатам. Конечно, на батальон обрушится лавина огня. Но мы должны прорваться. Со мной, как всегда, были Нефедьев, Шепрут, Ильин и новый помощник начальника штаба лейтенант Василий Иванников, только что прибывший в подразделение после окончания ускоренного курса военного училища. На местности мы уточнили, кому что атаковать, определили исходный рубеж — железнодорожную насыпь, выбрали место для наблюдательного пункта. Неподалеку от мясокомбината жители оборудовали для себя бомбоубежище. А точнее — траншеи метра полтора шириной, защищенные сверху обрезками рельсов. В них прятались от бомбежек и обстрелов дети, женщины и старики. Близ одного из таких укрытий мы оборудовали свой НП, представлявший собой несколько глубоких щелей. Отсюда хорошо просматривалась вся местность вплоть до вершины кургана.

К приходу командиров рот у меня окончательно созрел план, над которым я не переставал думать с момента встречи с командующим армией и разговора с командиром полка. Он представлялся мне таким. Боевой порядок батальона — в один эшелон. Все роты — в линию. Движение в атаку — ротными цепями. Каждой стрелковой роте придать по взводу станковых пулеметов. Особо важная задача возлагалась на минометную

роту, огневой налет которой по переднему краю обороны фашистов должен был обеспечить успех атаки. В центре боевого порядка — 2-я рота, за ней — взвод ПТР. Связь с ротами — телефонная; ввиду того что телефонного кабеля мало, — прокладывать линию за 2-й ротой, а после овладения курганом дать «усы» в 1-ю и 3-ю роты.

Огневые позиции минометчиков находились неподалеку от нашего НП, и поскольку оттуда все отлично просматривалось, командиру минометной роты было удобно управлять огнем.

На НП один за другим подходили ротные. Колядинский, доложив о своем прибытии, как всегда, смутился, щеки его стали пунцовыми. Сафронов выглядел усталым, лицо его заросло черной щетиной. Карпенко четко отдал рапорт и расплылся в улыбке:

— Ну и почистим же фрицам зубы!..

Самохин с плащ-палаткой под мышкой настороженно огляделся и, убедившись, что чужих нет, привычным движением поддернул брюки.

Связные держались особняком. У одного из них, рядового Кнопова, за спиной торчал туго набитый и по виду довольно увесистый вещевой мешок. Нефедьев спросил, что у него там за ценности.

— Товарищ комиссар, тут у меня колодки и весь сапожный инструмент, — громко доложил Кнопов. — Если оставить, может потеряться. Как я потом буду латать сапоги солдатам?

Мы невольно переглянулись, и даже у неулыбы Самохина засветились глаза: значит, солдат верит в то, что мы разобьем врага, верит в то, что останется жив и что ему еще придется чинить солдатские сапоги…

Здесь, у высоты 102.0, я провел рекогносцировку с командирами. Она была несложной: все на кургане и вокруг него было видно как на ладони, на пологих, поросших травой, скатах торчали какие-то деревца, тут и там зияли воронки. Мы в деталях определили исходное положение подразделений, направление атаки, рубеж на кургане, который должна захватить и закрепить каждая рота. Особое внимание я уделил вопросам взаимодействия. Установили сигналы для вызова огня минометной роты и сигналы целеуказания.

В соответствии с принятым решением я отдал боевой приказ.

Командиры рот ушли ставить задачи своим подчиненным и скрытно выводить их на исходный рубеж.

Во 2-м батальоне капитана Кирина, который согласно решению Долгова должен был наступать правее нас, по-видимому, шла аналогичная работа.

В 10.00 по установленному сигналу — серия красных ракет — оба батальона должны были подняться в атаку.

Для 3-го батальона гвардии старшего лейтенанта Петра Георгиевича Мощенко обстановка сложилась неудачно. В то время как наши, скапливаясь у Мамаева кургана, начали занимать исходное положение, 3-й батальон находился еще на пути к кургану. Фашистская авиация совершила массированный налет на город. Несколько сот вражеских самолетов обрушили на Сталинград лавину бомб. Такого ада я еще не видывал. Гитлеровские летчики планомерно уничтожали улицу за улицей, квартал за кварталом. Все рушилось и горело. То тут, то там поднимались столбы дыма, огненные языки жадно обгладывали все, что попадалось на их пути. Почти каждая бомба попадала в цель. Многоэтажные дома на наших глазах превращались в груды развалин. Под эту бомбежку попал 3-й батальон. Люди рассыпались кто куда. Командир с комиссаром привели к нам, по-моему, лишь третью или четвертую часть подразделения. Фашисты, оборонявшие Мамаев курган, видимо, так увлеклись наблюдением за бомбежкой, что прозевали самое существенное — выдвижение наших батальонов. Опомнились только тогда, когда мы начали атаку.

1-й батальон поднялся точно в назначенное время. Пошли цепью. Наша атака со стороны выглядела ненастоящей. Ей не предшествовали ни артиллерийская подготовка, ни удар авиации. Не поддерживали нас и танки. Никто не перебегал, не ложился — бойцы шли и шли… Противник открыл ружейно-пулеметный огонь. Видно было, как в цепях падали люди. Некоторые поднимались и снова двигались вперед. В общем грохоте отдельные выстрелы тонули, поэтому казалось, что гвардейцы наступали молча. В какой-то момент мне даже стало не по себе: «Ну почему не стреляют?!»

На самом деле роты вели ураганный огонь. Их поддерживали станковые пулеметы и батальонные минометы. Бойцы поднимались все выше и выше. Вот они уже на гребне высоты, где развевался фашистский флаг. К нему бросился гвардеец 2-го батальона Кентя и сорвал его. Курган перешел в наши руки.

Теперь нужно было закрепиться. Гитлеровцы с присущей им самоуверенностью считали эту высоту неприступной. Они, видимо, не допускали мысли, что мы их здесь атакуем. Было ясно, что враг не примирится с потерей такого важного пункта, предпримет все, чтобы выбить нас оттуда.

Не теряя ни минуты, батальон стал зарываться в землю и готовиться к отражению контратак. Противник находился на противоположных скатах и каждую минуту мог нанести удар.

Между нами было не более ста пятидесяти — двухсот метров. Такое близкое соседство было и опасным и в то же время выгодным: из боязни поразить своих неприятельская артиллерия и авиация не действовали. Правда, одна попытка была. «Мессершмитт-110» сбросил несколько бомб, и они очень точно легли… на головы немецких солдат. Ну а тылам нашим, конечно, доставалось.

Я был доволен — пока все шло так, как и было задумано: быстрое сближение с врагом позволило нам весьма эффективно использовать те огневые средства и то оружие, какое имелось в ротах. Правда, за сравнительно короткое время атаки — а она продолжалась часа полтора-два — мы понесли весьма ощутимые потери. Убитых и раненых могло быть значительно меньше, если бы нас поддерживала артиллерия. Вооружены мы были лишь винтовками, автоматами, пулеметами и минометами. Я думал: «Что сможем мы противопоставить фашистам, если они пустят танки?» Кроме гранат, бутылок с КС и шести противотанковых ружей, мы ничем не располагали.

Из рот прибежали посыльные: нужны боеприпасы. Под рукой ничего не было. Что делать? На наше счастье, вокруг валялись патроны и гранаты (по-видимому, оставленные теми, кто дрался тут до нас и вынужден был отойти). Все мы — и комиссар, и начальник штаба со своим помощником, и связные, и разведчики — принялись собирать их. Без особого труда набрали несколько ящиков и сразу же отправили в роты. Понесли патроны и мы с Нефедьевым. Солдаты на высоте окапывались.

— Ройте одиночные окопы, — приказал я командирам рот. — А уж потом, если позволит обстановка, соедините их между собой. Вот и получатся траншеи.

Я побывал во всех ротах, убедился, что все делается как надо и люди исполнены решимости драться до победного конца.

Командир санитарного взвода старший военфельдшер Птахин и его санинструкторы и санитары оказывали первую помощь раненым, а потом отправляли их либо на переправу, либо в санитарную роту полка. Их труд вроде бы был незаметен. Но то, что делали под огнем медики, — сродни подвигу.

Авиация противника продолжала свирепствовать. Город был охвачен пожарами. Казалось, горело и то, что вообще не могло гореть. Полыхала даже Волга. Бомбы угодили в нефтебазу. Огненные потоки устремились в реку, разливаясь от края и до края. Нефть продолжала гореть и на воде. Стояла невыносимая жара и от солнца, и от пожарищ. Все окрест было окутано дымом. По реке плыли обломки барж, трупы людей и животных. Бои не стихали ни на минуту.

И на Мамаевом кургане кончилось затишье. Неприятель перешел в контратаку. Ведя на ходу огонь из автоматов, на высоту стеной двинулись сотни четыре гитлеровцев. Наши бойцы пустили в ход гранаты. Понеся большой урон, фашисты откатились на прежние позиции. Имелись потери и у нас, но меньшие, чем при наступлении на Мамаев курган: теперь гвардейцы находились в окопах. Правда, окопы эти были годны только для стрельбы лежа, но все же служили укрытием.

Едва гвардейцы отбили атаку, как из штаба полка (он находился в Банном овраге) прибежал посыльный: разбомбило штаб и все, кто там находились, погибли. Мы были потрясены.

На высоте вместе с нами был полковой инженер гвардии старший лейтенант Николай Григорьевич Паршин — высокий, стройный, всегда подтянутый. Он воевал с первого дня войны и славился завидной храбростью, хладнокровием. Паршин сказал:

— Побегу туда, может, еще кого-нибудь удастся спасти.

Тем временем противник, придя в себя, снова предпринял контратаку. Потом еще и еще. Гвардейцы держались стойко. Особенно храбро дралась рота Степана Карпенко. Было в ней более ста человек. После боя осталось совсем немного… Но за весь день неприятель не продвинулся здесь ни на шаг.

На Мамаевом кургане впервые заявил о себе совсем еще юный боец Анатолий Чехов. Впоследствии его имя обросло легендами. Карпенко показал Чехову:

— Смотри, вроде бы там замаскированный пулемет. Шарахни…

Анатолий стал наблюдать. Один куст показался ему подозрительным. Он попросил своего напарника сделать из шинельной скатки чучело и поднять над бруствером. Из куста тотчас же раздалась очередь. Тут ударил и Чехов. Пулемет умолк…

Вскоре снова встал вопрос о боеприпасах. И опять мы принялись собирать их на поле боя. Ведь просить, чтобы доставили, некого: штаба нет. Только к вечеру вернулся Николай Паршин. Выяснилось, что командир полка, комиссар и некоторые другие командиры остались живы, их просто засыпало. Часть же людей погибла.

В тот день — 16 сентября — 1-й и 2-й батальоны отразили по двенадцать контратак.

Время от времени комиссар полка Тимошенко по телефону запрашивал обстановку. Разговор он неизменно заканчивал словами:

— Ну, братцы, держитесь… Действуйте… Молодцы…

Потом нас перестали вызывать.

Смеркалось. Противник как будто выдохся. Установилась относительная тишина. Раненые, доставленные усилиями санинструкторов в здание мясокомбината, стонали, ругались.

Повара доставили ужин. Когда, как и из чего они сварили пищу — затрудняюсь сказать. Но она была приготовлена. Сообщили об этом в роты. Оттуда прислали бойцов. Иванников в сгущавшейся темноте осторожно пробирался между ранеными, пытаясь их переписать, учесть. Шепрут остался на кургане, во 2-й роте.

Ильин обратился ко мне за разрешением еще раз уточнить начертание нашего переднего края. Но я полагал, что должен сам посмотреть нашу оборону в «натуре». К тому же присутствие командира среди солдат всегда придает им больше уверенности. Поэтому ответил Ильину:

— Мы с Нефедьевым сами пойдем туда. А ты побудь здесь, на НП. Мало ли кто может позвонить…

Где-то вблизи зарокотали авиационные моторы. По нарастающему гулу, еще не видя их, мы распознали, что летят вражеские бомбардировщики. Их оказалось несколько десятков. Я тогда считал эти машины самыми опасными. Они бомбили с горизонтального полета, и определить, куда лягут бомбы, было трудно. Напряженное ожидание, неопределенность действовали на меня угнетающе.

То, что самолеты не станут бомбить высоту, я не сомневался: побоятся задеть своих. А вот нашему НП и минометной роте может достаться.

От стоявших где-то зениток к вражеским бомбовозам потянулись огненные трассы. Средства ПВО были слишком слабы, чтобы отогнать воздушного врага. И вот началось. Вокруг нас забушевал смерч осколков. Все утонуло в грохоте, дыму и пламени.

Связь с минометчиками прервалась. Несколько минут спустя оттуда прибежал боец и сообщил, что бомбой, попавшей на огневые позиции, выведены из строя три миномета с расчетами, а командир роты контужен. Раздался звонок из 2-й роты, спросили, все ли живы.

Как хорошо, что хоть эта тоненькая ниточка осталась неповрежденной!

В минометную роту я послал помощника начальника штаба Иванникова, чтобы он помог там все привести в боевую готовность на случай возможной контратаки. Лейтенант взял с собой телефониста и побежал. В это время Шепрут доложил, что фашисты подтягивают свежие силы.

Связь с командиром полка и 2-м батальоном была нарушена.

Влиять на ход боя я почти не мог. В моем распоряжении оставалась лишь поредевшая минометная рота. Помощи ждать неоткуда: из-за отсутствия связи Никому не доложишь об обстановке. Посыльный будет добираться до штаба полка долго. Да и вообще дойдет ли?..

Как удержать курган?

Шепрут снова донес, что противник продолжает накапливаться. Появились танки.

— Роты готовы к отражению контратаки, но сил мало, — сказал он.

— Николай, передай всем: помочь ничем не могу. Пусть надеются только на свои силы, но курган мы сдать не можем. Сейчас с комиссаром пойдем в роты, он в третью, я в первую.

Ильин, слушая наш разговор, держал в руке автомат и механически переключал переводчик вида огня то на одиночный, то на автоматический. Нервничал.

Нефедьев сидел неподвижно и дымил цигаркой, но как только я передал трубку телефонисту, решительно встал и широким жестом огладил гимнастерку:

— Ну, Иван, пойдем?

— А я что буду тут делать? — спросил Ильин.

— Поддерживай связь с ротами. Найди способ доложить об обстановке командиру полка.

Михаил Иванович воспринял это распоряжение без энтузиазма. Чувствовалось, что ему тоже хотелось быть в роте, потому что сидеть и ждать, чем кончится эта, вероятно последняя, контратака, по себе знаю, невмоготу. Когда видишь противника и как-то участвуешь в бою — легче.

Прихватив по две цинки с патронами, Нефедьев со своим ординарцем сержантом Чмырем, а я с Кузьмичом двинулись к вершине кургана. «Надо бы попрощаться», — мелькнуло в голове, но что-то удержало меня сделать это.

Стрельба на высоте усиливалась. Огненные трассы — зеленые, желтые, красные — тянулись в обе стороны. Рвались снаряды. Видимо, били фашистские танки, а может быть, неприятель вытащил пушки на прямую наводку. Открыла огонь и наша минометная рота. Иванников! Сумел все-таки наладить связь…

— Шире шаг, Кузьмич, а то мы ни черта не видим!

Кузьмич, тяжело дыша, догнал меня и совершенно не к месту рассказал:

— А у одного красноармейца из хозвзвода жена заболела; положили в психиатрическую больницу, а у них четверо маленьких детей…

Я не успел ответить что-либо Кузьмичу; вокруг начали рваться мины. Мы скатились в воронку, благо их было здесь предостаточно.

Еще кто-то, чертыхаясь, с размаху плюхнулся в эту же выемку. Это был Кирин, спешивший на курган в свою левофланговую роту.

— У тебя есть связь с Долговым? — первое, что спросил он.

— Уходил, не было.

— Немцы прут с танками, опять бутылками будем отбиваться. Говорили, будет с нами действовать танковая бригада, а ее почему-то нет.

Когда Кирин был взволнован, он заикался.

— Большие потери у тебя? — в свою очередь спросил я.

— Никогда та-ак много не терял…

Обстрел не прекращался.

Мы выскочили из воронки и перебежками, насколько позволял груз, продвигались к высоте. Вот наконец и позиция 1-й роты.

Кто успел выкопать окоп почти в полный рост, кто — помельче. Мы с Кузьмичом залегли в какой-то неглубокой ложбинке. Кузьмич сразу же принялся раскрывать цинки, а я взглядом начал искать Колядинского.

Гитлеровцы шли густыми цепями, ведя на ходу сильный огонь. В сумерках казалось, будто прямо на тебя надвигается масса мигающих светлячков. Впереди пехоты ползли шесть танков, и еще несколько танков, появившихся правее, устремились на батальон Кирина.

Фашисты, находившиеся в траншеях, тоже стреляли.

Кто о чем думал в эту минуту — не знаю. Мне кажется, каждый выбирал цель и бил, бил, бил, стараясь не промахнуться. Только так можно было выполнить задачу и остаться живым.

Заговорили пулеметы Самохина. Страшное для неприятельской пехоты оружие. Атаковавшие падали: одни, словно споткнувшись, головой вперед; другие, надломившись, будто кто-то невидимый ударил их сзади под колени; третьи, словно в раздумье, нерешительно…

Напряжение боя все нарастало. Вражеские танки были уже совсем близко. По вспышкам видно, что расчеты ПТР ведут огонь, но ни одна из шести машин пока что не подбита.

Кузьмич что-то пробормотал и сунул мне противотанковую гранату. Просто удивительно, где у него все это помещалось, — и оружие, и сухари, и вода.

Огонь гвардейцев достиг наивысшей плотности. Неприятельская пехота в какой-то миг дрогнула. В этот момент

вспыхнул один танк. Потом загорелся второй. Остальные, продолжая стрелять, попятились. Немецкие солдаты стали прыгать в окопы, их огонь постепенно слабел.

Трудно передать чувства, которые владели нами: оказывается, можно бить танки и из ружья! Последняя в тот день контратака была отбита.

Весь в копоти и в пороховом дыму примчался Колядинский:

— Все в порядке, товарищ гвардии старший лейтенант!

В ответ на этот короткий рапорт я крепко стиснул ему руку.

— Идемте ко мне в щель, успели отрыть, — все еще задыхаясь, проговорил он.

Пробежав метров пятьдесят — шестьдесят вправо и несколько назад, мы оказались в глубоком и довольно просторном укрытии.

— Узнай, кто поджег танки, — сказал я Колядинскому, — Представим к награде.

В ответ раздалось какое-то невразумительное бормотание. Я удивленно поднял глаза на Колядинского.

— Так это же их сам гвардии младший лейтенант изничтожил, — сообщил солдат, лежавший неподалеку.

Я еще раз пожал руку Колядинскому.

За эти бои он был удостоен медали «За отвагу».

Следовало решить, как действовать дальше. Вряд ли фашисты осмелятся атаковать нас ночью. Тем не менее надо было быть начеку, и я приказал Колядинскому установить бдительное наблюдение за противником; к утру основательно зарыться в землю и, учитывая потери, вновь организовать надежную систему огня, обратив особое внимание на правый фланг, где был стык между двумя батальонами; пополнить боеприпасы; вынести раненых.

Позиции, которые занимала рота Колядинского, во всех отношениях были удовлетворительные, и вести бои за их улучшение не имело смысла. Мы и так располагали ограниченными силами, и напрасно рисковать ими было бы преступлением. Я исходил из реально сложившейся обстановки, и мои распоряжения преследовали одну цель — удержать захваченный рубеж.

Прибежал Иванников, а с ним связной с телефоном и катушкой. Солдат зубами оголил провод, подключил его к аппарату, с помощью патрона и куска провода заземлил вторую клемму, подул в трубку и начал входить в связь. Это протянули «ус» от 2-й роты. Наконец-то!

Первым делом я переговорил с Ильиным. Связь с командиром полка восстановлена. К утру в наше распоряжение прибудет полковая артиллерийская батарея капитана Сергеева. Сердце у

меня так и подпрыгнуло от радости.

Распрощавшись с Колядинским, Иванников, я и Кузьмич пошли в другие подразделения.

Первый день боев за Мамаев курган завершился нашей победой. Для нас она имела принципиальное значение: мы выполнили поставленную задачу — овладели Мамаевым курганом и отразили все контратаки гитлеровцев. Командиры рот и взводов оказались на высоте своего положения, проявили смелость, мужество и воинскую зрелость.

Ничто так не важно для последующих боевых действий, как успех в первом бою. Люди уверовали в свои силы и воочию убедились в том, что врага можно бить и что он обречен на поражение, если мы будем воевать умело. Мы дали врагу по зубам и даже захватили несколько пленных. Последнее обстоятельство было особенно важно уже с чисто психологической стороны.

Наши бойцы убедились, что фашисты ведут себя нахально, когда чувствуют свое превосходство в живой силе и технике, но, встретив решительный отпор, пасуют и даже бросают оружие, а попав в плен, твердят: «Гитлер капут»…

С нашей помощью неприятель в районе кургана угомонился. Ночью лишь изредка постреливал из пулеметов и автоматов да пускал осветительные ракеты.

Вернувшись на свой наблюдательный пункт, мы первонаперво принялись крутить цигарки из самосада. Самую длинную, сантиметров пятнадцать, свернул Нефедьев. Начался процесс прикуривания. В то время это было не такое уж простое дело: о спичках и думать забыли, обладателей зажигалок среди нас было наперечет. Основным средством добывания огня стало кресало. Кое-как раскурив козьи ножки, начали дымить. Страшно хотелось пить, но воды, кроме как из Волги, взять негде было. А туда надо кого-то снаряжать специально.

Не успели всласть покурить, как меня вызвал к телефону командир полка гвардии майор Долгов. Он потребовал любой ценой удерживать курган и пообещал прислать нам в помощь роту автоматчиков старшего лейтенанта Александра Гавриловича Потрываева.

Вскоре над головой загудели По-2. Мы не переставали удивляться отваге, с какой эти тихоходные, не защищенные ничем самолеты действовали над полем боя, оказывая неоценимую поддержку пехоте, артиллерии и танкам. Во вражеский тыл направилось и несколько тяжелых бомбардировщиков.

Стараясь как можно лучше использовать передышку, мы занялись пополнением боеприпасов и оборудованием своих позиций: роты глубже зарывались в землю, соединяли окопы траншеями. За ночь всех раненых отправили на переправу. Уточнили потери. Хотя хозяйственный взвод остался за Волгой, мы ухитрились накормить людей и доставить в подразделения воду.

Переправилась наконец через Волгу полковая батарея капитана Павла Емельяновича Сергеева. С ней была установлена связь, и теперь мы могли рассчитывать на ее поддержку. Это имело для нас огромное значение: ведь в 1-м батальоне осталось только шесть минометов и во 2-м примерно столько же. Солдатское «радио» сообщило, что к левому берегу Волги подошла дивизионная артиллерия, артиллерийский полк, тяжелые 120-миллиметровые минометы из резерва Верховного Главнокомандования. На душе стало веселее. Мы наладили устойчивую связь со штабом полка. Положение стабилизовалось. 1-й батальон хотя и понес большие потери, но был вполне боеспособен и готов к новым сражениям с врагом.

17 сентября с восходом солнца над городом снова повисла фашистская авиация и началось то же, что и вчера: планомерная бомбежка домов, улиц, площадей. Возобновились контратаки. Нам приходилось жарко, однако по сравнению с минувшим днем батальон, хотя и сильно поредевший, чувствовал себя более уверенно. Мы хорошо окопались, имели боеприпасы, а главное — нас поддерживала полковая артиллерийская батарея. Была установлена связь, правда не очень надежная, и с артиллерией, находившейся за Волгой. Из штаба полка мне сообщили сигналы, и теперь я мог по мере надобности вызывать заградогонь.

Более активно действовала и наша авиация. Штурмовики появлялись со стороны заволжской степи на бреющем полете. Уже над Волгой начинали пускать реактивные снаряды, которые взрывались в боевых порядках противника и наносили ему серьезные потери — это мы наблюдали с кургана, — затем сбрасывали бомбы и обстреливали врага из пушек и пулеметов.

Когда «илы» возвращались на свои аэродромы, их над Волгой подкарауливали стаи «мессеров». Часто мы были свидетелями неравных поединков. Я удивлялся: как мог держаться в воздухе самолет, если в его фюзеляже и в крыльях зияли пробоины, если с него свисали рваные полосы металла? А он летел, летел на одном мужестве. Гитлеровцы боялись наших штурмовиков и называли их «черной смертью».

Бои за высоту продолжались. Мамаев курган был изрыт воронками, словно оспой. Казалось невероятным, что в этом аду

человек мог уцелеть. Но израненный батальон был жив и боеспособен, и как ни старались фашисты сбить нас с занятых позиций, им это не удавалось. Чувство ответственности за исход боев на Мамаевом кургане заставляло мою мысль работать особенно четко. Я ни на минуту не забывал, что должен быть хозяином положения, и старался крепко держать в своих руках нити управления обороной.

Неприятель упорно контратаковал нас, а гвардейцы отбрасывали его. Зарывшись в землю, мы при поддержке артиллерии перемалывали пехоту противника. Ничейная полоса была густо усеяна вражескими трупами.

Спустя несколько дней 3-й, а вслед за ним и 2-й батальон были переброшены в центр города, где воевал 42-й гвардейский полк полковника Елина. Наш батальон вместе с ротой автоматчиков старшего лейтенанта Потрываева продолжал драться на кургане вплоть до 24 сентября.

В Сталинград пришли свежие силы. В районе мясокомбината, у железнодорожной насыпи появились новые подразделения. Видно было, что это необстрелянные войска. Мы догадывались, что они должны сменить нас. Я послал туда связного отыскать командира, чтобы ознакомить его с обстановкой и дать некоторые советы, так как эти подразделения, еще не участвуя в бою, несли потери. Вскоре к нам на НП прибыл майор, уже немолодой, с сединой в волосах. У него в петлицах две шпалы, у меня — три кубика.

— Кто меня вызывал? — спросил он, как мне показалось, не очень любезно.

— А вы кто?

— Командир батальона.

— Я тоже командир батальона, — и по-товарищески поделился с ним своими соображениями.

Мы уже привыкли к тому, что у нас в дивизии молодые комбаты и по званию не старше капитана, а перед этим пожилым майором я выглядел чуть ли не мальчишкой. Чувствовал себя неловко, однако добросовестно рассказал ему то, что знал сам, и посоветовал окопаться у железнодорожной насыпи. Майор снисходительно выслушал меня, словно бы не принимая всерьез то, что ему говорилось.

— Это все? — небрежно бросил он.

— Да, все.

Майор повернулся и, не проронив ни слова, ушел.

Ночью нас сменили.

КРУТОЙ ПОВОРОТ

аш батальон получил приказ наступать вдоль железной дороги, прорваться в центр города и соединиться с окруженным на вокзале батальоном 42-го гвардейского стрелкового полка.

Сначала нам сопутствовал успех. При поддержке полковой артиллерийской батареи роты атаковали неприятеля, выбили его с занимаемых позиций и стали продвигаться в указанном направлении. Когда приблизились к капитальным многоэтажным зданиям, гитлеровцы встретили нас плотным ружейно-пулеметным огнем. Воевать в крупных населенных пунктах нам еще не приходилось, и естественно, сразу не все получалось гладко. 1-я рота ворвалась в один из домов, но закрепиться в нем не сумела. Противник контратаковал и выбил ее оттуда. Гвардейцы залегли, затем снова пошли в атаку. Однако успеха не добились.

Тут нас постигла большая беда — погиб один из самых храбрых командиров младший лейтенант Колядинский. К нему я особенно привязался в дни боев на Мамаевом кургане. Он воевал умело и изобретательно. Нам даже не удалось вынести его из-под огня, и все мы очень переживали это.

В командование 1-й ротой вступил старшина Федор Никитович Медведев — рослый, смелый, обладавший огромной физической силой. Он до этого командовал взводом. Как и Колядинский и Карпенко, Медведев много внимания уделял молодым солдатам: показывал им, как лучше отрыть окоп, как передвигаться под огнем, тренировал в стрельбе, давал практические советы по устройству фронтового быта. Ему с Карпенко выпало оборонять гостиницу. И в этом разрушенном строении он старался создать людям какие-то удобства, устроил даже баню. Бойцы ценили такое отношение к себе и готовы были по приказу своего ротного идти, что называется, в огонь и в воду.

Атаки гвардейцев хорошо поддерживала артиллерийская батарея. И все же за день роты так дальше и не продвинулись. Фашисты засели в больших зданиях, подготовили многоярусный огонь, и мы вынуждены были залечь и окопаться.

Но хотя противник и прижал нас к земле, мы не пали духом, лишь еще сильнее горела ненависть к захватчикам. Бойцы бились

с упорством и злостью, не щадя жизни.

Помню, как на наблюдательный пункт батальона, расположенный у железнодорожного моста, обливаясь кровью, прибежал какой-то стрелок и потребовал:

— Патронов! Давайте патронов!..

Сколько пуль пробило его тело, какие у него были ранения, — не знаю. Но он крепко держался на ногах, и не только держался! Залпом выпив флягу воды, схватил ящик с боеприпасами и, превозмогая боль, потащил в роту. Раненые не покидали поля боя, никакие уговоры отправиться на противоположный берег Волги, где были развернуты госпитали, на них не действовали. Перевязавшись, они сражались с еще большим ожесточением.

Бой не затихал ни на минуту. Вдруг запел зуммер — тогда звонков не было, — взял у телефониста трубку.

— Куда подвезти снаряды для батареи Сергеева?

Странно… Мне показался подозрительным этот голос, чересчур старательно произносивший русские слова.

— Кто говорит? — спросил я.

А он, знай себе, твердит одно и то же:

— Куда подвезти снаряды для батареи Сергеева?

«Значит, подслушали, — мелькнуло в голове, — надеются выведать расположение нашей полковой батареи».

Точный огонь артиллерийской батареи, благополучно переправившейся на этот берег, доставлял врагу немало неприятностей.

Я передал трубку Нефедьеву:

— Комиссар, поговори с фрицем.

Пока Тимофей Андреевич «объяснялся» с фашистом, связисты искали, где же враг мог подсоединиться к нам. Выяснилось, что они воспользовались концом провода, который во время атаки тянулся за 1-й ротой. Он тут же был отрезан.

С наступлением темноты на наш НП пришел офицер из штаба полка и передал приказ к утру вывести батальон по берегу Волги в центральную часть города, где воевал весь полк. На смену нам прибыли остатки какой-то части.

Во второй половине ночи, соблюдая тишину, мы двинулись к реке, а потом по берегу — вниз по течению. В батальоне осталось около трехсот человек. Идти было трудно: земля изрыта, под ногами кирпичные обломки, бревна… Люди то и дело спотыкались. Начало светать. Гитлеровцы обстреливали противоположную сторону реки, и трассирующие пули пролетали над нашими головами. Почему-то вспомнилось, как в училище один из курсантов во время ночных стрельб сказал мне:

— Смотри, в колонну по одному пошли, — и указал на трассирующие пули.

«Неужели немцы на самом берегу?» — подумал я и сказал об этом Нефедьеву, но он, по своему обыкновению, уверенно ответил:

— Не может быть, там наши!

— Непохоже.

Обстановки здесь мы не знали, и, возможно, спор наш затянулся бы, как вдруг за моей спиной кто-то охнул: ранило в руку связиста. «Значит, — думаю, — немцы уже выскочили к берегу». Мы знали, что у вокзала идут бои, но что так близко, не предполагали.

Солнце уже поднималось над горизонтом, когда мы попали в район центральной пристани. Берег тут высокий. Когда я взглянул с реки на него, то увидел, что в нем, словно ласточкины гнезда, землянка на землянке.

У входа в одну из штолен в зеленой солдатской стеганке и в пилотке сидел генерал Александр Ильич Родимцев. На коленях у него лежал деревянный раскладной планшет с картой, по-видимому план города. Возле него находились заместитель полковник Владимир Александрович Борисов и командир нашего полка гвардии майор Семен Степанович Долгов. Остановив батальон, я соображал, кому же докладывать. В это мгновение из стоявшего поблизости здания госбанка к берегу устремились фашисты. Нас разделяло двести — от силы триста метров. Засвистели пули. Родимцев поднял голову от карты:

— Чьи люди?

— Первый батальон тридцать девятого гвардейского полка, товарищ генерал.

— Борисов, — Родимцев обернулся к своему заместителю, — организуйте отражение атаки.

Но практически не потребовалось никакого приказа: мы мгновенно развернулись и контратаковали немцев. Разгорелся короткий, но ожесточенный бой. Мы стреляли буквально в упор, бросали гранаты.

Неприятеля удалось остановить. Потом сами стали теснить его.

Поднялись на крутизну и завязали бои в многоэтажных домах в районе тюрьмы. Кругом пальба. Пули щелкали по стенам домов, сыпалась штукатурка, валились кирпичи. Где наши? Как ворвались в здания — словно сгинули. Насколько легче командиру во время боя на открытой местности! А здесь — будто в кольце, и со всех сторон в тебя стреляют.

Генерал Родимцев послал с батальоном начальника

оперативного отделения штаба дивизии майора Дмитрия Сергеевича Карева. Он должен был помочь мне войти в обстановку и организовать взаимодействие с соседями. Я стал расспрашивать Карева, где закрепились батальоны полка. Он рассказал и показал. Выбивая гитлеровцев из заваленных кирпичом комнат, коридоров, развороченных снарядами лестничных клеток, роты овладели несколькими большими домами и вышли на одну линию со 2-м и 3-м батальонами.

1-я и 3-я роты захватили гостиницу и трансформаторную будку. 2-я рота ворвалась в здание, расположенное недалеко от штаба батальона, обосновавшегося в подвальных помещениях тюрьмы. Там же разместились штабы 3-го батальона нашего полка и 3-го батальона 42-го гвардейского полка. Вражеская артиллерия не решалась бить по тюрьме с закрытых позиций из-за боязни попасть в своих. А орудиям прямой наводки мешали другие многоэтажные постройки. Поскольку это сооружение было надежнее других, в нем расположили и медицинские пункты всех трех батальонов, а также посыльных, связистов. Тюрьма была окружена высокой стеной, в нескольких местах имевшей проломы. Кое-где виднелись надписи мелом: «Бей фрица!»

Я стремился поскорее пробраться в роты, чтобы на месте организовать систему огня, уточнить, что должно оборонять каждое подразделение, выяснить, как прикрываются стыки с соседями. Дождавшись темноты и оставив в штабе Нефедьева и Шепрута, мы с Ильиным и адъютантом батальона лейтенантом Иванниковым притаились у пролома, выжидая, когда ослабнет огонь. Наблюдать за противником мешали нагромождения развалин. Мною овладело такое чувство, будто я стоял обнаженный на виду у всех, а сам никого не видел. Наконец стрельба поутихла, и мы перебежали улицу. Раздалось несколько очередей, но все трое успели проскочить в здание гостиницы. Здесь нас встретили командир 1-й роты старшина Медведев и командир 3-й роты лейтенант Карпенко. Они доложили о потерях, о противнике и о соседе слева. Затем начали распределять, где установить пулеметы, кто за какой сектор отвечает. Систему огня организовали с таким расчетом, чтобы местность просматривалась с различных направлений. Внезапно наша работа была прервана сильнейшим артиллерийским налетом. Все вокруг загрохотало, со стен посыпались кирпичи. Бойцы заняли места кто у оконных проемов, кто в проломах стен, кто на лестничных площадках. Спустя несколько минут налет прекратился, и только тут мы сообразили, что это из-за Волги стреляла наша артиллерия. Видимо, из-за плохой связи там еще не знали, что эти дома уже отбиты у врага. К счастью, мы не

понесли потерь, так как основной удар пришелся все же по фашистам.

Отдав необходимые распоряжения, направились во 2-ю роту к Ивану Кузьмичу Сафронову. Это подразделение было практически оторванным от остальных. И обстановка здесь оказалась посложнее. Дом, в котором располагались гвардейцы Сафронова, обстреливался с трех сторон. Немцы находились в соседнем здании буквально на расстоянии броска гранаты. Учитывая это, я приказал Сафронову отрыть окопы справа от дома, чтобы можно было поддерживать огневую связь с 3-м батальоном. Вместе с ним определили места для пулеметчиков, автоматчиков, стрелков с таким расчетом, чтобы простреливался каждый квадратный метр. А в случае выхода из строя одного пулемета, сектор его должны были перекрывать другие огневые средства.

После ночного обхода я уяснил, что наш батальон занял позиции в центре боевого порядка полка. Левее нас находился 2-й батальон капитана Кирина, справа — 3-й батальон старшего лейтенанта Мощенко. А за ним вели бои 42-й и 34-й гвардейские полки.

В штаб батальона возвращались прежним путем. Благополучно добрались до стены и в проломе остановились отдышаться. Все окрест было залито лунным светом, и странно было видеть хаотические громады и развалины там, где еще недавно плечом к плечу стояли красивые жилые дома. Где-то в районе Мамаева кургана методически стреляло вражеское орудие.

Но вот по небу заметались лучи неприятельских прожекторов, мы услышали характерный гул наших По-2 — и вновь стало тихо. Иванников с сожалением сказал:

— Наверное, вернулись назад.

Мы помолчали, наблюдая за световыми щупальцами. Внезапно перед фронтом 3-го батальона раздалось несколько сильных взрывов, потом застрекотали пулеметы, и мы скорее почувствовали, чем увидели, планирующий По-2. Достигнув Волги, он снова затарахтел…

В штабе нас ждали представители хозяйственного взвода, доставившие обед. Связные, которых мы взяли с собой из рот, повели к себе телефонистов, и вскоре с подразделениями была установлена связь. Потом пришли старшины с бойцами и забрали термосы с пищей.

Штаб полка разместился в штольне, вырытой в крутом берегу. Она надежно укрывала не только от артиллерийских снарядов и мин, но и от бомб небольшого калибра. От нас до штаба части было не более ста метров. Связывались мы по

телефону и лично.

Тут же занимала огневые позиции и наша минометная рота. Однако минометчики испытывали серьезные трудности: цели, которые нам нужно было подавлять, находились на очень близких расстояниях, и требовалась исключительно точная стрельба.

Наступило утро. Фашисты начали усиленно бомбить район Красной Слободы и переправу. Не все вражеские самолеты возвращались назад. Многие, попав под огонь зенитной артиллерии, вспыхивали и врезывались в землю.

Гитлеровцы вновь и вновь пытались прорваться к Волге. Не счесть атак, которые пришлось нам отразить в этот и последующие дни. Практически они почти не прекращались. Но нам удавалось их отбивать. У нас уже накопился некоторый опыт ведения боя в городе, мы осмотрелись, изучили улицы, дома, установили связь по всем направлениям, организовали наблюдение за противником.

Оставалось сделать более надежные укрытия для личного состава. Хотелось, чтобы солдаты чувствовали себя более свободно и не кланялись каждой пуле или мине. Народ у нас смекалистый, и решил он эту задачу оригинальным образом. В 3-й роте отрывали окопы внутри здания, у стены, углубляясь метра на полтора ниже основания фундамента. Окоп, а его даже скорее можно назвать блиндажом, находился под основанием фундамента. Затем с противоположной стороны пробивался лаз на поверхность земли. Такое сооружение защищало от всех снарядов и мин. Снаружи, перед выходом в сторону противника, солдаты с помощью саперов полкового инженера старшего лейтенанта Николая Кирилловича Бейгула и командира взвода Якова Николаевича Кулешова устроили накаты из рельсовых полос, сорванных с железнодорожного полотна. Получалось нечто вроде амбразуры: отсюда можно было вести огонь в различных направлениях, а самим оставаться неуязвимыми.

Когда основные работы по устройству укрытий были завершены, мы начали рыть ходы сообщения сначала через одну, а потом через другую улицы, чтобы соединить наши роты между собой. Все это делалось в условиях непрерывных атак врага.

В траншеях солдаты выдалбливали ниши, в которых держали гранаты. Десятка полтора на каждого. В случае внезапной атаки неприятеля эта «карманная артиллерия» пускалась в ход и была весьма эффективной.

Здесь впервые за войну бойцы стали надевать каски: при обстреле кирпичи, падавшие с верхних этажей, наносили тяжелые увечья, а то и убивали.

Постепенно мы создали довольно прочный заслон. Однако

противник все время нас беспокоил, открывая пулеметный и автоматный огонь сразу из нескольких точек.

«Надо нам завоевать огневое господство», — думал я, Посоветовался с комиссаром, с командирами. Одни поддержали меня, другие считали, что лучше, если противник не будет знать, где наши огневые точки. Я отдал приказ. Несколько ночей подряд бойцы носили с переправы патроны, мины, артиллеристы старшего лейтенанта Ивана Ивановича Кузьмина запасались снарядами к 45-миллиметровым пушкам, а ампулометчики — ампулами. Правда, ни одного танка из ампулометов мы не подожгли, но пожаров наделали много. Ампулометы были дополнительным оружием и закреплялись за наиболее расторопными солдатами, успевавшими и стрелять из автомата и метать ампулы.

Когда удалось создать солидные запасы боеприпасов, мы вызвали в штаб командиров рот.

— С сегодняшней ночи и начнем… — сказал я. — Зарядите полностью все ленты, сколько есть, все магазины.

Была поставлена задача: каждую очередь врага отражать двумя-тремя очередями. На огонь одного вражеского пулемета отвечать огнем двух-трех пулеметов.

— И давите, давите его все время! — наставлял Нефедьев.

Нужно сказать, что основным оружием в батальоне были пулеметы. У нас имелось девять станковых и около двадцати ручных пулеметов. Остальные бойцы, кроме снайперов, постепенно вооружались автоматами. Правда, было несколько поклонников винтовки, которые не хотели с ней расставаться.

Мы распределили между подразделениями известные нам вражеские огневые точки.

— Смотрите, — предупреждал я, — не расстреливайте все до последнего патрона, следите за тем, чтобы под рукой имелись снаряженные ленты и магазины.

Ротные ушли. Наступил вечер. Мы с нетерпением ожидали, как будут развиваться события. О своем решении я никому не докладывал. Спустя примерно полтора-два часа началось. В ответ на стрельбу немецкого пулемета открыли огонь несколько наших пулеметов.

Вскоре в районе, занятом батальоном, завязалась сильнейшая перестрелка. При свете ракет артиллеристы Кузьмина вели прицельный огонь прямой наводкой по дому, который находился перед 1-й и 3-й ротами. И командиры, и солдаты были довольны, что мы заглушаем врага.

Позвонил майор Долгов.

— Что у тебя там стряслось?

— Завоевываем огневое господство…

Этот бой длился почти трое суток, то затихая, то снова разгораясь. Мы добились своего: гитлеровцы притихли. А наши бойцы вошли в азарт: они старались стрелять уже не так, как обычно, а с какими-нибудь выкрутасами. Один, стреляя из пулемета, выбивал чечетку, а другой, бывший матрос, попавший к нам после ранения из госпиталя, «сигналил» из пулемета по неприятелю азбукой Морзе. Пришлось одергивать ретивых. От сознания своего превосходства над врагом кое-кто в батальоне стал проявлять лихачество. Осмелев, солдаты выскакивали из окопов, ходили не по траншеям, а прямо по улице. А пулеметчик-матрос, выпрыгнув из окопа, подбежал к дому, в котором засели гитлеровцы, бросил в окно две гранаты и благополучно вернулся в свое укрытие.

Но с этой бесшабашностью скоро покончили.

Убедившись в бесплодности своих атак на позиции 13-й гвардейской дивизии, фашисты перешли к обороне, а главный удар перенесли на Заводской район.

У нас наступило относительное затишье. Оно было использовано для проведения партийных и комсомольских собраний. Собрания проводились тут же, в окопах и блиндажах. Они были короткими. Обсуждался в основном один вопрос: как разгромить врага у Волги. Ни о чем другом мы не помышляли. В те трудные для Родины дни количество заявлений о приеме в партию резко увеличилось. «Хочу идти в бой коммунистом…» — писали многие. Увы, не все из них дожили до того счастливого мгновения, когда принятому в члены ВКП(б) вручался партбилет, но все дрались, как коммунисты и погибали с именем партии на устах. И тогда секретарь партийной организации, зачитав заявление, горестно и в то же время с гордостью говорил: «Погиб смертью храбрых в боях за нашу Советскую Родину».

Был принят из кандидатов в члены партии и я. Товарищи тепло поздравили меня и пожелали дальнейших успехов в боях с врагом. Начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Григорий Яковлевич Марченко вручил мне партийный билет со словами:

— Ну, Исаков, выбрал тебе партийный билет с легко запоминающимся номером 5010032. Поздравляю тебя. Носи с честью высокое звание коммуниста.

Взяв билет, я разволновался и так, держа его в руке, пошел к себе в штаб.

Противника не покидала надежда прорваться к Волге, смять и уничтожить дивизию. Не одолев нас в дневных схватках, он

перешел к действиям в темное время. 1 октября внезапной ночной атакой гитлеровцам удалось вклиниться в нашу оборону на правом фланге и в центре. Создалась весьма тяжелая ситуация, возникла реальная угроза изоляции дивизии от остальных соединений 62-й армии. Однако решительными контратаками всех подразделений положение было восстановлено.

В этих боях особенно организованно, энергично и напористо действовала рота автоматчиков старшего лейтенанта Ивана Яковлевича Подкопая. Вместе с учебным батальоном она полностью истребила фашистов, вклинившихся в наши боевые порядки. Подкопай был человек уравновешенный, выдержанный, воевал с умом, зря не рисковал людьми и заслужил беспредельную любовь и доверие бойцов.

В одной из рукопашных стычек был смертельно ранен бывший наш комиссар старший политрук Михаил Ильич Ракчеев. Гвардейцы тяжело скорбили о человеке, который в суровом сорок втором году по-братски делил с ними все тяготы фронтовой жизни. Он любил свою семью, долго ее искал, но ему так и не довелось прочесть письмо своих близких. Весточка от них пришла как раз в тот день, когда на переправе перестало биться сердце комиссара…

После гибели Ракчеева я еще больше сблизился с Нефедьевым. С момента появления Тимофея Андреевича в батальоне у нас сразу сложились добрые товарищеские взаимоотношения, а штурм Мамаева кургана и вовсе сроднил нас.

Тимофей Андреевич все время находился среди бойцов. Бывало, подойдет к пулеметчикам, попробует, как стреляет пулемет, перебросится шуткой, раскурит с ними свою цигарку: «Уверен, и дальше будете воевать не хуже, чем сегодня», — и идет дальше, к минометчикам, петеэровцам… Каждому найдет что сказать, и все это без выспренных выражений и напоминаний о долге. Да и что толку говорить об этом, когда солдат понимает свою задачу не хуже нас: ведь он на передовой, смотрит смерти в глаза, идет в бой, зная, что его могут убить, могут ранить. Но идет. Солдату куда более важно чувствовать, что его начальник здесь, с ним, советует, стреляет по врагу, заботится о том, чтобы все были накормлены, а раненые вынесены и им была оказана помощь. Это во сто крат убедительней самых красивых речей. Нефедьев был настоящим комиссаром. Временами он казался излишне мягким. Но когда надо, становился строгим, личным примером воодушевлял воинов на подвиги.

Мне нравились его горячность, энергия, глубокая вера в то, что мы непременно одержим победу. Он никогда не унывал и настолько сильно хотел увидеть, как мы побеждаем, что порой

доходило даже до курьезов. Наблюдали мы воздушный бой истребителей. Наш самолет был сбит.

— «Мессер» падает, видишь?! — возбужденно воскликнул Нефедьев.

— Какой же это «мессер»? Наш падает, — ответили. И услышал его излюбленное:

— Нет, не может быть!

А в сорок третьем году мы с ним даже поссорились на этой почве. Гнали фашистов, били их в хвост и в гриву, но случалось, упиралась где-нибудь вражеская группа — и никак ее не опрокинуть.

— Смотри, — сказал я Нефедьеву, — и отступать-то гитлеровцы умеют. Планово отступают. Зацепились, и мы вчера с тобой полдня бились, не могли их столкнуть. А сегодня они отошли, и даже ломаной гильзы не оставили.

Нефедьев рассердился:

— Как? Мы их гоним, лупим почем зря, а ты хвалишь!..

Бывало, в поздний час, когда обойдем оборону и возвратимся в штаб, начинались задушевные беседы. О чем? О разном. Ведь разговор возникал сам собой. Какие только темы не затрагивались! Тут и «Война и мир» Толстого, и значение личности в истории, и девушки, которых мы, молодые люди, просто обожествляли, и, конечно, споры о том, какая будет жизнь после победы…

Однажды кто-то заговорил о своем доме. Каждый вспомнил о родных и близких.

— А мне некому ни письма написать, ни денег послать, — с сожалением произнес я. — Все мои родные и близкие в оккупации.

— И у меня никого нет, — вздохнул Николай Шепрут.

Остальные почувствовали неловкость оттого, что они — счастливцы: их семьи живы-здоровы, не видят фашистов, не знают, что такое рабство. Товарищи стали успокаивать нас. А я посоветовал Шепруту вступить в переписку с какой-нибудь девушкой — ведь сколько писем из тыла, теплых, хороших, мы получали! — завяжется дружба, и переносить тяготы войны станет легче.

Я потому еще это сказал, что заместитель мой за последнее время стал как-то опускаться, перестал следить за собой, не брился, мог где угодно лечь и заснуть. А ведь он — начальник, должен подавать пример подчиненным. Лейтенант Вася Иванников заметил со смехом, что думал раньше, будто на войне не бреются, не умываются и свежие подворотнички не пришивают.

Без всякой связи с предыдущим Нефедьев задумчиво произнес:

— Интересно, что сейчас делают в Ставке, какие планы составляют?

— Взяли бы меня туда хоть окурки из пепельницы выносить… Краем уха услышать бы, сколько осталось до победы, — в тон Нефедьеву мечтательно промолвил Ильин.

— Давайте немного поспим, а то уже скоро рассвет.

— Отдыхайте… А я пободрствую. Напишу письмо в свою Казеевку. — И Ильин лезвием ножа убавил огонь «катюши», как мы называли самодельную лампу, скудно освещавшую наш блиндаж.

Настало утро 9 октября. После мощной артиллерийской подготовки две роты фашистских автоматчиков атаковали наши подразделения в стыке между 1-м и 3-м батальонами. Завязался ожесточенный бой в домах и на улицах, но враг, потеряв до пятидесяти человек убитыми, не смог продвинуться ни на шаг.

После этого боя я счел нужным перенести свой штаб из здания тюрьмы ближе к подразделениям батальона. По образцу укрытий, какие делались в ротах, мы отрыли два блиндажа, благоустроили их и прожили там почти до конца боев в городе. С лестничной площадки третьего этажа, где находился наш наблюдательный пункт, отлично обозревались подступы к переднему краю полка.

В здании тюрьмы людей поубавилось, и со временем там стали проводить все полковые мероприятия.

Постепенно мы соединили траншеями штаб батальона с ротами. Дом, где находился НП, приспособили для круговой обороны и оборудовали убежища на случай прорыва противника через боевые порядки рот. У нас было расписано: Ильин и Иванников должны будут вести огонь из ручного пулемета, Нефедьев и его ординарец Чмырь — из противотанкового ружья, я с Кузьмичом (моим ординарцем) — из пулемета. Связные и разведчики имели на вооружении автоматы. Мы создали изрядный запас гранат и патронов. Дом превратился в крепкий опорный пункт. Командир полка майор Долгов придал нам два 45-миллиметровых орудия. Мы установили их вблизи дома, стоявшего перед 1-й и 3-й ротами. Эти две пушки нам очень пригодились.

Оборона батальона постоянно совершенствовалась. Наши саперы даже сумели заминировать пространство перед передним краем. Поскольку далеко не везде они могли высунуться из окопов, то наловчились выдвигать мины с помощью длинных

шестов. Способ этот придумал Степан Карпенко, засевший со своими бойцами в трансформаторной будке. Немцы находились от него метрах в сорока. Чтобы обезопасить себя, Карпенко решил заминировать пространство, отделявшее его роту от врага. Выйти из окопов было равнозначно самоубийству. Тогда Карпенко предложил поставить мину на бруствер и шестом тихонько двигать ее вперед. Удавалось продвинуть мины метров на восемь — десять от окопов. И то было хорошо!

А с легкой руки полкового инженера Николая Бейгула в ротах начали изготовлять «сюрпризы» — соединяли противопехотное мины с бутылками, наполненными горючей смесью КС, устанавливали неуправляемые и управляемые фугасы. Для борьбы с самолетами противника выделили два станковых пулемета, приспособленных для ведения огня по воздушным целям, два ручных пулемета и два ружья ПТР. В общем, делалось все, чтобы превратить оставшиеся до Волги несколько сот метров в непреодолимый для врага барьер.

В один из дней в дивизию приехал бригадный комиссар, как нам сказали, представитель ЦК партии. Он сделал обстоятельный доклад о международном положении и положении на фронтах и еще раз разъяснил нам, что судьба победы над фашизмом решается здесь, на Волге. Ответив на многочисленные вопросы, он сказал:

— А теперь, товарищи, я хочу пройти в окопы к солдатам. К кому пойдем?

— К нам, товарищ бригадный комиссар, — вытянувшись в струнку, сказал Нефедьев таким тоном, будто само собой разумелось, что бригадному комиссару только один путь — в наш батальон.

Полковой комиссар Вавилов начал было возражать, что, мол, это рискованно, но Нефедьев заверил, что в подразделение идти не опасно — у нас есть отличные траншей и блиндажи.

Бригадный комиссар в сопровождении комиссара дивизии и комиссара полка самым добросовестным образом обошел почти всех солдат, побывал на огневых позициях, со всеми беседовал, угощал папиросами и неизменно спрашивал, что передать в Москву: удержим мы город или нет? И неизменно слышал один и тот же ответ: Сталинград удержим и фашистов уничтожим.

Миновали первые недели кровопролитных боев. И вот в «Красной звезде» появилась корреспонденция о боевых делах 13-й гвардейской дивизии.

«…Каждый день гвардейцы принимают на себя по 12–15 атак вражеских танков и пехоты, поддерживаемые авиацией и артиллерией, — писала газета, — и всегда они до последней

возможности отражают натиск врага, покрывая землю новыми десятками и сотнями фашистских трупов. Не только умом — всем своим сердцем, всем своим существом гвардейцы сознают, что отступать дальше нельзя, отступать дальше некуда… Полные непреклонной решимости скорее сложить свои головы, чем сделать хоть шаг назад, они, как утес, стоят на своих позициях, и, как об утес, дробятся об их позиции многочисленные валы вражеских атак.

Гвардейцы упорно и мужественно отстаивают каждый дом, каждую улицу, выбирая удобные моменты, переходя в контратаки, опустошая ряды врага. Только за один день они перебили две тысячи гитлеровцев, уничтожили 18 танков, 30 автомашин. В другой же день гвардейцы подожгли 42 вражеских танка. Железное упорство в обороне, стремительный натиск в контратаках — отличительная черта гвардейцев дивизии, которой командует генерал-майор Родимцев».

Такая оценка наших ратных будней обязывала нас воевать еще лучше, уничтожать все больше гитлеровской нечисти и тем самым приблизить час победы.

Об этой статье я узнал от комиссара полка Тимошенко. Он вызвал комбатов — мы все были на одном проводе — к телефону;

— Кирин!

— Я.

— Исаков!

— Я.

— Мощенко!

— Я.

— Газету «Красная звезда» сегодня читали?

— Нет еще.

— Тогда слушайте.

И по телефону прочитал нам статью.

Что скрывать, было приятно, больше того, мы гордились тем, что нас, гвардейцев, так отмечают.

Под вечер, когда стемнело, комиссар полка пришел к нам, и я повел его в роты.

Вернулись в штаб батальона во второй половине ночи. Чувствовалось, что комиссар доволен увиденным.

— Так, у тебя будто бы неплохо, только смотри, не зазнавайся и не думай, что сделанное — предел ваших возможностей. Совершенствуйте оборону. Знаешь приказ генерала Чуйкова?

— Знаю.

— Вот и надо его выполнять.

Приказ командующего 62-й армией требовал от 13-й гвардейской дивизии «прочно удерживать занимаемую часть

города, укреплять и совершенствовать свою оборону в противотанковом и противопехотном отношении, каждый окоп превратить в опорный пункт, каждый дом — в неприступную крепость».

В первые недели Сталинградской битвы — с 15 сентября по 2 октября — наша дивизия нанесла жестокое поражение противнику, который потерял четыре тысячи человек убитыми и ранеными. Огнем пехоты и артиллерии было сожжено и подбито 84 танка, уничтожено 19 орудий, 13 минометов, 50 пулеметов и много другой техники врага.

Мы все лучше приспосабливались к ведению боев в городских условиях, к войне в домах, как говорил наш комдив генерал Родимцев. Пришлось отказаться от привычных тактических приемов и создать штурмовые группы. Имея на вооружении гранаты, бутылки с зажигательной жидкостью, ручные пулеметы, автоматы, при поддержке орудий прямой наводки бойцы шли на штурм зданий, выбивали неприятеля и сами закреплялись в них. Основывались по-хозяйски: с запасом боеприпасов, сухарей, сахара, табака. Каждая атака требовала своего решения и мало чем походила на предыдущие. Естественно, в таких своеобразных условиях неизмеримо возросла роль командиров отделений, командиров взводов и рот. Нередко им приходилось действовать самостоятельно, иногда даже в отрыве от других подразделений. Поэтому все большее значение приобретали инициатива, сообразительность и находчивость.

Противник изменил направление главного удара. От темна до темна в небе висели вражеские самолеты, стоял непрерывный гул артиллерийской канонады. К нам поступали тревожные сведения. Группа полковника Горохова была отрезана от основных сил 62-й армии, Упорные бои шли на «Красном Октябре» и Тракторном заводе.

Нас тоже не оставляли в покое. Мы в свою очередь действовали по принципу: долг платежом красен. Немцы глубоко зарылись в землю. Поэтому возник вопрос: как же их уничтожать? Мы располагали сравнительно незначительными силами, и наступать на хорошо подготовленные позиции было слишком рискованно. И здесь, как и в других сложных ситуациях, нам пришла на помощь инициатива наших бойцов: зародилось снайперское движение. Не знаю, кто именно положил этому начало. Но воины 39-го гвардейского полка считают, что возникло оно в нашей части. Вот при каких обстоятельствах это произошло.

Однажды вечером к Нефедьеву из 3-й роты явился младший

политрук Владимир Тимофеевич Тимофеев и доложил, что сегодня Анатолий Чехов убил шестерых фашистов.

— Точно шестерых? Вы уверены? Как вы подсчитываете? — спросил я Тимофеева.

— Если после первого выстрела немец упал и до темноты не поднялся, значит, убит. Таких сегодня шесть было.

— А из чего Чехов стреляет, из автомата или из винтовки? — поинтересовался Ильин.

— Из обычной винтовки. Жаль, нет снайперской. Он ведь курсы снайперов окончил.

На следующий день Тимофей Андреевич Нефедьев побеседовал с Анатолием Ивановичем Чеховым. Тот действительно оказался снайпером. Только окончил не курсы, а проходил подготовку в Центральной школе инструкторов снайперского дела, где в числе его учителей был прославленный ленинградский снайпер, ставший потом Героем Советского Союза, В. Пчелинцев. Мы попросили у майора Долгова винтовку с оптическим прицелом. Начальник вооружения полка дал ее нам. Чехов так и засветился, ему не терпелось начать «охоту».

Вскоре Анатолий обновил оружие, уничтожив за один день одиннадцать фашистов. Как это случилось? Ехала немецкая повозка с какой-то кладью. Чехов убил лошадь. Гитлеровцы, сопровождавшие груз, растерянно оглядывались, пытаясь определить, откуда стреляют. Постояв немного, принялись снимать с повозки мешки. В этот момент один за другим раздались два выстрела, и двое вражеских солдат, придавленные мешками, рухнули на землю. Спустя некоторое время к месту происшествия подошли еще двое, очевидно, поглядеть, в чем тут дело, — и они упали замертво. К концу дня Чехов на том же месте уложил еще семерых.

В те жаркие дни никому из нас не приходило в голову, что такие люди, как Чехов, когда-нибудь войдут в историю, и авторы будущих книг о войне, и кинодокументалисты будут искать и по крохам собирать сведения о них, что каждый штрих фронтовой жизни, в наших глазах обыденный, заурядный, приобретет особое значение. Мы выполняли приказ, стояли насмерть, доступными средствами и силами поддерживали всякую полезную инициативу, стремились распространить ее, но тогда никто из нас, даже если бы и захотел, не имел возможности выяснять подробности, которые так интересуют всех сегодня. Мы гордились Чеховым, было лестно, что этот мастер меткого огня — боец нашего батальона. Имя его стало мелькать на страницах фронтовых и центральных газет. Очерк о Чехове написал Василий Гроссман.

В нем рассказывалось, что 29 марта 1942 года Анатолия вызвали повесткой в военкомат. Он попросился в школу снайперов.

— Вообще я в детстве не стрелял ни из рогатки, ни из чего, жалел бить по живому, — сказал он писателю. — Ну, я, хотя в школе снайперов шел по всем предметам отлично, при первой стрельбе совершенно оскандалился — выбил девять очков из пятидесяти возможных. Лейтенант сделал вывод: «Ничего из вас не выйдет».

Однако Анатолий не стал расстраиваться, он добавил к дневным часам занятий долгое ночное время… Окончил снайперскую школу отличником и сразу же попросился в часть, хотя его оставляли инструктором…

В Сталинграде Чехов сначала командовал стрелковым отделением… Но вот о нем заговорили, как о метком стрелке, и Анатолий получил снайперскую винтовку. Долго обдумывал он, где ему засесть: в подвале, на первом этаже или укрыться в груде кирпича, выбитого тяжелой фугаской из стены многоэтажного дома. Чехов внимательно осматривал дома, и его взор натыкался на окна с обгоревшими лоскутами занавесок, свисавшую железную арматуру, прогнувшиеся балки межэтажных перекрытий, обломки трельяжей, потускневшие в пламени никелированные остовы кроватей. Видел он и велосипеды, висевшие на уцелевших стенах, поблескивавшие осколки зеленоватых хрустальных рюмок, куски зеркал, порыжевшие и обгоревшие усы финиковых пальм на подоконниках, покоробившиеся куски жести, развеянные дыханием пожара, словно легкие листы бумаги, обнажившиеся из-под земли черные кабели, толстые водопроводные трубы — мышцы и кости города.

Наконец Чехов сделал выбор. Он вошел в парадную дверь высокого дома и по уцелевшей лестнице стал подниматься с этажа на этаж. Местами ступени были разбиты. Анатолий достиг площадки пятого этажа: это было то, что он искал. Наружная стена здесь обвалилась, и отсюда открывался широкий обзор. Прямо и несколько наискосок виднелись здания, влево уходила прямая улица. Дальше, метрах примерно в шестистах, начиналась площадь. Все это было в руках противника. Чехов устроился на лестничной площадке так, чтобы тень от остатка стены падала на него. Винтовку он положил на чугунный узор перил, поглядел вниз, наметил ориентиры…

Вскоре наступила ночь, стрелять было нельзя — вспышка выстрела демаскировала бы снайпера, и он спустился в подвал, где размещалось его отделение.

Проснулся перед рассветом. Не попил, не поел, а лишь налил

в баклажку воды, положил в карман несколько сухарей и поднялся на свой пост. Анатолий лежал на холодных камнях лестничной площадки и ждал, Развиднелось. А вскоре взошло и солнце. Только под стеной, где лежал Чехов, стояла холодная серая тень. Спустя некоторое время из-за угла дома вышел гитлеровец с ведром. Потом уже Чехов узнал, что в это время солдаты носят офицерам воду для мытья. Чехов повернул дистанционный маховичок, перекрестье прицела поплыло кверху. Сделав вынос на четыре сантиметра вперед, Анатолий выстрелил. Ведро выпало из рук солдата, и он упал на бок. Через минуту из-за угла появился второй фашист. В руках он держал бинокль. Чехов нажал спусковой крючок. Потом такая же участь постигла третьего. Понаблюдав за передвижениями в стане врага, Чехов определил дорогу, по которой немцы ходили в штаб, расположение склада боеприпасов и пищеблока.

Чтобы не обнаружить себя, во время стрельбы снайпер располагался на фоне белой стены и дуло винтовки не выставлял из укрытия. Поэтому пламя, вырывавшееся из ствола, не было видно.

К концу первого дня «охоты» гитлеровцы уже не ходили, а бегали, к исходу второго — начали ползать.

Дорожка, по которой они носили питьевую воду, стала теперь пустынной.

К вечеру второго дня на боевом счету Анатолия Чехова было уже семнадцать убитых фашистов.

Всю ночь со стороны неприятеля доносились удары кирок и лопат — немцы в мерзлой земле пробивали ход сообщения. На следующее утро Чехов отметил, что противник вырыл две траншеи, подходившие к асфальтированной дороге, видимо намереваясь по ним доставлять боеприпасы. Анатолий заметил в стене дома напротив маленькую амбразурку. Вчера ее не было. Чехов понял: немецкий снайпер. «Гляди», — шепнул Анатолий сержанту, пришедшему вместе с ним, и нажал спусковой крючок. Послышался вскрик, затем топот сапог — это автоматчики унесли сраженного фашиста.

Чехов переключил внимание на траншею. Вражеские солдаты подползали к асфальтированной ленте, перебегали через нее и снова скрывались во рву. Чехов стал стрелять в тот момент, когда они вылезали из укрытия.

На восьмой день Чехов держал под контролем все дороги, которыми пользовались оккупанты.

У Чехова сразу же нашлись последователи, и он терпеливо обучал их искусству меткого выстрела. Об успехах Анатолия Чехова я докладывал командиру полка, и Тимофей Андреевич

Нефедьев писал о нем в политдонесениях.

8 октября из штаба дивизии был получен приказ «О развитии снайперского движения». Бойцы восприняли его с энтузиазмом. И их можно было понять.

Гвардейцы учились без промаха бить по одиночным целям, бойницам и амбразурам, уничтожать автоматчиков, пулеметные и орудийные расчеты.

В подразделения стали поступать в нужном количестве снайперские винтовки. «Охотой» увлеклись почти все. Не составил исключения и наш штаб. Нефедьев и сержант Драгунов усовершенствовали треногу под ружье ПТР и задались целью сбить самолет. Такой случай в боевой практике батальона уже был: однажды помощнику командира взвода ПТР старшему сержанту — к сожалению, фамилию его я запамятовал — удалось сбить немецкий бомбардировщик Ю-87. За это он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Мы с Михаилом Ивановичем Ильиным тоже вооружились снайперскими винтовками. Стреляли оба неплохо. Облюбовали площадку в том самом полуразвалившемся доме, где находился наш блиндаж, пристрелялись бронебойно-зажигательными пулями по намеченным целям и в один из солнечных октябрьских дней вышли на «охоту». Ждать пришлось недолго. В поле нашего зрения появились два гитлеровца, один из них в офицерской форме, другой — солдат.

— Ну, Михаил Иванович, — говорю Ильину, — я беру на мушку офицера, а ты — того…

От желания не «промазать» перехватило дыхание. Выстрелили почти одновременно, солдат упал, а офицер побежал. Ильин послал ему вдогонку еще один торопливый выстрел, но фашист благополучно скрылся за углом дома. Так бесславно завершился мой снайперский эксперимент. Я спустился в блиндаж и позвонил Степану Карпенко, чтобы прислали Чехова. Вскоре он пришел.

— Слушай, Анатолий, тут начали фрицы шнырять. — И мы показали ему со своего НП, откуда они появляются.

Чехов полез наверх, а мы с Ильиным спустились вниз, чтобы ненароком не демаскировать нашего снайпера. Выбрать удобную позицию — большое искусство. Анатолий не стал искать защищенное место, а пристроился в проломе стены в глубине лестничной площадки так, что он все видел, а сам был скрыт. Пока мы стояли внизу и разговаривали с Антониной Гладкой (теперь она уже была наводчицей полковой пушки, что стояла на позиции неподалеку от наших блиндажей), раздался выстрел Чехова, звякнула извлеченная гильза и послышался его

спокойный голос:

— Есть один, спекся.

С этой позиции Чехов в течение дня уничтожил еще трех фашистов и ушел в свою роту.

Минуло немного времени, и только Чехов подготовил около двадцати отличных стрелков. К ноябрю в дивизии насчитывалось несколько десятков снайперов, на лицевом счету которых было свыше двух тысяч убитых гитлеровских солдат и офицеров. В канун двадцатилетия победы над фашистской Германией, вспоминая о массовом снайперском движении, начало которому положил Чехов, гвардии генерал-полковник А. И. Родимцев подчеркнул, что это была грозная сила, с которой противник не мог не считаться.

У противника тоже появились снайперы. Но мы еще не знали об этом. Наши связные уже привыкли к относительной безопасности и часто перебегали из роты в роту и на НП не по траншеям, а поверху. И вот однажды случилась беда. Из штаба полка пришел молоденький солдат, удивительно похожий на моего младшего брата, погибшего на фронте. Увидев его, я подумал: «Совсем как наш Петя». Он покурил и пошел обратно. И всего-то ему надо было проскочить до берегового откоса по простреливаемой местности метров сорок — пятьдесят. Ходов сообщения мы там еще не успели сделать. Ему бы надо перебежать — и сразу под уклон. А он пошел шагом. Вдруг раздался одиночный выстрел, и он упал. Только цигарка продолжала дымить…

Тот же снайпер сразил политрука 3-й роты Тимофеева.

«Надо снять его во что бы то ни стало», — решили мы.

Эту задачу взял на себя Чехов.

Начался поединок. Фашист караулил Чехова, а Чехов его. Так продолжалось несколько дней. Анатолий спускался вниз хмурый, злой. Этажом выше засел еще один наш мастер огня с противотанковым ружьем. Он подстерегал вражеские машины. Как-то под вечер, когда наверху прогремел выстрел, Чехов вдруг почувствовал, что и в него целятся. Анатолий решил опередить — и… впервые промазал. Гитлеровец ответил — и тоже мимо. Однако пуля, ударившись о стену, рикошетом вошла в грудь Анатолия Чехова. Его привели к нам в блиндаж. Смотрю, плачет, не от боли — от ярости, что не попал.

— Вот что, Анатолий, немедленно в санроту, а потом в медсанбат, надо извлечь пулю.

— Не пойду!

— То есть, как это не пойдешь?!

Чехов стоял на своем. Тогда я велел фельдшеру Птахину

оказать помощь Анатолию, а сам позвонил комиссару полка Тимошенко, чтобы тот распорядился переправить Чехова в госпиталь, на противоположный берег Волги.

Когда Анатолия перевязали и он вернулся в блиндаж, я сказал:

— Комиссар полка тебя вызывает, хочет узнать, как все получилось.

— Хорошо, — ответил он, — но пусть моя винтовка останется у вас.

Из штаба части Чехова направили за Волгу. Через две недели он снова появился в батальоне.

— Где винтовка?

— Вот.

Анатолий схватил ее и — в роту. К вечеру на его счету было еще трое фрицев. Наверное, в их числе был и снайпер, так как больше он нас не беспокоил.

«Как же так, — думаю, — слепое ранение, и вдруг вернулся?..»

— Узнай-ка, — говорю Птахину, — выписали его или сбежал.

Тот пришел, доложил:

— А ведь Чехов сбежал из госпиталя.

Тут как раз у него подскочила температура, и он сознался, что операцию ему еще не делали. Пришлось снова переправлять его на левый берег. Вернулся он к нам лишь к концу боев за Сталинград. А меньше чем через год, когда наша дивизия сражалась на Курской дуге, прошел слух, что Анатолий, в то время уже командир взвода автоматчиков, убит.

Но много лет спустя выяснилось: Анатолий Чехов не погиб тогда.

Я узнал об этом только в феврале 1965 года, развернув «Комсомольскую правду». Подобно многим бывшим фронтовикам, я всегда ищу в газетах материалы о героях Великой Отечественной войны. Мой взгляд сразу же остановился на заголовке «Снайпер из легенды». Пробежал глазами первый столбец — и сердце учащенно забилось: жив, жив Анатолий! Буквы запрыгали, потом стали на место, и я прочитал:

«Об этом человеке каждый из нас слышал в детстве. Шла война. Она врывалась в нашу мальчишечью жизнь сводками с фронтов, скупыми солдатскими письмами отцов, слезами матерей. Мы играли — в войну, смотрели кино — про войну, проглатывали книжки — о героях войны.

Среди других запомнился и он, Анатолий Чехов, сверхметкий снайпер, защитник города на Волге, гроза гитлеровцев. Ему не исполнилось тогда и двадцати лет.

Но о нем уже была книжка. Ее написал Василий Гроссман. Напечатанная на газетной бумаге, маленькая, как раз по карману солдатской гимнастерки, с пометкой на обложке: „Из фронтовой жизни“. Она рассказывала о том, как на Мамаевом кургане застенчивый юноша из Казани стал для фашистов самым страшным человеком. Он был одним из первых снайперов фронта… Когда Чехов уничтожил пятьдесят пятого гитлеровца, генерал Родимцев прямо на передовой вручил снайперу орден Красного Знамени.

Прошло двадцать два года. Все это время мы почти ничего не слышали о Чехове. Но вот недавно в Казань приехал Василий Зайцев, Герой Советского Союза, тоже снайпер, участник битвы на Волге. Вместе с ним приехали генерал-лейтенант Г. Сафиуллин, бывший политрук группы бронебойщиков А. Евтифеев, сержант Я. Павлов, генерал-лейтенант Н. Бирюков. В историческом музее города состоялась встреча ветеранов с трудящимися Казани. Затаив дыхание слушали люди рассказ Василия Зайцева о его погибшем друге — снайпере Чехове…

В этот момент с одного из дальних рядов поднялся худощавый, средних лет мужчина и, прихрамывая, пошел к сцене. Это был Анатолий Чехов.

Весь зал так и ахнул. Поняв, что произошло, люди радовались, аплодировали.

— Вот так встреча! — только и мог произнести Зайцев. — Два десятилетия рассказываю всюду, что ты, Анатолий, погиб, а ты вон живехонек!

Так думал не только Василий Зайцев. Свято чтили память о герое в Волгограде. Назвали именем снайпера Чехова улицу, выставили портрет в музее обороны города. Экскурсовод в течение многих лет говорила посетителям, что Чехов отдал свою жизнь за Родину. Бывший командир полка, в котором воевал Чехов, Самчук в книге „Тринадцатая гвардейская“ рассказал о подвиге героя, поместил его портрет. И тоже был уверен, что пишет о погибшем.

Да, чего не бывает в жизни. Жив Чехов. Живет в Казани. Улица 12-я Союзная, дом 18/9, кв. 4. Первый этаж, сугробы до самых окон. Тишина. Маленькая квартира. Невысокий, подвижной, чуть удивленный человек достает папиросу из пачки „Беломора“, выключает радио, рассказывает:

— Почему считали, что я погиб? Трудно сказать. Началось наше наступление. Штаб батальона располагался в одном из полуразрушенных домиков. Накануне меня ранило. Снайперскую винтовку пришлось сдать. Я стал связным при штабе. Слышу: „Добеги до 45-миллиметровых пушек. Скажи, чтобы подтягивали

их к передовой“. Побежал. Передал приказ. Когда вернулся, дома уже не было. Прямое попадание снаряда…

Возвращаясь однажды с задания, попал на минное поле. Вот, видите, левая нога стала короче…

От волнения Чехов не может усидеть на месте. Ходит по комнате, в пепельнице прибавляется окурков. Чуть слышно поскрипывает протез — ступню отняли в госпитале в Моршанске. Оттуда в 1944 году он написал матери: „Не беспокойся. Жив. Голова и руки целы. А ногу пришьют…“ Про вражескую пулю, сидевшую у позвоночника, умолчал. Она и сейчас там — память о дуэли с фашистским снайпером.

На родной фабрике его встречали торжественно. На улице останавливали незнакомые люди: „А мы вас в кино видели!“ Книжка Василия Гроссмана ходила по рукам.

Несмотря на ранения, Анатолий снова стал работать в родном цехе. Но через два года врачи сказали: „Вы, молодой человек, свое отработали“.

Стал пенсионером.

Нелегко складывалась послевоенная жизнь Чехова. Донимали раны. За десять лет — двенадцать операций. Пустые длинные дни, бесконечные тревожные ночи. Как жить дальше? Нехитрые заботы по дому, больницы и поликлиники, рыбалка — неужели это все, что ему осталось?

Где-то люди читали книги, в которых рассказывалось о подвигах Чехова. Боевые друзья гордились тем, что им довелось воевать рядом с ним. А сюда, в маленькую квартирку на тихой улице, заглядывали все реже и реже.

В музеях и клубах в дни праздников молодежь жадно слушала участников войны, людей, ценой собственной крови отстоявших будущее страны. В Казань их приглашали из разных городов Союза. Чехову тоже было что рассказать о тех незабываемых днях. Но его никто не приглашал. Только однажды вызвали коротеньким письмом. Он надел протез, сел в трамвай, отправился в другой конец города. Оказалось, им интересовалась Москва. Редакция „Истории Великой Отечественной войны“…

Как-то, пересилив смущение, он отправился в райисполком — попросить отремонтировать квартиру. Ему ответили отказом…

Больше он никуда не обращался.

За прожитыми годами, за неотложными делами будней забывается многое. Но имена людей, в лихую годину отстоявших страну, никогда не исчезнут из памяти народа. Они — эталон мужества, пример для молодого поколения. У них учиться и с них делать жизнь.

Есть у нас писатели и журналисты, посвятившие годы

отысканию героев. По следам подвигов идут пионерские отряды. Пока всего этого мало. Сколько еще безвестных героев живет рядом с нами! А мы порой проходим мимо них.

Через две остановки от дома на 12-й Союзной — крупнейшая в городе фабрика кинопленки, с которой комсомолец Анатолий Чехов уходил добровольцем на фронт. В дни сражений комсомольцы предприятия переписывались с героем. Сюда он вернулся после войны. И именно здесь меньше всего знают о Чехове и интересуются им…

На Сталинградском фронте было три знаменитых снайпера. Николай Ильин пал смертью храбрых. Он Герой Советского Союза… Василий Зайцев. Его знает вся страна, и Золотая Звезда Героя по праву увенчала снайпера… И, наконец, Анатолий Чехов — человек, которого долго считали погибшим».

Я прочитал статью еще раз и бросился к телефону. Позвонил бывшему командиру нашего полка Ивану Аникеевичу Самчуку, ныне помощнику директора Института химической физики Академии наук СССР, и бывшему начальнику штаба дивизии генерал-майору Тихону Владимировичу Бельскому, теперь начальнику отдела Военной академии имени М. В. Фрунзе. Мы встретились и решили обратиться с письмом в Татарский обком партии. «Как-то получилось так, — писали мы, — что геройские подвиги Чехова не были достойным образом отмечены. Мы, бывшие его начальники и боевые товарищи, считаем своим долгом просить вас войти в ходатайство перед партией и правительством о присвоении легендарному снайперу 13-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии сержанту Чехову Анатолию Ивановичу за проявленные героизм и мужество в боях с немецко-фашистскими захватчиками на Волге и Курской дуге звания Героя Советского Союза».

«…Бывший снайпер Анатолий Чехов должен носить звезду Героя Советского Союза. Он ее заслужил», — писали в «Комсомольскую правду» бывший фронтовик Н. Пискарев из города Гребенка, Полтавской области, А. Смирнов из Московской области и многие другие читатели, взволнованные судьбой Анатолия…

Патриотический почин Чехова и его последователей, развитие массового снайперского движения были конкретным ответом на приказ командующего 62-й армией, который преследовал цель превратить каждый дом в неприступную для врага крепость.

Оборона должна быть активной. Не дать противнику снять с нашего участка ни одного подразделения для переброски в

Заводской район, где шли ожесточенные бои, решавшие исход битвы за город, — такую задачу поставило командование 39-му гвардейскому полку.

Роты нашего батальона все лучше обживали свои участки. Мы настолько изучили повадки и привычки гитлеровцев, что теперь уже диктовали им свою волю, и они вынуждены были приспосабливаться к нашему режиму.

Во всех подразделениях дивизии создавались и обучались штурмовые группы. Само название этих групп говорит о той роли, которая им предназначалась в условиях городского боя, — захват отдельных объектов. Мы тоже готовили две штурмовые группы. Им предстояло овладеть домом, что стоял перед 1-й и 3-й ротами и находился в руках врага. Тренировались в своем «тылу» (рядом со штабом, где стоял дом, похожий на занятый немцами).

В ходе этих занятий неожиданно возникло серьезное затруднение; часть вновь прибывшего и, кстати сказать, очень малочисленного пополнения не знала русского языка. Но выход нашли. Политрук пулеметной роты, татарин по национальности, хорошо знал языки народов среднеазиатских республик. Ему, а также солдату 3-й роты Ктумову и сержанту Атаканову пришлось стать переводчиками. С их помощью солдатам было обстоятельно разъяснено, в чем состоит их задача и как лучше ее выполнить. Каждый знал, по какому сигналу что он должен делать. После отработки отдельных элементов начали проводить комплексные занятия.

Но действовать штурмовым группам не пришлось. По тактическим соображениям старших начальников захват намеченного дома был отложен на более позднее время.

Между тем такие же группы 3-го батальона атаковали большой жилой дом и завладели им, полностью уничтожив находившихся там фашистов. Мы искренне обрадовались успеху своих товарищей. Он свидетельствовал о возросшем военном мастерстве командиров и солдат полка. Гитлеровцы оказывали упорное сопротивление нашим соседям. В угловой комнате второго этажа они забаррикадировались и яростно отбивались. Проще всего было бы разрушить этот дом с помощью артиллерии или даже взорвать его, но в нем находились и наши люди. По предложению полкового инженера Бейгула саперы подложили под закрытую дверь небольшие тротиловые шашки и подорвали их. Взрывная волна выбила дверь, свалила нагромождение из матрацев, подушек и мешков. В образовавшийся проем полетели гранаты. Довершили разгром огнеметчики.

1-й батальон продолжал сдерживать ожесточенный натиск врага. Бойцы понимали, что рассчитывать следует только на свои

силы — пополнения нам не давали. Случалось, иногда присылали несколько человек, выписанных из госпиталей. А основную массу свежих сил направляли в Заводской район. Гвардейцы воевали с огромным напряжением. Нередко один боец обслуживал ручной или даже станковый пулемет. А то вооружался ручным пулеметом и автоматом и стрелял из них в зависимости от обстановки. В подразделении Степана Карпенко кто-то из минометчиков вел огонь сразу из двух ротных 50-миллиметровых минометов. Он занял огневую позицию прямо посередине проезжей части Нижегородской улицы. Там перед канализационным колодцем лежала опрокинутая полуторка, которую он использовал как «естественное» прикрытие, а сам обосновался в колодце. Неуязвимый для врага герой-минометчик причинил много хлопот и неприятностей противнику, нанося ему ощутимые потери.

Под руководством Александра Гавриловича Потрываева стали более активно действовать и наши полковые разведчики. Их чуть ли не качали на руках, когда, вернувшись из очередного поиска, они приволокли пленного, по своим «габаритам» не уступавшего великану Медведеву. Фашист отчаянно сопротивлялся — бойцы как на грех оказались все небольшого роста. Однако с силачом справились.

Хорошо помогали нам летчики ночных бомбардировщиков. Мы установили с ними тесную связь и обозначали объекты, которые им предстояло бомбить. Услышав знакомое стрекотание моторов над Волгой, гвардейцы пускали ракеты, стараясь направить их точно на цель. Это давало возможность пилотам бросать бомбы именно туда, куда следовало.

Прочное взаимодействие наладилось и с артиллерией, что стояла на противоположном берегу. Нам дали заградительные огни, подвижные и неподвижные. Теперь, если противник наступал, мы пускали серию ракет определенных соцветий, и нас тотчас же поддерживали.

Как и всем комбатам, мне приходилось ломать голову над тем, как надежнее укрыть людей, чтобы даже 100-килограммовые бомбы и тяжелые снаряды не наносили потерь. С нас даже стали спрашивать: «А почему ты сегодня потерял двух человек? Ты же в обороне сидишь!»

Наладилось и снабжение. Находясь в самом пекле, мы не ощущали недостатка в боеприпасах.

Организовать оборону нам помогали работники вышестоящих штабов и политорганов. У нас в батальоне бывали генерал Родимцев, комиссар дивизии Вавилов, командир полка Долгов, помощник начальника штаба полка капитан Мороз, старший политрук Синицын, офицеры из политотдела и штаба дивизии.

Естественно, чаще других к нам приходил командир части. Как-то вечером он вошел в блиндаж неожиданно. Мы все поднялись. Я доложил, что батальон обороняет указанный ему район, потерь за сегодняшний день нет, изменений в поведении противника тоже не наблюдалось.

— Все это хорошо, но давай-ка лучше пройдем по обороне и на месте посмотрим, как и что, — предложил Долгов.

— Есть! — и я начал натягивать ватный бушлат, Нефедьев потянулся за телогрейкой, Ильин, недавно возвратившийся из разведки, пригладил свой белобрысый ежик и нахлобучил на голову ушанку, а Иванников в недоумении стрелял глазами то в меня, то в командира полка.

— Вы это куда? — удивился Долгов. — Такой компанией проверять оборону нельзя. Один шальной снаряд и… Кто даст гарантию, что ничего не случится? Или, может, ваш комбат не знает дорогу в роты?

По тону Долгова нельзя было понять, шутит он или говорит серьезно. Не зная, как реагировать на его слова, мы нерешительно переступали с ноги на ногу.

— Всем оставаться на месте, — уже вполне серьезно сказал командир полка. — Чередуясь, отдыхайте, а мы с Исаковым пойдем. Готов? — обратился он ко мне.

— Как штык!

— Ну тогда веди, штык.

И мы направились сначала в 1-ю и 3-ю роты, а затем во 2-ю.

Каждый ротный показывал, как на его участке оборудованы окопы, пулеметные позиции, секторы обстрела, откуда чаще всего ведет огонь противник. Когда подошли к одному из расчетов пулеметной роты, Самохин уже ожидал нас и сразу начал подробно докладывать Долгову.

Семен Степанович внимательно слушал его и вдруг перебил:

— Почему ты разговариваешь шепотом?

— Так немцы же услышат…

— Мы же дома, — в тон ему ответил Долгов. — Это они пусть шепчутся. Может, твои пулеметы тоже так же тихо стреляют? Или совсем молчат?

— Нет, товарищ гвардии майор! Мы их лупим днем и ночью, — подал голос командир расчета, видимо, обиженный колким замечанием командира полка. — Можете даже посмотреть, сколько у нас сегодня пустых гильз…

— Вот и я думаю, сержант, что нужно лупить их и днем и ночью, чтобы ни одна фашистская сволочь не могла головы поднять до самого своего смертного часа!

— Товарищ гвардии майор, можно спросить?

— Да. Для того и пришел, чтобы посмотреть, как вы воюете, и узнать, что думаете.

— Наступление скоро начнется? Надоело обороняться…

— Что наступление будет, в этом я уверен, а вот когда оно начнется, не знаю. А вы к этому готовы?

— Тренируемся. Вроде получается… Нам бы выбить фрицев вон оттуда, — сержант указал на дом, силуэт которого четко вырисовывался на фоне ночного неба. — Он точь-в-точь такой же, какой мы избрали для занятий. До него каких-нибудь шестьдесят — семьдесят метров…

Не отчаивайтесь, придет время — возьмете его. Письма из дому получаете?

— Получаем, но не все. Мои под оккупацией, в Сумской области…

Дойдем и до Сумской области. — Долгов легонько тронул сержанта за плечо. — Отомстим!.. Ну что ж, гвардейцы, раз вопросов нет, настроение боевое, остается пожелать вам уничтожить как можно больше оккупантов и побывать в Берлине.

По траншее пробрались к Сафронову. Его роту отделяло от противника еще меньшее расстояние, чем пулеметчиков Самохина. Сафронова нашли в окопе, возле него стоял Шепрут, и они о чем-то тихо разговаривали. Я толкнул Сафронова: «Пришел командир полка». Сафронов начал было докладывать, но Долгов прервал его, подал ему руку.

— О чем совещаетесь?

— Да вот слушаем: немцам пожрать принесли, у них языки и развязались.

Мы прислушались. Со стороны неприятеля действительно доносились приглушенные голоса и позвякивание котелков.

— И вы все сразу питаетесь?

— Нет, едим по очереди. Одни кашу уплетают, а другие в окопе стоят, стерегут, поджидают момент, чтоб к фрицу гранаты забросить. Да только это почти невозможно: дом, занятый немцами, стоит к нам глухой торцевой стороной. И ни одного окошка — видите? — куда бы бросить гранату, нет.

Долгов, выслушав командира роты, повернулся ко мне:

— Я прикажу Кузьмину, чтобы он выделил вам две 45-миллиметровые пушки. Ты с ним все согласуй, установи сигналы, и пусть тюкает в этот дом прямой наводкой до тех пор, пока он не завалится. Только смотри, здесь нужна особая точность, а то возьмет чуть-чуть вправо да и влепит в своих.

Я обрадовался этому решению. Теперь-то, с помощью батареи Кузьмина, мы наверняка заклюем фашистов.

Прошли с Долговым по всей позиции. Оборона в роте была

оборудована на совесть. Окопы — глубокие, удобные — соединены ходами, в нескольких местах имелись перекрытия. В двух надежных блиндажах бойцы могли и отдохнуть и поесть. Даже баню соорудили, хоть и примитивную.

Обход района обороны батальона закончили во второй половине ночи. Когда вернулись в штаб, Долгов сказал, что по оборудованию позиций у него замечаний нет. Напомнил, что сейчас нужно быть предельно бдительными и не давать врагу ни минуты покоя. Ничего, что он зарылся в землю. Нужно повысить меткость огня. Где бы ни мелькнул фашист, он должен быть убит.

— Ясна задача? — спросил командир полка.

— Яснее ясного, товарищ гвардии майор.

— Ну раз так, тогда действуй.

Мы простились. Я спустился в блиндаж. Никто не спал. Волновались: что сказал командир полка? Я подробно проинформировал товарищей о результатах обхода и порадовал их вестью о том, что командир полка принял решение придать батальону две пушки. Все заулыбались, а Иванников просто засиял.

До рассвета остались считанные часы, и мы улеглись отдыхать, а Ильин бодрствовал у телефона.

В батальон часто наведывался и лейтенант Леонид Афанасьевич Кияшко, который вел журнал боевых действий полка. Он расспрашивал командиров и бойцов, уточняя детали боя, интересовался отличившимися. Случалось, Кияшко так надоедал своей дотошностью, что мы старались поскорее спровадить его. Жаль, что его скрупулезные записи, по которым можно было бы с документальной точностью восстановить картины боев и жизни 39-го гвардейского полка в самые трагические дни Великой Отечественной войны, не сохранились.

Как-то рано утром дверь блиндажа отворилась и я услышал голос майора Бондаренко.

— Вылезай! — прокричал он мне сверху. — Привел нового уполномоченного.

Когда я выкарабкался из нашего подземелья наверх, он указал на невысокого старшего лейтенанта, показавшегося мне не очень молодым.

— Знакомься.

— Ерофеев, — произнес новый уполномоченный густым баритоном, который никак не вязался с его щуплой фигурой. — Дай мне посыльного, пусть для начала проведет по ротам, а потом я буду сам ходить.

Во второй половине дня Ерофеев вернулся из подразделений. Я спросил его, как дела. Он ответил, что неплохо, но в станковые

пулеметы не залита незамерзающая жидкость. Дни стояли холодные, ожидались заморозки, и это было серьезным упущением. Однако у меня были сведения, что командир пулеметной роты сделал все, что нужно. Поэтому я возразил:

— Залита.

— А я говорю, нет.

— Мне доложил Самохин, что залил.

— Я же тебе по-русски говорю: нет жидкости в пулеметах. И вот, смотри, тоже непорядок: лежат два ящика припасов для ампуломета, упадет кирпич, побьет ампулы.

— А какое, собственно, вам дело, что вы вмешиваетесь…

— Подожди, не кипи. Я же по-дружески, в интересах дела говорю тебе о непорядках, которые увидел. Когда выйдут из строя пулеметы, поздно будет пререкаться: кровью придется расплачиваться за халатность. Одну ведь задачу решаем, а ты: «Вам… Вы…». Не люблю «выканья»…

Искренность и спокойный тон Иосифа Михайловича Ерофеева подействовали на меня отрезвляюще, и я понял, что этот человек совсем иного склада, нежели Николаев. Ерофеев предложил мне пройти на НП и взглянуть оттуда на район нашей обороны. Мы стали подниматься по лестничной клетке, а в это время внизу появился командир пулеметной роты Иван Лаврентьевич Самохин, которого я приказал вызвать. Увидев нас, он приложил руку к головному убору, по своему обыкновению оттопырив мизинец и безымянный пальцы, левой рукой поддернул брюки:

— По вашему приказанию…

— Почему жидкость не залита в пулеметы?

— Залита.

— Когда?

— Сегодня.

— Почему доложили неправду? Теперь вот имейте дело с ним, — и я указал на Ерофеева. — Можете идти в роту.

Самохин повернулся и ушел.

На этом закончилась наша первая встреча с Ерофеевым. В дальнейшем, когда он собирался в роты, то обычно, открыв дверь блиндажа и поздоровавшись, неизменно говорил:

— Ну, я пошел.

Сначала у нас установились товарищеские, а затем и дружеские отношения. И я уже не вскипал, когда, вернувшись из рот, Ерофеев говорил:

— Что же ты не следишь за порядком: у тебя там на посту боец мерзнет, водки ему не дали и не сменили.

— Не может быть!.. — горячо начинал было я и тут же

замолкал: раз Иосиф Михайлович говорит, значит, так оно и есть.

В Сталинград Иосиф Михайлович пришел из окружения. В письме, которое я получил от него в августе 1965 года, он так вспоминает об этих днях. «Я вывел людей, а одного через Дон перетащил на лямке от вещмешка (он не умел плавать). В Сталинграде с двумя танками КВ, с гранатами и автоматами отбивал вокзал. Был начальником опергруппы на реке Царица и центральной переправе. При мне от бомб, сброшенных немцами с Ю-87, прямо в ящиках горели штабеля реактивных снарядов и с шумом разлетались во все стороны. На моих глазах сгорели начальник и комиссар центральной переправы, сотни раненых, которые в машинах ожидали погрузки на баржи и катера. Никому никогда не пожелаю пережить то, что пережил я, побывав в этом аду. Там никто тебе не подсказывал, как поступить, и приходилось действовать самому, как велела партийная совесть…»

Опытный чекист, Ерофеев и у нас в батальоне в любой обстановке действовал так, как подсказывала ему партийная совесть, и старался всячески помочь мне.

Хотя я был моложе его лет на одиннадцать, он ни разу ни в чем не дал мне почувствовать свое превосходство. Его такту и уму могли бы позавидовать многие. Он никогда не лукавил, был прям и самостоятелен в своих решениях.

Мы провоевали с ним в одном полку до апреля 1944 года. Родом он был с Кубани, брат его боролся в Крымском подполье, а семья — жена и трое детей — осталась, как он предполагал, на оккупированной территории. Он люто ненавидел фашистов и каждую свободную минуту, находясь с солдатами в окопах, охотился за врагами. С 39-м гвардейским полком он закончил войну, демобилизовался, разыскал семью и поселился в Сочи.

В сталинградском пекле ни у кого из нас не было времени для пространных бесед. Каждый находился на виду у всех. В далекое прошлое канули наши довоенные привычки, любимые занятия, и казалось, будто мы чуть ли не с пеленок только и делали, что стреляли, окапывались, ходили в атаки, падали, обливаясь кровью, и снова вели огонь, чтобы выгнать врага с родной земли, вернуть нашим близким мирную жизнь со всеми ее радостями и трудностями. Но минули послевоенные десятилетия, и я сделал удивившее меня открытие: оказывается, у нашего Ерофеева чуткая душа романтика. До седых волос сохранил он юношескую влюбленность в природу. «Моя стихия — горы», — писал он мне недавно с Кавказа, рассказывая, какое удовольствие получает от походов и далеких прогулок по местам, которые славятся своей неповторимой красотой и своеобразием. Впрочем,

удивляться тут нечему. Только романтики, безраздельно отдавшие свое сердце Родине, могли воевать с такой беспримерной храбростью и мужеством, с какой они отстаивали Сталинград…

В батальоне радость: получили правительственные награды комиссар Нефедьев, все командиры рот, многие солдаты и сержанты. Тимофей Андреевич был удостоен ордена Красной Звезды, командиры стрелковых рот — медали «За отвагу», а Самохин — медали «За боевые заслуги».

Некоторым товарищам были присвоены очередные воинские звания. Старшими лейтенантами стали Карпенко и Сафронов, а я — капитаном.

Естественно, все мы были рады и с удовольствием принимали поздравления. Тимошенко поздравил меня по телефону шуткой:

— Спустись вниз, к железной дороге, возьми две шпалы и прикрепи по одной к каждой петлице. Присвоили тебе капитана. Поздравляю.

Михаил Иванович Ильин стал лейтенантом.

А с командиром 1-й роты старшиной Медведевым вышел казус. Хотя мы уже несколько раз представляли его к званию младшего лейтенанта, приказа все не было. Но вот однажды он пришел ко мне и доложил:

— Товарищ капитан, младший лейтенант Медведев прибыл.

— Кто тебе присвоил это звание?

А он:

— Сколько же еще ждать? Взял кубик, прицепил да и ношу. Разве не заслужил?

Я промолчал: прав ведь этот мужественный, смелый, командир. И все-таки самоуправство. Как всегда в сложных случаях, решил посоветоваться с командиром полка.

— Как же быть, разжаловать его ведь не будем?

— Конечно не будем, — ответил Долгов.

Видимо, он перед кем-то походатайствовал, потому что вскоре поступил приказ о присвоении Медведеву звания «младший лейтенант».

Чем тяжелее приходилось нам в Сталинграде, тем более дисциплинированными становились наши бойцы и командиры. Еще раньше, в ту пору, когда мы только закреплялись на участке, Михаил Иванович Ильин как-то за обедом предложил, чтобы никто не употреблял в разговорах крепких выражений.

Предложение Ильина было принято, и надо сказать, мы действительно прекрасно обходились без них. Советский офицер в любой обстановке должен сохранять самообладание.

Но вот к нам в батальон на должность командира минометной роты прибыл старший лейтенант Григорий Федорович Карнаушенко. Недовольный тем, что из полковой батареи, где он был заместителем командира, его перевели в батальонную роту командовать «пухкалками», он, едва успев появиться в подразделении, разразился отборной руганью. Вася Иванников, совсем еще молоденький лейтенант, покраснел, как девушка. В блиндаже воцарилась напряженная тишина. Прервав поток «красноречия» Карнаушенко, я спокойно сказал ему, что, во-первых, у нас в батальоне такие бранные выражения не приняты, а во-вторых, надо не ругать, а благодарить начальников, доверивших ему роту, и что если командир умеет хорошо стрелять, то при помощи этих 82-миллиметровых «пухкалок» можно нанести противнику куда большие потери, чем полковыми минами.

Карнаушенко оторопел и не нашелся, что ответить. Впоследствии мы сумели найти с ним общий язык. Он оказался виртуозом стрельбы, отличным командиром. В общем, пришелся ко двору.

Нас дисциплинировало и то, что боевыми делами гвардейцев интересовались в тылу. Со всех концов страны мы получали теплые письма с сообщениями о трудовых подвигах советских людей. Писали нам и дети. Они просили «побыстрее побить фашистов и возвращаться домой». Мы очень дорожили этими посланиями, равно как и трогательными подарками — выражением любви и веры советского народа в свою армию. Не забывали нас и военные корреспонденты. Они приходили в батальон, писали о героях дивизии. Работники кино снимали действия наших штурмовых групп.

В документальный фильм Романа Кармена «Великая Отечественная война» включено немало кадров, снятых в Сталинграде. А молодой режиссер Владимир Шорохов разыскал в хранилище Госфильмофонда пятиметровую кинопленку, на которой запечатлен снайпер Анатолий Чехов на огневой позиции, и создал короткометражный фильм о нем — «Помнит мир спасенный».

Я видел эти кадры. В. Шорохов показал их бывшему командиру нашего полка И. А. Самчуку, ученику Чехова снайперу В. Г. Зайцеву и мне.

Бои в городе, особенно в Заводском районе, продолжались. Действия наших войск поддерживала Волжская флотилия. Нам не раз приходилось наблюдать, с какой отвагой под ураганным обстрелом врага бронекатера прорывались по реке с юга к

переправам. Совсем небольшие и с виду почти ничем не защищенные суда. Но как героически вели себя их экипажи! У неприятеля в районе Госбанка были установлены скорострельные пушки и крупнокалиберные пулеметы, простреливавшие зеркало реки. Однако экипажи наших катеров, ведя точный огонь по позициям врага, неизменно прорывались через заградительный огонь и наносили фашистам ощутимые потери.

За все время боев на участке реки, который мы наблюдали, не был потоплен, разбит или подожжен ни один из наших катеров. Когда, стреляя, они шли к берегу, то становились похожими на огненных ежей. В тяжелую пору, когда по реке пошла ледяная шуга и обычные лодки не могли преодолеть это препятствие, воины Волжской флотилии по-прежнему доставляли нам все необходимое для боя. С нетерпением ждали мы, когда же Волгу скует лед. Однако в тылу нашего полка она так и не замерзла: здесь образовалась громадная полынья.

Солдаты шутили: вот, мол, природа специально оставляет место, где можно утопить всех фашистов.

Вопреки неимоверным усилиям, противнику не удавалось добиться заметных успехов даже в Заводском районе, где он наносил главный удар и где у него было сосредоточено огромное количество живой силы и техники. На участке обороны 39-го гвардейского стрелкового полка враг не то что продвинуться, вообще ничего не мог предпринять: мы накрепко пришили его к земле. А штурмовые группы были всегда готовы к атаке.

В один из дней из штаба полка сообщили о новом награждении отличившихся воинов нашей части. Вечером все они должны прибыть в штаб дивизии.

На этот раз среди награжденных оказались и мы с Николаем Бейгулом — полковым инженером. Естественно, я обрадовался: ведь это была моя первая награда? А тут еще один сюрприз — письмо от бывшего начальника штаба батальона лейтенанта Сергея Фомича Белана, раненного еще в боях на Северном Донце и находившегося в госпитале в Средней Азии. Он писал, что услышал по радио, в передачах для фронта, адрес моей землячки, которая разыскивала меня, и сообщил мне его. Человеку всегда приятно услышать добрую весть о друге, и я не замедлил поделиться ею с товарищами.

Вечером награжденные — нас было пять или шесть человек — отправились в штаб дивизии. В пути несколько раз попадали под обстрел, а когда в конце концов добрались до места, то услышали, что ордена Красной Звезды сейчас нет. Было обидно проделать длинный и опасный путь и услышать: «Нет знаков». Я выругался вслух. Так, без адреса, в темноту. И тут же услышал:

— Кто это тут такой невыдержанный?

По голосу узнал начальника политотдела дивизии Вавилова.

Пришлось признаться:

— Виноват, товарищ полковой комиссар.

— Виноват-то виноват… А почему ругаетесь, чем недовольны?

— Да вот, направили нас в штаб для получения правительственных наград, а здесь говорят: нет знаков. Хотелось бы все же живым получить…

— Для вас есть. Вы награждены орденом Красного Знамени. Нет только Красной Звезды.

Войдя в блиндаж и пригласив нас, Вавилов вручил награды всем, кроме тех, кто удостоился Красной Звезды, тепло поздравил и пожелал новых успехов в боевых делах.

Командир полка с комиссаром подготовили нам праздничную встречу. В штольне было больше света, чем обычно, на столах — ужин. Майор Долгов приветливо предложил нам раздеться, показать кто что заслужил и садиться за стол. Все получилось очень торжественно, я бы даже сказал, трогательно.

Спустя некоторое время в части произошли некоторые изменения. В связи с упразднением института комиссаров направили куда-то на учебу Тимошенко. Из госпиталя вернулся в полк прежний наш командир Иван Аникеевич Самчук (майора Долгова назначили командиром 42-го гвардейского полка), а замполитом у нас стал майор Касатов, бывший секретарь парткомиссии дивизии. Хотя в военном отношении он был не очень подготовлен, но этот недостаток восполнялся его общей образованностью и смелостью. К солдатам Касатов относился с глубоким уважением и пользовался у них непререкаемым авторитетом.

Иван Аникеевич начал с обхода боевого порядка полка. К нам в батальон он прибыл уже с наступлением темноты и провел у нас почти всю ночь. Пошли в роты. Ветераны части с радостью приветствовали возвращение Самчука из госпиталя, а новички расспрашивали, каков он.

Самчук дотошно осмотрел все блиндажи, поговорил с пулеметчиками и автоматчиками, удостоверился, что они знают секторы обстрела. С особым пристрастием (сам он в прошлом был командиром пулеметной роты) проверил подразделение Самохина. Лично попробовал, безотказно ли действует оружие. Пулеметы работали безупречно, расчеты хорошо знали свои боевые задачи и четко отвечали командиру полка на его вопросы. Иван Аникеевич поинтересовался, всегда ли у Самохина такой порядок.

— Всегда, — ответил я.

Самчук тут же, на огневой позиции, объявил капитану Самохину благодарность.

Похвалил он и Сафронова, командира 2-й роты, за продуманную оборону. Особенностью позиции этой роты была близость к противнику. Здесь все было приспособлено к мгновенному открытию огня. В нишах лежали снаряженные ручные гранаты. В случае необходимости их можно было сразу бросать.

Иван Аникеевич Самчук был чрезвычайно требовательным в вопросах дисциплины, исполнительности, оформления документов. Он учил нас всему и всегда. Помню, меня срочно вызвали в штаб полка. Я как был, так и побежал. Поверх моей ватной стеганки не оказалось ремня.

Самчук недоуменно спросил:

— Где ремень?

— На гимнастерке.

Сделав мне замечание, он назвал это распущенностью.

— Когда идешь к старшему начальнику, должен быть всегда одет по форме.

Я чуть не сгорел от стыда. Урок этот запомнил на всю жизнь, и сам стал ревностно следить за внешним видом своих подчиненных.

Однажды вечером, когда все стихло, над рекой поплыли вихревые мелодии штраусовских вальсов.

Когда музыкальная передача окончилась, послышалась громкая немецкая речь. Это началась наша передача для немецких солдат. В ответ фашисты открыли пальбу, но не активно, без напора. Тогда с нашей стороны небо прорезали хвостатые реактивные снаряды, и в расположении фашистов загрохотали разрывы. Потом наступила тишина. А через некоторое время снова полилась мелодия вальса «Дунайские волны».

Неприятельских солдат агитировали и по-другому.

Однажды в штаб батальона пришел боец лет тридцати, полный, в мешковатой гимнастерке, и доложил, что он, рядовой Пуриц, прибыл, чтобы вести от нас передачи для солдат противника. У него был рупор и текст обращения. Признаться, мы к этому мероприятию отнеслись с недоверием. Однако, поскольку Давид Семенович Пуриц был послан старшими начальниками, его проводили в 1-ю и 3-ю роты, а оттуда — в трансформаторную будку, самую близкую к врагу точку. Пуриц начал по-немецки говорить в рупор.

Фашисты сперва молчали, а потом открыли стрельбу, на которую мы ответили, как обычно, шквалом огня. Перестрелка утихла. Пуриц опять начал свою передачу, и снова повторилось то же самое.

Однако постепенно гитлеровцы стали привыкать к нашей пропаганде и все меньше мешали передачам.

25-ю годовщину Октябрьской революции батальон встретил на прежних позициях. Мы пытались всячески активизировать свои действия, особенно после того, как наши войска 19 ноября перешли в наступление. Что оно будет, нам никто не говорил, мы лишь догадывались об этом и по сосредоточению свежих войск, и по накапливанию боеприпасов, и по усиливающимся ударам артиллерии.

И вот наступление началось. Началось как-то неожиданно, даже незаметно. Сначала мы слышали орудийные раскаты где-то справа, потом слева. Все встрепенулись, и не было предела радости людей, когда Совинформбюро сообщило, что наши войска прорвали вражескую оборону.

Мы чувствовали, что теперь и нам нужно что-то предпринимать. Людей охватил невиданный энтузиазм, прилив инициативы. Кое-кого даже приходилось сдерживать.

Штурмовые группы 3-го батальона и 2-й роты 1-го батальона предприняли атаку зданий Военторга и школы № 38 по улице Смоленской, превращенных фашистами в сильные опорные пункты с хорошо организованной системой огня. Благодаря тщательной подготовке штурмовые группы действовали четко и слаженно, и гитлеровцы были разгромлены. Оба здания перешли в наши руки. Особенно яростное сопротивление гвардейцы встретили в помещении Военторга. Неприятеля пришлось там выковыривать из каждой щели.

Дважды пытался противник отбить здание школы, но цели не достиг. Вечером при поддержке двух танков враг бросил в атаку свежие подразделения. Разгорелся неравный бой, он длился два часа. Захватчикам удалось ворваться в школу. Однако 2-я рота 1-го батальона во взаимодействии с подразделениями 3-го батальона решительным ударом уничтожила их.

В таких схватках пролетел декабрь. Наши наступавшие войска ушли далеко на запад, освобождая советские города и села, вызволяя советских людей из фашистской неволи. Наголову был разбит Манштейн. Шансов на спасение у окруженной вражеской группировки в районе Сталинграда не было.

В канун нового, 1943 года мы у себя в батальоне решили произвести огневой налет на позиции неприятеля.

В 23 часа 58 минут Тимофей Андреевич Нефедьев, Михаил Иванович Ильин и я поднялись на НП. В воздух взлетели две красные ракеты. Не успели они погаснуть, как начался огневой налет. В то время, наверное, даже самая великолепная музыка не радовала бы наш слух так, как мощный огонь всех наших средств, заставивший врагов замолчать, забиться в свои норы, дрожать в страхе.

Такая же стрельба велась и на участках других батальонов. С противоположного берега к нам подключились артиллеристы.

Новый год всем нам принес долгожданную перемену. В январе развернулись значительные события, нарушившие нашу размеренную боевую жизнь. Началось с того, что нашему батальону было приказано занять рубеж, который до этого оборонял 42-й гвардейский полк — его перебрасывали в район завода «Красный Октябрь», где создавалась ударная группировка.

Принимать оборону пошли вместе с командирами рот. И тут я увидел знаменитую мельницу с продырявленной трубой и не менее знаменитый дом Павлова. Дом как дом, таких в городе было немало, но он вошел в историю потому, что там героически сражались на протяжении всего периода сталинградских боев советские гвардейцы. Из этого здания хорошо простреливалась вся лежащая впереди местность. О доме Павлова написано очень много. Мне хочется добавить лишь несколько деталей: во-первых, там имелись постоянно действующие огневые точки и засекреченные. Последние открывали огонь только в случае крайней необходимости. Во-вторых, две или три огневые позиции пулеметов были вынесены на десять-пятнадцать метров вперед и соединялись с домом тоннелями, по которым можно было пройти согнувшись и протащить станковый пулемет. Эти вынесенные огневые точки имели хорошие секторы обстрела и прикрывали все подступы к дому.

Однако на этих позициях мы задержались недолго: полк передислоцировался в район поселка завода «Красный Октябрь» и находился теперь во втором эшелоне дивизии. В первом эшелоне воевали 42-й и 34-й полки.

За время боев на берегу Волги мы таки сбили спесь с гитлеровцев. По какому-то делу мы с Нефедьевым шли в штаб полка. На склоне Банного оврага остановили группу пленных, около сорока человек. Когда в газетах появлялись карикатуры Кукрыниксов на фашистских вояк, мы от души смеялись, но нам казалось, что художники преувеличивают. Теперь же увидели как бы ожившие карикатуры. Захваченные вражеские солдаты стояли согнувшись в жиденьких шинелишках, пилотках, поверх которых по-бабьему повязаны платки. Под носом намерзли сосульки. Ноги

обернуты в тряпье, кто в чем. В глазах ничего, кроме голода и тупой покорности. И конечно, угодливое: «Война плёхо…»

Тимофей Андреевич подошел к ним — здоровый, жизнерадостный, в новом дубленом полушубке.

— Ну что, Гитлер капут?

Пленные согласно закивали головами:

— Капут… Капут…

— Почему вы пришли на нашу землю?

— Да брось с ними политграмотой заниматься! — вмешался я.

— Погоди… Я хочу, чтобы они мне ответили. Так зачем вы сюда притопали? Что вам дал Гитлер? Это? Это? Это? — Нефедьев поочередно указывал на рваную шинель, замусоленный платок поверх пилотки, на соломенные галоши.

Видя, что русский капитан разговаривает с ними спокойно, конвоируемые осмелели, начали что-то лопотать. Кто-то даже протянул сигарету. Мне ужас как не хотелось, чтобы Тимофей Андреевич брал из их рук курево. Но он взял. Сразу же ему предложили несколько зажигалок. Нефедьев, затянувшись несколько раз, бросил сигарету и стал шарить по карманам в поисках «курительных принадлежностей».

— Пойдем, Тимофей! — Я пытался увести его, зная, что он обязательно скрутит сейчас свою цигарку-бревно.

Но раздалась команда, и пленных повели дальше.

— Ишь какие шелковые стали, — с иронией произнес Нефедьев, — после того как прошли у нас полный курс обучения…

Наконец пришел черед и 39-му гвардейскому стрелковому полку принять участие в наступательной операции. Мы выдвигались в первый эшелон. В нашем батальоне к этому времени осталось всего две роты. Из них были созданы четыре штурмовые группы. И. А. Самчук вызвал меня на свой НП. Там находился и начальник штаба 42-го гвардейского полка гвардии капитан Кузьма Алексеевич Смирнов.

Смирнов проинформировал об обстановке, показал на местности, где наши и где немцы.

Иван Аникеевич Самчук поставил задачу. Нам предстояло скрытно занять исходные позиции, атаковать неприятеля, выбить его из занимаемых им зданий и наступать левее высоты. Справа от нас должен был действовать 2-й батальон нашего полка, слева — 3-й батальон 42-го полка.

Наступление началось вечером 19 января. Наши подразделения наткнулись на противника раньше, чем это предполагалось. Фашисты стреляли из траншей, блиндажей,

построек. Прорезая темноту, ярко вспыхивали осветительные ракеты. До указанных командиром полка домов надо было пройти еще четыре улицы. Неожиданно слева, со стороны дома со скворечней, нам в спину ударил пулемет. Создалась сложная ситуация. Нас могли поддержать только орудия прямой наводки, так как в темноте, в условиях быстро менявшейся обстановки артиллерия с закрытых огневых позиций не могла поддержать нас.

В течение ночи штурмовые группы в ожесточенных схватках, порой рукопашных, очистили в границах наступления батальона три улицы. Дальнейшее продвижение прекратилось из-за сильного огня противника и потерь, которые мы понесли.

Пришлось закрепиться на улице Угольной. От окраины нас отделяли еще две улицы. Я позвонил в штаб полка и доложил обстановку Самчуку.

— А сведения о противнике неточные. Гитлеровцы здесь на каждом шагу. Даже из дома со скворечником, где должен находиться штаб соседей, стреляют в нас.

— Ладно, проверю. Продолжай выполнять задачу.

Мы разместили штаб батальона в отбитом у неприятеля блиндаже, к которому примыкал ход сообщения, установили телефонную связь с ротами. Они вели бои на прежнем рубеже. На рассвете в батальон позвонил генерал Родимцев.

— Исаков, где находишься?

— На улице Угольной, товарищ генерал.

— А люди?

— Тут же. Я от них метрах в двухстах.

— Ночью не отходил?

— Нет.

— Что за чепуха! — и он положил трубку.

Все выжидающе смотрели на меня.

— Недоразумение какое-то, — вздохнул Ильин.

— Похоже, что так. Думают, мы отошли.

Утром, примерно часов в десять, меня вызвали на наблюдательный пункт к командиру полка. Там были Родимцев, Долгов и какой-то представитель. Мне предложили показать на карте, а потом на местности, где находится самый передний солдат и где мой НП. Когда это требование было выполнено, представитель вышестоящего штаба поинтересовался, кто занимает дом со скворечником. Я ответил: «Немцы».

У комдива, видимо, были другие данные.

Мне приказали, начиная от полотна железной дороги, посчитать улицы, сличая их с планом города, и так дойти до самого переднего солдата и доложить, где он находится. Я

отправился выполнять это задание.

По пути я о чем только не передумал. Даже начал сомневаться: не допустил ли в чем ошибки.

— Ну что?! — нетерпеливо спросил Нефедьев, когда я появился на НП.

— Надевай маскхалат, боевой комиссар, пойдем считать улицы и уточнять, где застряли наши гвардейцы.

— Веселенькая работа! Этак можно угодить прямо на мушку снайперам, — проворчал Ильин.

Мы с Нефедьевым облачились в маскхалаты. Я взял с собой связного и пошел в 1-ю роту к Медведеву, а Нефедьев— во 2-ю к Сафронову.

Перебегали от дома к дому. За нашим продвижением, конечно, следили с НП полка. Огонь противника был несильный. Опасность представляли лишь одиночные выстрелы снайперов. Нам со связным удалось благополучно добраться до роты. Не успели отдышаться, как к нам подлетел Медведев.

— Здравствуйте…

— Здравствуй, Медведев. Как эта улица называется?

— А вон вывеска болтается… Угольная.

Действительно, на стенке дома, который стоял на противоположной стороне и в котором засели фашисты, висела на одном гвозде железная дощечка с наименованием улицы. Затем Медведев показал, где наши, а где враг. Я не скрыл от него, что старшие начальники сомневаются в том, тут ли немцы, и подозревают, что мы отошли.

— Пусть придут и посмотрят, могу и пленных дать, они им расскажут.

— Каких пленных?

— У меня есть.

— Где?

— Вон в том доме, вернее, в подвале.

— Много их?

— Да нет, человек двенадцать. В основном раненые. Стащили их туда еще перед рассветом.

— А почему же не доложил?

— Да тут разве до них было! Своих раненых выносили.

— Непорядок, товарищ Медведев. Забери у них документы.

— Это не трудно.

Медведев с неожиданной для его роста ловкостью выбрался из воронки и побежал к соседнему дому. Минут через десять снова появился. Тотчас застрочили автоматы гитлеровцев. Медведев упал. Убит? Нет, вскочил и бросился к нам.

— Вот берите, тут целая сумка. Плачут фрицы…

— До вечера пусть поплачут, а потом надо их отправить в санроту полка.

Больше уточнять было нечего, и мы со связным где ползком, где перебежками добрались до своего НП. Нефедьев был уже здесь и тоже подтвердил, что в доме со скворечней гитлеровцы.

Я пошел к командиру полка доложить о выполнении его приказания. Отдал изъятые у пленных документы. Самчук направил своего заместителя майора Александра Даниловича Харитонова к нам в батальон еще раз уточнить, кто находится в доме со скворечней. Поговорить с Харитоновым нам не пришлось — противник, видимо заметив наши передвижения, усилил обстрел. Мы кое-как проскочили опасный участок. Харитонов спросил, где командир минометной роты. Я позвал Карнаушенко, Тот вылез из блиндажа, вход в который был завешен плащ-палаткой, и представился майору.

— У вас дом со скворечней пристрелян?

— Пристрелян.

— Три мины!..

— Есть! — И Карнаушенко передал на огневые позиции минометов данные для стрельбы.

Послышались хлопки выстрелов. Харитонов в бинокль наблюдал за целью. Мины рвались возле дома, и было отчетливо видно, как там забегали вражеские солдаты. Когда налет закончился, Харитонов сказал мне, что у него вопросов больше нет, все ясно. И ушел. На этом инцидент был исчерпан.

Мы стали ломать голову над тем, как выбить противника из занятых им построек. Решили атаковать ночью. Подготовили огонь 50-миллиметровых минометов и минометной роты. Нам придали также несколько ранцевых огнеметов. Все продумали, организовали. Штурмовая группа находилась в каком-то разрушенном строении. По-видимому, раньше это был сарай. Один из огне-метчиков поучал и успокаивал другого, более молодого?

— Главное, не бойся… Будешь бояться, пуля обязательно найдет. Как только выскочим, шпарь из огнемета по окопам, им, гадам, не будет видно, куда стрелять. Пехота забросает их в доме гранатами, а мы — за пехотой. И смотри, сразу запас не расходуй. Они ведь снова полезут. Тогда и поддашь. Главное, не дрейфь, смотри, как я буду действовать, и ты так же…

Когда все было готово, гвардейцы поднялись. Фашисты открыли огонь. Заработали и наши пушки и минометы. Раздались взрывы гранат. Гитлеровцы начали освещать местность ракетами.

Неприятеля приходилось выковыривать из каждой щели — так не хотелось ему уходить из поселка в голую, холодную степь,

и он упорно сопротивлялся.

Нас начали преследовать несчастья. Осколком нашего же снаряда, залетевшего со стороны войск, окружавших противника, был ранен в ногу лейтенант Иванников. А спустя день или два снова произошел трагический случай. Было это так. 2-я рота овладела очередным домом. Мы с Ильиным пошли туда. Я велел Сафронову здесь не задерживаться, а продвигаться к отдельно стоявшим впереди постройкам. Почти одновременно с нами в роту к Сафронову пришли Карпенко с замполитом, просто так, из любопытства. Ильин, выйдя из дома, стал отдавать связистам какие-то распоряжения. Я отправился в роту Медведева. В этот момент с шуршанием пролетела похожая на чурку мина, раздался сильный взрыв.

Я оглянулся. Дома как не бывало. Исчезли Карпенко и его заместитель. Так нелепо погибли два офицера, прошедшие большой и трудный боевой путь. Нефедьев дал задание бойцам найти хотя бы их останки. Но отыскался лишь карман от гимнастерки Степана Карпенко с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу»…

Медведев, забыв о нашем уговоре не ругаться, костил фашистов, как только мог, и клялся отомстить за Карпенко и его замполита.

Людей в батальоне оставалось уже совсем немного.

В эти дни к нам все чаще стали залетать снаряды наступавших со стороны Дона войск. Мы получили распоряжение обозначить свой передний край. Справа перед нами была высота. Самчук передал приказание генерала Родимцева установить на ней красный флаг, чтобы соединения Донского фронта знали, где мы. На скатах высоты еще держались гитлеровцы. Несмотря на это, нам удалось водрузить флаг на самой вершине холма. Через некоторое время неприятель сорвал его. Но мы опять поставили. И на этот раз прочно.

26 января гвардейцы 34-го полка соединились с нашими войсками, наступавшими с запада. Незабываемый момент! Окруженная вражеская группировка была рассечена на две части. Все понимали, что до ее разгрома остались считанные дни. Казалось, самым лучшим выходом для оккупантов было поднять руки кверху — так нет же! — они еще на что-то надеялись, переходили в контратаки. Мы вынуждены были уничтожать их. Здесь Медведев, что называется, развернулся, сдержал клятву, данную в момент гибели Карпенко. Он устроился в саманном сарайчике на окраине поселка и без передышки бил по захватчикам из ручного пулемета. Замполит роты гвардии лейтенант Лопатко, старшина Акимов, санинструктор Клава

Ковтун и ординарец Медведева снаряжали для него магазины. Медведев уничтожил более ста неприятельских солдат и офицеров. Подступы к строению были завалены вражескими трупами. Но стряслась беда и с Медведевым. Когда он перезаряжал оружие, гитлеровцы обстреляли его. Пуля пробила навылет грудь великана. Лейтенант Лопатко сообщил мне об этом по телефону. В трубке слышались выстрелы. Это продолжал вести огонь старшина роты Акимов.

— До вечера выдержит Медведев, если перевязать?

— Нет, не протянет, тяжелый.

— Посылаю волокушу.

Два санитара из полкового взвода санитаров-носильщиков, которым командовал лейтенант Иван Моисеевич Сугак, пробивались к Медведеву. Обратно волокушу тащили уже трое — санитарам помогал старшина. Когда до НП оставалось несколько метров, Ильин крикнул, чтобы бежали быстрее, здесь пристрелялся снайпер. И чуть ли не в ту же секунду санитар Белицкий упал, а старшина Иван Игнатьевич Акимов с другим санитаром успели дотащить раненого до воронки и укрыться в ней.

— Эй, санитар, живой? — окликнули мы.

— Живой… Ранило в ноги.

— Можешь перевязаться?

— Перевязываюсь.

— Сейчас что-нибудь придумаем, чтобы тебя вытащить.

И придумали. Надели каску на палку, подняли над траншеей, немецкий снайпер стал стрелять по каске, а в это время Белицкого перетащили в траншею.

Мы подошли к волокуше, на которой лежал Медведев. Лицо у него стало землистым, он замерз, ему было плохо.

— Может, выпьешь для согрева? — предложил я ему.

Кузьмич налил ему из фляги полкружки водки, старшина приподнял Медведеву голову, и он сделал несколько глотков.

— Много наворочал, — с трудом проговорил он, — да вот, гад, подметил.

— Ничего, обойдется, — пытался я утешить его, а у самого скребло на сердце: в последние дни потеряно столько людей!

— Вы дайте Кузьмича, — попросил Медведев, — пусть поможет, а то ведь я неподъемный…

Мы простились с Медведевым, и его повезли в сан-роту. Скоро мы узнали: Медведев пережил кризисный момент и врачи говорили, что опасность миновала. Но в полк он не вернулся, и дальнейшая судьба его мне не известна.

В тот же день мы соединились с войсками Донского фронта.

Фашисты группами сдавались в плен, правда, нашей дивизии сдалось мало, всего до двух тысяч. До чего же жалкий у них был вид! Большинство прямо-таки утратило человеческий облик. Одного из пленных гвардейцы доставили к нам на НП.

— Кузьмич, дай ему хлеба, — сказал я.

— Я б ему дал! — проворчал Кузьмич, однако протянул краюху.

Пленный с жадностью схватил ее, но разломить кусок не хватило сил. Он начал обгрызать краюху. Изо рта потекла слюна.

— Отведи его в штаб полка.

Собираясь, Кузьмич ворчал:

— И чего его водить? Вон до Банного оврага — и точка.

— Доставишь в штаб и принесешь расписку. Ясно?

— Ладно, принесу.

Пленный направился к выходу из блиндажа. У двери остановился, лопатки на спине сошлись, он ссутулился, стал дергаться. Плакал.

— Ты что?

— Капут, — он указал на Кузьмича и на свой висок.

— Не будет капут, в госпиталь пойдешь (он был легко ранен осколком гранаты в спину).

31 января в центральной части города с противником было покончено. Мы получили задачу атаковать Красные Казармы, где фашисты все еще оказывали упорное сопротивление.

1 февраля после артиллерийской подготовки возобновился штурм Заводского района. 2 февраля снова на всю мощь работала наша артиллерия. Ей помогала авиация.

Потом в бой вступила пехота. Это была последняя атака на берегах волжской твердыни.

2 февраля в 14.00 поступила команда: «Прекратить огонь, приготовиться к приему пленных».

Люди вышли из укрытий и стали поздравлять друг друга с победой. Так закончилась для нас величайшая в истории войн битва.

«Сегодня, 2 февраля, — сообщило в последний час радио, — войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда…»

Мы получили приказ вернуться на свои старые позиции, которые так долго обороняли, очистить их от боеприпасов, разминировать, словом, навести порядок. В свой район 1-й батальон прибыл, не досчитавшись многих и многих солдат и офицеров. В блиндаже, где мы жили с Нефедьевым, на кровати лежал мертвый фашист. В здании тюрьмы сосредоточивали пленных и большими партиями под конвоем отправляли по Волге

на север.

При проверке окопов и блиндажей разорвавшейся гранатой был ранен в ногу Ильин. К счастью, ранение оказалось не тяжелым.

В ознаменование окончательной ликвидации немецко-фашистской группировки у волжских берегов 4 февраля 1943 года на площади Павших Борцов состоялся митинг. Воины собрались, чтобы отметить победу, почтить память погибших. Командир 13-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизии А. И. Родимцев заверил Военный совет фронта, Коммунистическую партию в том, что гвардейцы будут стойко сражаться и впредь, до полной победы над врагом.

9 февраля 13-я гвардейская ордена Ленина стрелковая дивизия переправилась по льду через Волгу на противоположный берег и расположилась в Красной Слободе.

После всего пережитого казалось прямо-таки невероятным, что здесь еще сохранились в целости дома и что в них живут не солдаты, а женщины, дети и старики. Легко представить себе, сколько невзгод свалилось на их плечи, сколько выстрадали они за долгие месяцы боев за город. Ведь они наравне с солдатами подвергались и бомбежкам и артиллерийскому обстрелу.

Как ни странно, меня прежде всего потянуло взглянуть на лошадей батальона: сказывалась то ли крестьянская натура, то ли невольное уважение к этим бессловесным труженикам войны, которые спасли жизнь многим нашим людям во время отхода от Харькова.

Спросил у командира хозяйственного взвода старшины Якова Васильевича Добрычева, как кони, где они. Он заулыбался.

— Можете не беспокоиться, все целы, упитанные, а свою Малышку и не узнаете, на ней впору на скачках выступать и призы брать.

— Вот как?!

Я удивился. Во время боев в городе мы слышали, что с кормом плохо и скот падает.

Пришли в сарай, приспособленный под конюшню. В нос ударил запах не то хлеба, не то кислого теста. Лошади действительно стояли сытые, шерсть на них блестела.

— Чем кормили?

Добрычев ответил:

— Пшеницей.

— Где брали?

— На барже.

Оказывается, еще осенью Добрычев и сержант Гаркавенко

решили разузнать, что находится в барже, которая затонула примерно на середине Волги, недалеко от острова Голодного. Нашли лодку, и ночью несколько смельчаков из хозяйственного взвода отправились к затонувшему транспорту, который чуть-чуть виднелся над водой. В нем обнаружили пшеницу. И вот, на протяжении всего этого времени солдаты, рискуя жизнью (этот участок Волги простреливался противником), добывали корм для лошадей.

Я спросил у Добрычева и Гаркавенко, почему они не сказали другим, что там есть пшеница.

— Если бы все узнали, то ночами тоже начали бы туда плавать, а фрицы засекли бы, и тогда уж никто не попользовался бы зерном.

Я не знал, ругать их за это или нет, и не стал затевать разговор.

Начали подводить итоги боев. Александр Ильич Родимцев собрал ветеранов дивизии, командиров частей и подразделений. Командир полка Иван Аникеевич Самчук прочитал вслух описание боевых действий дивизии, начиная со сражений под Киевом. Комбаты и командиры подразделений доложили, что было сделано их подчиненными для победы. Тут же уточняли отдельные моменты, называли имена отличившихся и так постепенно дошли до конца битвы в Сталинграде. Не обошлось и без курьезов.

— Если принять за основу донесение командира противотанковой батареи старшего лейтенанта Кузьмина, — заметил Родимцев, — то он своими четырьмя 45-миллиметровыми пушками уничтожил чуть ли не всех гитлеровцев.

Мы засмеялись, а Кузьмин смутился и почесал затылок, видно было, что он явно «перегнул».

Мы рассчитывали, что эта коллективная летопись боевых дел одной из лучших дивизий будет храниться в каком-нибудь архиве. Но след ее затерялся. Где она находится и уцелела ли вообще, ни мне, ни моим однополчанам не известно.

В частях и подразделениях проводились политические занятия, партийные и комсомольские собрания, на которых обобщался и пропагандировался опыт партийно-политической работы во время боев.

А по вечерам силами самодеятельности давались концерты. Возможно, сегодня такие концерты вызвали бы кое у кого улыбку, но нам, изголодавшимся по песне, музыке, выступления наших солдат и офицеров казались верхом совершенства.

Виртуозной игрой славился повар хозяйственного взвода Гусев. Он появлялся на «сцене» в атласной рубашке и шароварах с трофейным отливавшим перламутром аккордеоном, который под его быстрыми пальцами «пел» и задорные саратовские частушки, и задушевные лирические народные песни. Провожали его обычно бурей аплодисментов. Не меньшим успехом пользовался великолепный имитатор Емелин, боец из роты старшего лейтенанта Карпенко (хотя Карпенко и погиб, роту продолжали называть его именем), выступавший с номером «Утро на колхозном дворе». Мы слышали, как хлопал крыльями и кукарекал петух, как мычала корова и лаяла собака, как хрюкала свинья и крякали утки… Емелин уходил, издавая соловьиные трели. Среди бойцов были представители всех жанров искусства. Благодарные зрители горячо принимали каждый номер, долго не отпускали артистов.

15 февраля состоялся дивизионный партийный актив. На нем отмечалось, что парторганизации соединения справились с задачами, которые перед ними стояли, обеспечили авангардную роль коммунистов в тяжелой борьбе с отборными гитлеровскими войсками и сумели мобилизовать личный состав на достижение успеха.

Партийный актив поднял вопрос об увековечении памяти героев великой битвы на Волге. Командование дивизии направило в Сталинградский горсовет ходатайство, в котором содержалась и просьба о переименовании Нижегородской улицы в

улицу имени политрука Тимофеева, а Промышленной — в улицу старшего лейтенанта Карпенко.

В канун 25-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота мы начали деятельно готовиться к параду. Приводили в порядок обмундирование и снаряжение. Людей в батальонах осталось мало, поэтому в полку было всего три колонны. Первую, вооруженную только автоматами, возглавлял командир 3-го батальона Петр Мощенко, вторую, вооруженную винтовками, было приказано возглавлять мне, а третью — командиру 2-го батальона Матвею Кирину.

К тому времени нашу дивизию передали в состав 66-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Алексей Семенович Жадов, и мы знали, что парад будет принимать он. Мы очень дорожили авторитетом своего соединения, не хотели ударить лицом в грязь, и каждая колонна до седьмого пота отрабатывала четкий церемониальный шаг, добивалась идеального равнения.

23 февраля 1943 года части 13-й гвардейской стрелковой дивизии выстроились на площади. Командующий парадом подал команду:

— Парад, смирно!

Прозвучал рапорт, затем начался торжественный марш.

А. С. Жадову понравилось, как мы прошли. Он сказал, что с удовольствием принимает в состав своей армии такую прославленную дивизию.

А вскоре были вручены ордена и медали воинам, отличившимся в. последних боях.

В Международный женский день — 8 марта — на торжественном собрании выступила с докладом старший лейтенант Анна Яковлевна Рабинович. Зимой 1942 года она приезжала к нам в дивизию в составе делегации трудящихся Сызранской области, а в мае того же года прибыла снова, чтобы остаться в дивизии. Ее зачислили в штат политотдела. Вместе с нами Анна Яковлевна, учительница одной из московских школ, прошла путь от Харькова до Сталинграда. Она говорила о женщинах-труженицах и женщинах-воинах, которые плечом к плечу с мужчинами добывали победу. Женщинам, отличившимся в боях, были вручены правительственные награды, а затем перед героинями выступили артисты, приехавшие из Казахстана.

Наконец настал день, когда соединение покинуло сталинградскую землю. Последний раз бросили мы взгляд на стены вдоль набережной, где огромными буквами были выведены слова: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Роднмцева». И каждый из нас, кто вслух, кто мысленно, не без грусти произнес: «До свиданья, Сталинград»…

Ястребовка — Средне-Дорожное Курской области. Сюда перебросили наш полк. Здесь получили мы пополнение и вооружение — все, что полагалось по штатному расписанию.

В 1-й батальон тоже прибыли новые люди. В основном это были новобранцы из Чувашии. Все, словно на подбор, невысокого роста. Они даже в солдатской форме выглядели скорее школьниками, нежели бойцами. Не скрою, в сердце закралось сомнение: как же воевать с такими птенцами? Но «птенцы» оказались орлятами, и в боях на Курской дуге молодые посланцы чувашского народа покрыли себя неувядаемой славой.

Тех, кто свободно владел русским языком, направили во взвод связи. Затем командиры минометной и пулеметной рот старший лейтенант Карнаушенко и старший лейтенант Попов подобрали для своих подразделений наиболее крепких ребят. После того как укомплектовали взвод ПТР, всех остальных поделили между тремя стрелковыми ротами.

Полковник И. А. Самчук получил новое назначение. Вместо него полком стал командовать подполковник Андрей Константинович Щур. До назначения в полк он был комиссаром штаба дивизии, и мы хорошо его знали. Сухощавый, подвижной, с такими черными глазами, что солдаты говорили: «Жук да и только». Весельчак и балагур, Андрей Константинович был начинен прибаутками, поговорками и вполне мог бы состязаться в находчивости и остроумии с самим Ходжой Насреддином. Эти качества характера помогали ему быстро находить общий язык с людьми, его беседы и доклады с великим удовольствием слушали все. Щур хорошо знал солдатскую душу. На привалах непременно расспрашивал гвардейцев, не утомились ли они, что пишут из дома, советовал, как лучше готовиться к бою, а заканчивал обычно шуткой:

— На привале, друзья, главное — такой борщ, чтобы в нем ложка торчала, а потом уровень тридцать ноль-ноль, пузырек выгоняй на середину, и — храпака минут сто двадцать.

Раздавался взрыв смеха, Щур уезжал, а солдаты долго еще хохотали и разыгрывали тех, кто не понял, что значит уровень тридцать ноль-ноль.

— Кузьмич, а где у тебя середина, куда будешь выгонять пузырек?

— Мабуть тут, дэ на пузи пуп, — незлобиво отвечал Богуславский.

Щур вызвал к себе командиров батальонов из специальных подразделений. Перед началом совещания все вместе сфотографировались. Затем Андрей Константинович поставил

перед нами задачу немедленно приступить к боевой подготовке.

Вернувшись к себе, мы сразу же организовали занятия. Одновременно занимались оборудованием рубежа обороны. От переднего края нас отделяло более ста километров.

В это время 66-я армия была преобразована в 5-ю гвардейскую. 13-ю гвардейскую дивизию принял под свое командование генерал Г. В. Бакланов, и она вошла в 32-й гвардейский стрелковый корпус, которым командовал генерал-майор А. И. Родимцев. Начальником штаба у него стал полковник И. А. Самчук.

Наше знакомство с новым командиром дивизии произошло при следующих обстоятельствах. Когда батальон находился на оборонительных работах, внезапно объявили тревогу. Собрав и построив подразделения, я доложил об этом прибывшему к нам генералу Бакланову. Он поздоровался с личным составом, прошел вдоль шеренг. Возле некоторых бойцов останавливался, беседовал с ними. Взглянув на меня, заметил:

— Не все солдаты подтянуты. Долго собирались по тревоге.

Но в заключение сказал, что рад командовать такой дивизией и уверен: в предстоящих боях мы умножим добрую славу гвардейцев.

Я понял, что мы предстали перед новым командиром соединения далеко не в лучшем виде, и это вызвало у меня досаду на самого себя.

Генерал Бакланов, молодой, высокий, атлетически сложенный, с прямым, открытым, немного жестким взглядом, произвел на всех очень хорошее впечатление, и в дальнейшем оно закрепилось. Нам импонировали его самообладание и храбрость, умение внимательно выслушать командира, если надо, оказать оперативную помощь, наконец, то, что он всегда находился там, где складывалась наиболее сложная обстановка.

В те дни часто проводились занятия по тактике. Бойцов учили тому, что необходимо в бою. Да это и естественно: почти все командиры имели за плечами богатый боевой опыт. Но и они учились. Много внимания офицерам уделял штаб полка во главе с подполковником Александром Михайловичем Самагиным. У нас часто бывал представитель штаба полка капитан Андрей Спиридонович Мороз. Он оказывал нам содействие в планировании боевой подготовки, в проведении тренировок и показных учений.

В батальоне заметно активизировалась и партийно-политическая работа. Душой ее, как всегда, был Тимофей Андреевич Нефедьев. В комсомольских и партийных организациях подразделений по его инициативе усиленно

пропагандировались боевые традиции полка. Бывалые воины рассказывали молодежи о героях-гвардейцах, их подвигах, делились с новобранцами своим опытом. Энергия партийных и комсомольских активистов всецело была направлена на то, чтобы подготовить солдат к наступлению.

Однажды утром мы услышали разрывы мин. Стреляли в роще, неподалеку от села. Там стояла минометная рота старшего лейтенанта Карнаушенко. Я начал звонить, выяснять, в чем дело. Оказывается, Карнаушенко обнаружил и подобрал брошенные немецкие мины, а так как их набралось порядочно, решил попробовать, можно ли стрелять ими из наших минометов. Пришли к заключению, что можно.

У нас возникла мысль: а не провести ли нам тактические занятия с боевой стрельбой… Поехали с Ильиным на поиски подходящего места. Нашли большое поле. Хотя впереди на довольно значительном расстоянии населенных пунктов не было, все же послали оповестить о предстоящих учениях жителей, чтобы не беспокоились, заслышав стрельбу.

Замысел был прост: батальон совершает марш; ракетой имитируется огонь противника; батальон разворачивается в линию ротных и взводных колонн, затем в цепи; пока идет расчленение, командиры рот получают задачу и после огневого налета переходят в атаку, стреляя боевыми патронами. Огонь артиллерии обозначала наша минометная рота, но так как мы все же опасались за качество немецких мин, то поставили минометы в стороне, чтобы мины не летели через голову наступавших.

Командиры рот — старший лейтенант Мирошниченко, старший лейтенант Сафронов и старший лейтенант Иванников (бывший адъютант батальона) приготовили мишени: тут были и куски фанеры, и доски, и листы железа, и остатки немецкого планера, который стоял близ села Шаховая со времени ликвидации окруженной касторненской группировки.

И вот занятия начались. Сперва без стрельбы. Потом подразделения открыли огонь. Не метали только ручные гранаты. По нашему мнению, все шло хорошо, но неожиданно на лошади прискакал командир полка подполковник Щур.

— Что у тебя тут за война?

— Проводим занятия.

— Какие?

— С боевой стрельбой.

— А ты вперед батьки в пекло не лезь! Предстоят показные занятия, и вы, комбаты, будете на них. А потом штаб полка подготовит такие же с каждым батальоном. Вам придадут

артиллерийские дивизионы и другие средства усиления. А ты бубух, як Мартын с конопель!..

Спустя некоторое время мы, три комбата, вместе с командиром полка поехали в 34-й гвардейский стрелковый полк, где командир корпуса генерал-майор А. И. Родимцев проводил показное занятие на тему «Усиленный стрелковый батальон в наступлении на подготовленную оборону противника».

Батальон был усилен артиллерией и танками. Бой поддерживала штурмовая авиация.

На это занятие собрали командиров полков, батальонов, дивизионов и работников штабов. Сначала нас ознакомили с темой, рассказали, кто наступает, кто поддерживает. Потом стали ждать приезда командующего Степным фронтом генерал-полковника М. А. Рейтера. Очевидно, что-то задержало его, и мы услышали команду начинать учения. Как раз в этот момент прибыл генерал-полковник Рейтер.

— Кто дал команду начать учения?

— Я, — ответил Родимцев.

— Какое имеете право, когда я здесь? Прекратить!

Весь офицерский состав был построен в две шеренги.

Началось представление должностных лиц командующему.

Рейтер шел вдоль строя. Я стоял между командирами полков, Щуром и Колесником, позади Щура — майор Кирин, а за мной — майор Мощенко.

Генерал-полковник подошел к нам. Мы стали по очереди представляться. Все шло как будто бы хорошо, как вдруг взгляд генерал-полковника остановился на командире 3-го батальона.

— Раненько вас вытащили в майоры, — заметил генерал Рейтер в адрес Мощенко.

На помощь растерявшемуся комбату пришел А. И. Родимцев. Он объяснил командующему, что Мощенко с первых дней воюет в дивизии и, хотя еще очень молод, один из опытнейших командиров. Рейтер двинулся дальше. У Рейтера были умные, как бы насквозь видящие тебя глаза, и хотя он ошарашил нас резкостью тона, весь его облик — подтянутость и выправка старого кадрового военного — невольно вызывали симпатию к нему.

Наконец учение началось. Заработала артиллерия и минометы, появились штурмовики и принялись бомбить и обстреливать «противника», затем двинулись в атаку танки и пехота. Занятие было организовано хорошо, и, конечно, наше, батальонное, не могло идти с ним ни в какое сравнение.

Командующий фронтом стоял и внимательно наблюдал за действиями батальона. Вдруг он подозвал к себе солдата,

который с ручным пулеметом делал перебежку неподалеку от нас.

— Вы пулеметчик?

— Та не, товарищ генерал, — на смешанном русско-украинском наречии ответил тот, — я сапер, та мэни недавно дали пулемет…

Обращаясь к офицерам, генерал Рейтер спросил, кто покажет, как правильно делать перебежку с пулеметом. Наступило неловкое молчание. Потом кто-то робко предложил: пусть, мол, покажет командир батальона.

— Почему командир батальона? Где командир полка?

Командир 34-го гвардейского стрелкового полка подполковник Панихин вышел из строя.

— Покажите, как надо правильно перебегать с ручным пулеметом! — обратился к нему Рейтер.

— Есть!

Подполковник Панихин, подвижной, хорошо тренированный человек, видимо в прошлом спортсмен, взяв пулемет, сделал две или три стремительные перебежки. Потом встал, подошел к командующему и застыл по команде «Смирно».

— Неправильно! Смотрите, как нужно. Дайте пулемет!

Панихин передал генералу Рейтеру оружие, и тот начал делать перебежки. Я смотрел на него во все глаза. Пожилой, довольно полный генерал быстро перебегал, молниеносно ложился за пулемет, и не просто лишь бы лечь, а так, чтобы было удобно вести огонь.

— Вот как надо!

Рейтер отдал пулемет солдату и велел ему догнать свою роту.

«Вот это командир! — подумал я. — Очень наглядно преподал нам азбуку: если командир все умеет, то научит и солдат».

После этого мы наблюдали атаку рот. И опять командующий учинил нам проверку. Он водил нас на огневую точку до тех пор, пока атака не получилась стремительной, дружной и «ура» громким.

Сделав частный разбор этого тактического элемента, Рейтер спросил, каким способам переползания мы обучаем подчиненных. Подполковник Панихин ответил, что обучаем по уставу — по-пластунски и на получетвереньках…

— А так ли? Кто скажет, какие еще способы есть?

Стоим, поглядывая друг на друга, никто не решается подать голос, потому что генерал наверняка заставит показывать. Я почти шепнул Петру Мощенко, что можно еще на локтях. Это если по снегу или песку…

— Кто сказал на локтях? — мгновенно обернулся в нашу

сторону командующий.

Сердце у меня екнуло, но ничего не оставалось, как сделать шаг вперед.

— Покажите!

Я взял винтовку, изготовился к бою и начал переползать, а у самого аж в горле пересохло — не от того, что трудно ползти, а от мысли, что сейчас скажет: «Неправильно, не умеете…»

— Стой!

Я поднялся, повернулся кругом. Рейтер молча взглянул на меня, взял винтовку и сам показал все способы переползания.

Это был еще один предметный урок старшего командира.

Не знаю, возможно, другие в тот момент не разделяли моих чувств, но я проникся глубоким уважением к генералу Рейтеру. Требуя от нас четкости в выполнении тех или иных приемов, он как бы втолковывал нам, что научить своих солдат меткому огню, а также правильно выбирать способы передвижения на поле боя — значит намного уменьшить потери в предстоящих сражениях. От его опытного глаза ничто не ускользнуло, а действия штурмовиков вызвали неподдельное восхищение. Генерал снял фуражку и, запрокинув голову, помахал ею летчикам: мол, спасибо вам!

После окончания учения был проведен строевой смотр батальона и действовавших с ним средств усиления, завершившийся торжественным маршем. Подразделения прошли, а генерал Рейтер продолжал еще куда-то смотреть. Я тоже взглянул в ту сторону и увидел солдата, который почему-то топтался на одном месте. Потом он все же решил догнать батальон. Когда боец поравнялся с нами, Рейтер подозвал его и спросил, почему он отстал от своей роты. Стрелок ответил, что натер ногу.

— Значит, неправильно намотал портянки. Ноги солдату надо беречь пуще головы, — заметил командующий, беря у него винтовку.

Но он не наказал солдата. Примкнул штык. Потом взял оружие за шейку приклада вытянутой левой рукой и начал поднимать ее вверх, опускать на уровень плеча, отводить вправо, влево, вниз, вверх… Повернув к себе винтовку магазином, бросил ее полковнику Вавилову:

— Держите!

Тот на лету поймал оружие и приставил к ноге.

— Проделайте то же, что и я, — предложил ему генерал.

Полковник Вавилов был сильным человеком и выполнил те же приемы. Винтовка пошла по шеренге справа налево. Не всем такое упражнение оказалось под силу.

Затем состоялся разбор учения. Рейтер отметил положительные его стороны, указал на недостатки.

В заключение сказал:

— Вы не тренируетесь с оружием, у вас нет твердости в руках.

Рейтер приказал командиру дивизии установить во всех подразделениях и частях зарядку с винтовками в течение десяти — пятнадцати минут ежедневно.

Еще одно показное занятие на тему «Наступление усиленного стрелкового батальона за огневым валом» провел командующий 5-й гвардейской армией генерал-лейтенант Жадов. На нем присутствовали все командиры 13-й гвардейской дивизии.

Несколько позже прошли также учения с участием войск всего корпуса, а в полку — с каждым батальоном отдельно.

В общем, к новым сражениям гвардейцы готовились основательно.

5 июля 1943 года фашисты начали наступление с севера и юга на Курск. В вечерней сводке Совинформбюро сообщалось: «С утра 5 июля наши войска на орловско-курском и белгородском направлениях вели упорные бои с перешедшими в наступление крупными силами пехоты и танков противника, поддержанными большим количеством авиации. Все атаки противника отбиты с большими для него потерями и лишь в отдельных местах небольшим отрядам немцев удалось незначительно вклиниться в нашу оборону… За день боев подбито и уничтожено 586 немецких танков, в воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 203 самолета противника. Бои продолжаются».

Враг вклинился в нашу оборону на несколько километров. Мы ждали сигнала к выступлению. Председатель сельсовета, который жил с семьей в Средне-Дорожном, с беспокойством спрашивал меня:

— Неужто снова эвакуироваться?

— Судя по всему, на этот раз уезжать не придется, — отвечал я. — Трехсуточные бои успеха фашистам не принесли.

Как ни ждал, а весть о боевой тревоге застала меня врасплох. Поздним вечером возвращался я из батальона, вдруг кто-то меня окликнул. Обернувшись, увидел начальника штаба старшего лейтенанта Михаила Ивановича Сапронова. Он-то и сообщил мне, что объявлена боевая тревога.

— Только что передал команду в роты, — сказал Сапронов. — Батальону выступать и двигаться в Ястребовку.

— А почему ты босиком? — изумился я.

— Вымыл свои брезентовые сапоги, они еще не просохли, а

мокрые на ноги не лезут. Надену другие.

— Ладно, иди строй людей, а я захвачу бинокль, планшетку и тотчас прискачу…

Вместе с остальными подразделениями полка наш батальон форсированным маршем двинулся навстречу врагу. За двое суток мы преодолели около ста сорока километров.

Неподалеку от меловых гор, в районе Прохоровки — здесь по непролазной грязи мы отходили в 1941 году, — уже ощущалась близость фронта. В воздухе было много наших самолетов, особенно штурмовиков. То и дело завязывались бои между истребителями. Гитлеровцы уже не имели преимущества, и это радовало. Вот пролетело двенадцать советских штурмовиков. На пересекающем курсе показалось около восемнадцати Ю-87. Штурмовики атаковали их. «Юнкерсы» беспорядочно сбросили бомбы и пустились наутек. Но не всем удалось уйти: один за другим задымили и грохнулись где-то вдалеке два неприятельских самолета. А «мессеры» не могли их прикрыть, так как им самим было жарко от «яков» и «лавочкиных». «Ага, не нравится! — ликовали мы. — Теперь вам уже не до пехоты… Это вам не сорок первый и не сорок второй год…»

Наш полк, да, наверное, и всю дивизию, с ходу в бой не бросили, и мы заняли выгодный рубеж где-то между Прохоровкой и Кочетковкой. Отсюда, словно с наблюдательного пункта, нам хорошо было видно поле боя. Настроение у всех приподнятое. Мы видели, как много танков участвовало в сражении и сколько их еще стояло в тылу, под копнами хлеба. Когда полк, выдвигаясь на указанный рубеж, проходил мимо новеньких тридцатьчетверок, солдаты читали на башнях надписи: «Колхозник Татарии», «За нашу Советскую Родину!», «Вперед, на запад!», «Смерть оккупантам!» и другие.

Враг не имел успеха, не продвигался. Ему уже нечем наращивать силы. А у нас свежая стрелковая дивизия, танки, противотанковые орудия. А с воздуха надежно прикрывает авиация.

На этом рубеже мы пробыли примерно сутки. Присмотрелись, изучили обстановку. Меня ни на минуту не покидало чувство уверенности, что сражение нами будет выиграно.

Командир полка подполковник А. К. Щур вызвал к себе комбатов и, проведя рекогносцировку, поставил задачу: овладеть высотой 235.9. Исходные позиции заняли ночью. 1-й и 3-й батальоны в первом эшелоне, 2-й во втором эшелоне. Утром после короткой артиллерийской и авиационной подготовки перешли в атаку. Фашисты подпустили нас на близкое расстояние, затем обрушили шквал огня из всех видов оружия.

Мы залегли. Показались «тигры». Они на ходу вели огонь из пушек и скорострельных малокалиберных зенитных установок. Кругом кромешный ад. Мы, однако, не растерялись. В то время как артиллеристы разделывались с танками, мы отсекали от них пехоту, прижимали ее к земле. Прорвавшихся «тигров» и «фердинандов» поджидали бронебойщики и били по ним в упор. Оказалось, что и эти чудовища уязвимы! Хотя на 3-й батальон навалилось до тридцати танков, а на 1-й — более десятка, никто не дрогнул.

Щур перед боем говорил мне:

— На тебя будет работать целый минометный полк.

Минометчики действительно поработали на славу: фашисты не выдержали и откатились.

Кто поджег вражеские танки, установить почти невозможно. Огонь на них обрушивался со всех сторон.

Мы поднялись в атаку. Продвигались медленно, преодолевая ожесточенное сопротивление. Каждый шаг стоил неимоверных усилий, но это был шаг вперед. Противник, видимо, еще надеялся, что возьмет Курск, и потому снова и снова переходил в контратаки. Как нам ни приходилось трудно, 1-й и 3-й батальоны успешно отбили четыре атаки. Связь работала хорошо.

— Петя, как дела? — позвонил я соседу.

— Жарко, но живем, — отвечал Мощенко. — А у тебя как?

— Ненамного легче.

А Щур в свою очередь подбадривал:

— Дерзайте, друзья. Скоро помогу.

Вот гитлеровцы опять устремились в контратаку…

У командира батальона во время боя свободной минуты нет. Он весь — внимание, наблюдает и за своими подразделениями, и за противником. Каждая минута может принести любую неожиданность. И надо мгновенно среагировать, своевременно поставить новую задачу минометчикам или артиллеристам, подсказать ротному, откуда ему грозит наибольшая опасность, поддерживать связь с соседними батальонами и знать обстановку перед их фронтом; докладывать командиру полка о ходе боя; заботиться о том, чтобы подразделения были обеспечены боеприпасами, а всем раненым оказана помощь…

Все это, вместе взятое, и называется управление боем. В батальоне оно осуществляется комбатом с наблюдательного пункта, поэтому НП выбирается с таким расчетом, чтобы с него просматривалось все пространство перед фронтом батальона, а еще лучше, если и перед соседями. НП — это как бы глаза и мозг батальона. Здесь сосредоточены и радиостанция для связи с командиром полка, и телефонный узел для связи с ротами и

штабом полка. Тут же обычно находятся командиры приданных и поддерживающих средств со своей связью.

Таким образом, даже на сравнительно небольшом батальонном пункте управления людей набирается порядочно, и чтобы противник не обнаружил НП, его надо хорошо маскировать.

Враг не очень беспокоил нас с воздуха. В июльском небе тоже шел жаркий бой, только теперь вниз чаще летели «мессеры» и другие неприятельские самолеты. Хватало у нас и истребителей, чтобы гонять вражеские бомбардировщики, которые уже не отваживались снижаться, а бросали бомбы с большой высоты. А наши штурмовики на бреющем полете жгли реактивными снарядами и противотанковыми бомбами хваленые «тигры» и «пантеры».

Мы отбили пятую атаку гитлеровцев. Затем после мощного артиллерийского налета по противнику командир полка ввел в бой 2-й батальон — и высота 235.9 была взята.

Фашисты предприняли попытку отбить ее. Нам удалось отсечь неприятельскую пехоту от танков. Минометчики Карнаушенко нанесли большие потери противнику. Бронебойщики, подпустив вражеские танки на близкую дистанцию, стали бить их, а когда несколько «тигров» вклинились в боевые порядки наших рот, в ход пошли противотанковые гранаты. Было подожжено пять машин. Остальные отошли назад. Так была отражена последняя в тот день атака.

С наступлением сумерек в небе появились «хейнкели», тотчас заговорила наша зенитная артиллерия и к самолетам потянулись разноцветные трассы малокалиберных зенитных снарядов. У одного из «хейнкелей» под брюхом блеснул огонек. Машина окуталась дымом и отвалила в сторону. Правое крыло ее внезапно отделилось от фюзеляжа, и «хейнкель» начал беспорядочно кувыркаться. Такая же участь постигла еще один вражеский бомбардировщик. В воздухе появились парашюты гитлеровских летчиков.

Нефедьев выскочил из окопа и закричал:

— А, сволочь, не нравится?!

Ильин дернул его за ногу, и он свалился в окоп.

— Хорошо, комиссар, когда фашисты падают на землю, но и радоваться надо умеючи. Что даром лоб под пули подставлять?

Ильин сделал внушение Нефедьеву, смущаясь, но довольно твердо: он еще никак не мог привыкнуть к тому, что теперь они с Нефедьевым на одинаковых правах. Ильин, ныне старший лейтенант, был моим заместителем.

С наступлением темноты бой затих. И, как всегда в час

передышки, у нас возникла куча дел. Нужно было вынести раненых, похоронить убитых, накормить и напоить живых, пополнить боеприпасы, организовать разведку и наблюдение…

Отправились в роты. Несмотря на ожесточенный бой, потери у нас оказались не очень велики, и командный состав, в основном, сохранился. Только сейчас почувствовали, что зверски голодны. Решили «заправиться». Пришел капитан Ульян Авраамович Сокур, командир 120-миллиметровой минометной батареи, и сообщил, что останется со мной на НП и его минометы и в дальнейшем будут действовать вместе с нашим батальоном. Огневые позиции минометчиков находились чуть сзади, в балке.

Заглянула к нам и Антонина Гладкая, теперь уже командир минометного расчета. Она не забывала свой батальон, в котором провоевала целый год. Мы обрадовались ей, словно родной, и я в шутку спросил, не нашелся ли какой-нибудь гвардеец, который завоевал ее сердце, ну и что-то еще в этом роде. А она серьезно ответила:

— Вы смеетесь, а я не знаю, что мне делать. Михаил Сазонов за мной ухаживает и говорит: «Давай напишем рапорт командиру полка и поженимся».

Я хорошо знал командира разведроты Михаила Александровича Сазонова, пограничника в прошлом, смелого, красивого парня, и в душе порадовался за Антонину. Но ведь война… И вместо прямого ответа, которого, видимо, ждала девушка, спросил:

— Ну, а ты как смотришь?

— А что смотреть? Я и сама не знаю, по-настоящему люблю его или нет… — И глубоко вздохнула: — Но он мне очень нравится!

— А он что говорит?

— Говорит, без меня не может.

— Ну, если не может, так подождет. Дальше виднее будет, живы останетесь — поженитесь.

Антонина молча кивнула головой, а я, чтобы отвлечь ее, спросил, не тяжело ли ей в минометной батарее, и в который раз с болью подумал о том, что поле боя не лучшее место для девчат.

— Легче, чем в артиллерийской батарее, — ответила она, — и вообще батарея уважает меня, все стараются помочь.

Утром 13 июля немцы опять пошли в атаку. Ожесточенные бои продолжались еще семь суток, вплоть до 20 июля, после чего 13-я гвардейская стрелковая дивизия была выведена во второй эшелон корпуса.

Мы подводили итоги боев, анализировали свои недостатки, оценивали моральное состояние противника. Характерно, что

теперь немцы уже не хоронили так тщательно убитых, в воздухе стоял трупный запах.

В конце месяца в полк прибыл командир дивизии генерал Бакланов и провел с нами на картах занятия по тактике.

Бакланов, как всегда, был подтянут, безукоризненно побрит и подстрижен. Тщательно отутюженная генеральская форма отлично сидела на его ладной фигуре. И то, что даже в разгар тяжелых боев командир дивизии не изменял своим привычкам, заставляло подтягиваться и нас. Разговаривал он негромко, твердые интонации его голоса внушали уверенность: все, что приказывает генерал, выполнимо.

Занятия начались с того, что Бакланов спросил, знаем ли мы, как организована система огня у противника, где его огневые точки, каково начертание его траншей и какие заграждения есть перед его передним краем.

Мне показалось странным, что он спрашивал нас об этом. Ведь мы находились во втором эшелоне и непосредственно с противником не соприкасались. Заметив наше плохо скрываемое недоумение и, видимо, не удовлетворившись нашими расплывчатыми ответами, Бакланов сказал Щуру, что командиры батальонов обязаны хорошо знать обстановку перед фронтом действующего полка. Затем Бакланов провел с нами занятия на картах. Он поставил перед 39-м гвардейским стрелковым полком задачу на наступление. После того как мы нанесли обстановку на свои карты, Бакланов потребовал от командира части доложить свое решение.

Замысел Андрея Константиновича Щура сводился к тому, что боевой порядок полка строился в два эшелона: в первом должны были наступать 2-й и 3-й батальоны, а во втором— 1-й батальон. Вероятно, у меня на лице отразилось недовольство, потому что Щур спросил:

— Ты чего морщишься?

— Почему мы во втором эшелоне?

— Как самые лучшие, — и с обычной своей хитрецой ухмыльнулся.

— А я думал, что лучшие наступают в первом эшелоне.

— Командир, который имеет хороший резерв, непобедим. Дошло? И потом, это же только занятие…

Но какое-то чувство подсказывало, что это не простое занятие, и, видимо, все так уже и решено старшими начальниками.

Мы нанесли на карты разграничительные линии между батальонами, и теперь настала очередь каждому из нас выкладывать свои соображения командиру дивизии.

Кирин, Мощенко и я доложили, как должен, по мнению каждого, действовать правофланговый и левофланговый батальоны и батальон второго эшелона.

После этого генерал Бакланов начал давать вводные, и каждый раз нам приходилось принимать решения, ставить задачи ротам и средствам усиления, в зависимости от сложившейся ситуации. Так мы «пронаступали» на картах километров двадцать пять — тридцать. И право же, это были нелегкие километры.

В заключение Бакланов сказал, что скоро мы будем действовать в тех самых границах, в которых «наступали» сегодня. Нам предстояло скрытно выдвинуться в те подразделения, которые сейчас ведут бой в первом эшелоне, и досконально изучить противника.

Комдив потребовал от нас строгого соблюдения маскировки.

— Никто, кроме комбатов, — предупредил он на прощание, — не должен знать об этой задаче.

Мы принялись собирать данные о неприятеле, установили наблюдение за его передним краем, лично целыми днями простаивали у перископов. Все замеченное наносили на карту, запоминали.

В ночь на 3 августа мы заняли исходные позиции для наступления, сменив подразделения воевавшей здесь дивизии. Нам дали план артиллерийской подготовки атаки: в 6.00 начало первого огневого налета. С 7.30 до 8.00 в артподготовку включаются гвардейские минометы и авиация, в 8.00 атака.

И вот заговорили орудия. Ничего подобного никому из нас до этого не приходилось ни видеть, ни слышать. Над нами ураганом проносились снаряды, стоял невообразимый грохот. Казалось, больше насытить огнем этот участок местности было невозможно. Мы оглохли, нас самих придавила эта лавина огня. Ровно в 7.30 раздались залпы гвардейских минометов разных калибров. Все горело, небо над позициями противника стало черным. Авиация наша бомбила врага в глубине.

В 8.00 мы поднялись в атаку. Вот уже и передний край противника. Взяли первых пленных. Стремительно продвигаясь вперед, прорвали вторую позицию. В этот момент сзади что-то загудело, залязгало — это вслед за за нами, не дожидаясь, пока мы прорвем главную полосу обороны, пошли Т-34, КВ, самоходные установки разных калибров, за ними — зенитная артиллерия, противотанковые артиллерийские полки. Они быстро обогнали нас. На какой-то миг мы сами себе показались как бы лишними со своими маленькими автоматами, ручными пулеметами и ружьями ПТР.

Над полем боя в несколько ярусов летала наша и вражеская

авиация. Советские штурмовики появлялись внезапно, на бреющем полете, выше были немецкие бомбардировщики, которых обстреливали из пушек остроносые «яки» и тупорылые «лавочкины». А над ними вели смертельную борьбу за господство в воздухе истребители. Для нас это была самая надежная «крыша». «Управляйтесь в воздухе, — мысленно говорил я летчикам, — а на земле уж мы сами…»

На другой день, рано утром, после короткой, но мощной артиллерийской подготовки была прорвана и вторая полоса обороны противника. Его томаровская группировка оказалась под угрозой полного окружения.

5 августа, с наступлением темноты, когда, совершая очередной маневр, мы двигались колонной, ко мне подошел радист.

— Сейчас будет важное сообщение.

— Откуда ты знаешь?

— Слышал по радио.

— Давай настраивайся.

Мы прикрыли радиста с его упрятанной в деревянную коробку радиостанцией плащ-палаткой, и он начал настраиваться. Потом протянул наушники:

— Слушайте.

К одному наушнику прильнул я, к другому — Нефедьев.

Диктор сообщил, что 5 августа наши войска освободили города Белгород и Орел… Эта весть с быстротой молнии облетела весь батальон. Вдогонку из уст в уста передавали, что столица нашей Родины Москва салютует доблестным советским войскам артиллерийскими залпами. Еще одна победа! Хотелось тут же, немедленно сделать что-то необычное, заметное. Все были возбуждены, но едва мы стали обмениваться мнениями, как радист снова протянул мне наушники:

— Вас вызывает командир полка.

Сквозь шум атмосферных помех пробился голос подполковника Щура:

— Ты почему долго не отвечаешь? Прием.

— Потерял волну, никак не мог настроиться. Прием.

— Прозевал важное сообщение, освобожден Орел и Белгород, в Москве салют, нам объявлена благодарность. Прием.

— Слышали сами по радио, поздравляем вас с победой! Прием.

— Ах ты, ланцепуп этакий, что же ты мне пуговицы крутишь с волной…

Щур ругался, но беззлобно, чувствовалось, что он рад победе и прощает нам нашу недисциплинированность.

— Дерзай дальше!

К 6 августа у окруженных немецких дивизий, в том числе и 19-й танковой дивизии генерала фон Шмидта, осталась лишь одна дорога — на Грайворон, по которой они еще могли прорваться. На этот участок бросили наш полк. 3-й батальон майора Мощенко посадили на танки. 1-й батальон двигался обычным порядком. И мы и соседи направлялись в Хотмыжск.

Небо начали заволакивать тучи. Где-то впереди в землю воткнулись молнии, послышались первые раскаты грома, полил дождь. Не успели оглянуться, как дорога стала скользкой и вязкой. Теперь каждый шаг давался ценой неимоверного физического напряжения. Тем не менее во второй половине ночи — дождь все лил и лил — батальон вышел на дорогу, ведущую к Грайворону. Здесь мы и заняли оборону: 2-я рота старшего лейтенанта Сафронова и 3-я рота старшего лейтенанта Иванникова в первом эшелоне, а 1-я рота старшего лейтенанта Мирошниченко — во втором. У дороги поставили две 45-миллиметровые пушки. Немного правее разместили минометную роту, взвод связи, разведчиков и штаб. Расставив орудия, протянули телефонные провода в роты. Со 2-м батальоном, находившемся левее нас, связь была локтевая, а вот с 3-м и командиром полка не было никакой. Радиостанция не работала. Под утро вздремнули, но с первыми лучами солнца все вскочили. Что за вид был у людей! Грязные, измятые, мокрые…

Стали изучать местность. Впереди виднелся какой-то населенный пункт, весь в садах, слева река Ворскла, на ее противоположном берегу лес. Позади 2-й и 3-й рот темнела роща, а через дорогу, прямо против того места, где мы расположились со своим штабом, стояли не то конюшни, не то сараи. Нефедьев, Ильин, несколько связистов с телефонным аппаратом, мой ординарец Кузьмич и я перешли через дорогу и расположились у этих построек. Тишина.

Позвонил Иванников и предупредил, что мимо них в нашем направлении идут немецкие танки.

— Что наблюдаете впереди себя? — спросил я.

— Кроме машин, ничего.

— Ерунда, это наши, — уверенно заметил Нефедьев.

— Неужели ты думаешь, что Иванников не отличает вражеские танки от своих? — возразил я.

В тот же миг мы услышали противный скрежет шестиствольных неприятельских минометов — и снова наступило безмолвие. Ильин предложил на всякий случай отрыть хотя бы одну-две щели. И у них с Нефедьевым завязался «научный» спор,

где лучше копать — у дороги или ближе к сараю. Пока готовились укрытия, я с Кузьмичом обошел конюшню. Спустившись в какую-то канаву, в бинокль стал наблюдать за 2-й и 3-й ротами. Вдруг в нескольких метрах перед собой увидел трех гитлеровцев, поднявшихся с картофельного поля. Кузьмич не растерялся, дал по ним очередь из автомата. Затем мы кубарем скатились в канаву и — бегом за конюшню. Вдогонку нам прогремело несколько выстрелов.

— Кончай фортификационные споры, Ильин. Бери роту Мирошниченко, прочеши огороды и займи оборону уступом вправо.

Ильин побежал в 1-ю роту, и вскоре подразделение, развернувшись цепью, прошло через огороды и сады, где скапливались гитлеровцы. В моем сознании это связалось с движением танков, о которых докладывал Иванников. Я передал в роты, чтобы они подготовились к отражению атак. Беспокоило отсутствие связи с кем-либо из старших начальников и то, что до сих пор не подошла наша артиллерия: дороги развезло, и, видимо, она где-то застряла.

Иванников снова доложил, что на нас идут танки, то же самое сообщил и Кузьмич.

Вскоре я тоже увидел колонну машин.

— Комиссар, гости жалуют, чем встречать будем?

— Какие там гости, это же наши КВ.

— КВ с крестами не бывают, да и на пушках — видишь? — набалдашники, у нас таких нет.

— А по-моему это КВ, — стоял на своем Нефедьев.

Наш разговор был прерван выстрелом из первого танка.

Снаряд со свистом пролетел поверх голов. «Если танки одни, — пусть себе идут, они нам ничего сделать не смогут, — лихорадочно соображал я. — А если пойдет пехота, дело хуже. Сколько ее, как станет она наступать?.. Какое распоряжение дать в роты? Почему не стреляют 45-миллиметровые орудия?..»

Словно в ответ на мои мысли, раздалось несколько выстрелов 45-миллиметровых орудий. Два вражеских танка в середине колонны загорелись. Остальные — мы насчитали тридцать три — почти все «тигры» — продолжали движение.

По телефону я отдал распоряжение Иванникову и Сафронову выдвинуть на опушку противотанковые ружья с таким расчетом, чтобы можно было вести огонь по правому борту.

Нужно было куда-то отойти, ибо здесь, у дороги, «тигры» могли легко раздавить нас. События развивались с калейдоскопической быстротой: за танками колоннами шли пехотинцы. Справа по полю тоже двигались вражеские солдаты.

Сколько же их навалилось на один батальон!

Принял решение: отвести роты через лес назад, километра на два-три, и снова оседлать дорогу. Хорошее это было решение или нет, но другого не придумал.

Телефонист схватил аппарат, я взял катушку с трофейным кабелем, и мы — человек десять — двенадцать — побежали по кювету к противоположной, опушке, где я рассчитывал встретить роты. Почва скользкая, ноги разъезжались. Поравнявшись с расчетами ПТР, которые уже обстреливали танки противника, спросил:

— Ну как, гвардейцы, побьете «коробочки»?

— Да не берет их наше ружье! Какие поменьше, те горят, а «тигров» не пробить…

Яркими факелами пылали уже шесть танков. Другие продолжали ползти вперед. Не считая возможным рисковать противотанковыми ружьями, приказал петеэровцам отходить к лесу и там присоединиться к своим ротам.

Вдруг Нефедьев метнулся через дорогу. Послышалась пулеметная очередь, и он упал. Неужели конец?!

Подбежал к нему, смотрю — чертыхаясь, поднимается… Благополучно проскочили простреливаемое пространство остальные. Это было ошибкой: нам следовало, наоборот, идти в лес, к ротам.

Наша группа рассредоточилась и продолжала отход. Откуда-то вынырнули пять или шесть тридцатьчетверок. Укрывшись за копнами хлеба, они стали поджидать вражеские танки. Это уже реальная сила. Остановились и мы, напились воды из воронки.

— Комиссар! Правильное ли решение принял командир, оказавшись здесь в то время, как роты в лесу?

— А что другое можно было предпринять?

— Ты, Тимофей Андреевич, не жалей ни меня, ни себя. Решение плохое, и мы должны его исправить: оставайся здесь с этой группой и встречай своих. А я с Ильиным и Кузьмичом пойду к ротам.

Не задерживаясь ни на секунду, мы втроем пустились в обратный путь, рассчитывая использовать неизбежную задержку фашистских танков, когда Т-34 завяжут с ними бой. Метрах в трехстах мы заметили приближавшуюся повозку, к которой было привязано несколько верховых лошадей. Начали кричать, махать руками — повозка остановилась. Подбежали — да это же старшина полковой батареи! Вот удача! Взяли у него коней и поскакали в лес. Проехав метров шестьсот-восемьсот, увидели наконец свои подразделения. Радости моей не было границ. С нами отходил и батальон майора Кирина. Вдвоем принимать

решения и воевать было сподручнее. Но поначалу нас постигла неудача. Только собрались занять оборону, как появились и открыли огонь вражеские бронемашины, одновременно мы подверглись бомбовому удару, и как раз на том рубеже, где предполагали закрепиться. Во время налета самолетов мелкими осколками был ранен в голову Кирин.

Тогда мы решили занять оборону вдоль лесопосадок, фронтом на дорогу, ведущую к Грайворону, чтобы можно было вести огонь по колоннам противника с фланга. В молодом лесочке неожиданно для себя получили подкрепление — три танка. Правда, вполне исправным был только один из них, но и остальные два с их пулеметами и пушками оказались очень кстати. Кроме того, откуда-то подъехал заблудившийся «виллис» с 57-миллиметровой противотанковой пушкой. Разумеется, я воспользовался правом старшего командира и задержал орудие, указав для него подходящую огневую позицию. Появились и минометчики Карнаушенко (к тому времени у них осталось только шесть минометов).

Окопались. Долго ждать не пришлось. Вскоре на дороге появились неприятельские колонны: повозки, машины, пехота. Эх, и начали мы их крушить! В тот момент трудно было найти более удобную позицию, чем у нас. Даже Кирин, несмотря на свое ранение и плохое самочувствие, с интересом наблюдал за этим боем. В колоннах врага возник переполох, беспорядок, а наш огонь все усиливался.

Уцелевшие гитлеровцы повернули назад и стали удирать по бездорожью. Мы не преследовали их на открытой местности, вне окопов, опасаясь напороться на фашистские танки.

Больше в тот день активных действий не было. Как потом выяснилось, танковая колонна противника, потеряв еще несколько машин, все же прорвалась на Грай-ворон, но там ее встретили и полностью разгромили наши танковые части. Та же участь постигла и фашистскую пехоту.

В отражении вражеских атак участвовали также хозяйственные подразделения полков и батальонов.

На поле боя противник оставил огромное число убитых. 1800 фашистов были взяты в плен. Гвардейцы дивизии захватили 600 автомашин, 4 эшелона с вооружением, 2 эшелона с продовольствием и обмундированием, более 40 исправных танков и много других трофеев. В этой большой победе была частица и нашего ратного труда.

Ночью неподалеку от позиций 1-го батальона проходили наши танковые войска. Они направлялись в сторону Грайворона.

Танкисты, которые действовали в последнем бою с нами, тоже ушли. Пришлось отпустить и расчет 57-миллиметрового орудия.

Связи с полком и дивизией по-прежнему не было, и я решил пойти на дорогу: может быть, кто-либо из командиров-танкистов подскажет, где они находятся. Отправились вместе со старшим лейтенантом Ильиным. К кому бы ни обратились, каждый начинал расспрашивать: кто мы, почему одни. Какой-то подполковник предложил:

— А ты, майор, не унывай. Сажай свой батальон на танки — и айда с нами. Все равно наступаем, лишь бы на запад.

— Так-то оно так, но надо найти своих начальников и получить задачу не вообще, а конкретную.

— Дело хозяйское!

Мы возвратились к батальону и, выставив охранение, дали возможность личному составу поспать. Правда, на голодный желудок не очень-то отдыхалось, но в конце концов усталость свое взяла и мы заснули мертвецким сном. Утром построил батальон, чтобы вести его на Грай-ворон.

Мне казалось, что дивизия неизбежно будет двигаться, а может быть, уже и прошла именно в этом направлении. Двинулись к дороге и — как в сказке! — увидели помощника начальника штаба полка капитана Мороза.

— Здравствуй, Андрюша! Здорово, что мы тебя встретили! Расскажи скорей, как и что.

— Порядок! Покончили с окруженной группировкой. Штаб полка на месте, там, где и раньше. Тебя вызывает Щур. Батальон надо сосредоточить вон в том населенном пункте…

— А не знаешь, зачем вызывает Щур? — спросил я Мороза.

— Получишь новую задачу. Заодно повидаешь Мощенко и своего земляка капитана Бейгула. Они второй день за упокой твоей души прикладываются. Многие считали, что вас уже нет в живых.

— Что еще нового?

— Погиб майор Быков. Говорят, при трагических обстоятельствах, но как именно — не знаю.

Подробности мы, однополчане героя, узнали совсем недавно.

Дивизион Ивана Михайловича Быкова занимал позиции неподалеку от нас и участвовал в отражении атак противника, силившегося прорваться на Грайворон. На позиции артиллеристов надвигался плотный строй вражеских танков с десантом на броне. Быкову позвонил по телефону начальник штаба дивизии гвардии полковник Тихон Владимирович Бельский и, выслушав его, сказал:

— Вот бы дать по ним залп…

— Нет, — ответил Быков, — спешить не будем. Несколько машин, которые мы уничтожим, погоды не сделают. Вступим в бой, когда можно будет вести огонь прямой наводкой. Ни один выстрел не должен пропасть. Только тогда можно рассчитывать на успех.

— Первая, вторая, третья!.. — стал он вызывать батареи.

Когда танки подошли поближе, загремели залпы.

Несколько машин окуталось клубами черного дыма. Уцелевшие попятились назад и вскоре скрылись за рощей. А минут через пятнадцать появились снова. Теперь они двигались клином. Острие его было нацелено на позиции дивизиона.

Такой вариант был предусмотрен Быковым. По его сигналу батарея, что стояла в центре, откатила орудия на подготовленные заранее запасные позиции, а батареи, находившиеся на флангах, подались чуть вперед. Таким образом был подготовлен огневой мешок.

Когда первые танки приблизились к центральной батарее, артиллеристы, находившиеся на флангах, открыли огонь, рубя снарядами основание клина. Естественно, машины стали разворачиваться в стороны, подставляя борта под выстрелы.

Понеся ощутимые потери, гитлеровцы отошли, чтобы атаковать артиллеристов в третий и четвертый раз.

— Еще немного, час-два, самое большое три, надо нам продержаться, — обращался Бельский к артиллеристам. — К нам идет подмога. Не обороняться, а наступать будем. Понимаете: нас-ту-пать!

Его слова Быков передал во все батареи.

— Выдержим! — отвечали оттуда.

Но мало, очень мало оставалось людей в батареях. И совсем было плохо с орудиями и боеприпасами.

«Надо объединить подразделения, — решил Быков. — Управлять будет легче».

Однако осуществить задуманное не пришлось. На этот раз танки, сблизившись, укрылись в складках местности и настойчиво навязывали дуэльную стрельбу.

На исходе третий час, а подкрепления все нет. У орудия осталось по одному-два человека. Сам Быков уже не отрывался от прицела. Ныла раненая нога.

— Нет снарядов! — услышал Быков доклад.

— Гранаты, личное оружие — к бою!

Группа танков устремилась на умолкнувшую батарею.

— В щели, — скомандовал Быков, — уничтожать гранатами.

Два танка загорелись. Это последнее, что могли сделать артиллеристы. Фашисты навалились на позиции и начали

гусеницами все давить. Поднявшись в рост, вслед за танками подошла вражеская пехота. И вот тут-то из обрушенного окопа встал человек. Он сорвал с груди Золотую Звезду, поцеловал ее окровавленными губами.

— Гвардейцы не сдаются! Встаньте, живые!

Трое, четверо, может быть, пять человек откликнулись на его зов. В неравной схватке они погибли у своих искалеченных орудий…

Но тогда мы ничего этого не знали. Услышав от Андрея Мороза недобрую весть о гибели отважного артиллериста, я от горя и гнева до боли сжал кулаки. Потерять такого человека! Андрей молча положил руку на мое плечо, я понял, что и ему тоже тяжело.

— Ну ладно, Андрей, я поехал.

— Смотри, будь осторожен! Возьми с собой несколько бойцов. Неровен час, подстрелит какой-нибудь фриц-одиночка из тех, что бродят по полям.

Мы простились. Договорился с Ильиным, чтобы до моего возвращения он скрытно расположил батальон.

Взял с собой ординарца Ивана Кузьмича и поехал в штаб полка. У Кузьмича был автомат, пистолет и две гранаты, у меня — двадцатизарядный пистолет, пистолет ТТ и две трофейные яйцеобразные гранаты (не потому, что они лучше наших, а потому, что их удобнее носить в карманах). Кругом тишина, выстрелов не слышно, в воздухе душно. Мы довольно долго ехали рысью, а затем перевели лошадей на шаг.

— Кто-то из пшеницы выглядывает, — предостерег меня Кузьмич.

— Приготовь автомат…

Поехали еще тише. Слева от дороги на какое-то мгновение поднялась человеческая фигура и тут же скрылась за высокими стеблями.

— Может, стрекотнуть из автомата? — предложил Кузьмич.

— Подожди, подъедем ближе.

Снова на том же месте показался человек. В этот момент Адам, конь Кузьмича, начал чихать. Человек повернулся в нашу сторону и вдруг как закричит:

— Товарищ майор?.. Кузьмич… живые?!

Человек, по которому Кузьмич собирался «стрекотнуть», оказался солдатом нашего хозяйственного взвода.

— Ты что, Сирченко, тут делаешь, где твоя пилотка?

— Товарищ майор! Сколько нужно убить немцев, чтоб медалью наградили?

— Смотря при каких обстоятельствах, но чем больше, тем

лучше. Думаю, пяти достаточно.

— А мы с младшим лейтенантом Гаркавенко много набили. Знаете, как он их из пулемета считал! Хозвзвод поработал, будь здоров!

— А где хозвзвод?

— Вон там, недалеко.

— Тогда иди туда и скажи, чтобы приготовились к движению, чтобы обед был готов через три часа, а командир взвода пусть едет в штаб полка, там я ему скажу, что дальше делать.

— Все ясно, товарищ майор. А мы тут чуть в плен немецкого генерала не взяли, да он застрелился.

Забегая вперед, должен сказать, что по этому случаю дивизионные поэты сочинили частушки на мотив популярной песни «И кто его знает…»:

Из России сообщают:
Генералов ихних бьют,
А фон Шмидт под Березовкой
Сделал сам себе капут.

Сирченко повесил на плечо винтовку и пошел напрямую по пшенице в хозвзвод, а мы с Кузьмичом поехали дальше. По пути встретили начальника штаба нашего батальона старшего лейтенанта Сапронова и с ним нескольких связистов и разведчиков.

— Мы в плен попали, но сбежали. Меня раненого взяли, — заявил Сапронов. Лицо у него было чернее тучи.

— Важно, что все вы здесь и живы, а в остальном разберемся. Сейчас вам нужно в медсанбат.

— Нет, мне сказали в особый отдел…

— Ну и что же, идите, там разберутся. А после здоровых направьте в хозвзвод, а сами подойдите ко мне.

…Еще издали увидел командира полка и других офицеров штаба.

— Поздравляю тебя с нашей общей победой, — сказал подполковник Щур, — но праздновать некогда. Полк получил новую задачу. — И, взяв карту, объяснил суть дела. — У тебя есть время, поезжай, осмотри рубеж, где батальон вел бой. Что было оставлено, подобрать. Убитых похоронить. Да не забудь зайти к Мощенко, а то он еще не знает, что ты жив и невредим. Он богатый — на станции Хотмыжск захватил несколько эшелонов.

— А, пехота, живой?! — искренне обрадовался мне Петр.

— Живой.

— А мы тут с Николаем, грешным делом, тебя помянули.

— Рано.

— Ну, тогда сейчас налью такого деликатеса, из такой бутылки, какой ты еще в жизни не видывал. Выпьем за твое здоровье и успехи…

Мощенко достал бутылку диковинной формы и налил из нее в крышки от фляг какую-то темно-вишневую жидкость, густую и вязкую, словно мед. Потом разбавил спиртом, чтобы «легче прошло».

— Дай что-нибудь покушать, — попросил я, — а то голодный как волк.

Появились тушенка, колбаса, помидоры. Мы на ходу выпили, закусили, и я заторопился в обратный путь. Ко мне подошел Сапронов, и по его лицу я понял, что у него все в порядке. После беседы в особом отделе ему сказали, что он свободен и может отправляться в медсанбат. Подлечившись, Сапронов вернулся в батальон на свою прежнюю должность.

11 августа командир полка вызвал к себе командиров батальонов и полковых подразделений, начальника штаба подполковника Самагина и своего заместителя подполковника Харитонова. Мы уселись на трофейный бронетранспортер, которым управлял пленный водитель, и поехали в район села Крысино, что в четырех-пяти километрах от Богодухова.

Целью поездки была рекогносцировка. Наутро нам предстояло перейти в наступление. Щур сообщил, что на переднем крае мы должны сменить подразделения дивизии, которая вела здесь бои с фашистами, но успеха не имела. Нам предстояло совершить марш примерно в двадцать километров.

Когда рекогносцировка была закончена и все вопросы решены, командир полка обратился к переводчику, младшему лейтенанту Давиду Семеновичу Пурицу, ставшему помощником начальника штаба полка по разложению войск противника:

— Скажи Гансу: если он хорошо будет смотреть за машиной, мы будем считать, что он добровольно сдался в плен.

— Гут, гут, — ответил Ганс и похлопал Пурица по плечу.

— А теперь скажи, что с русским офицером не имеет права фамильярничать даже свой солдат.

Пуриц перевел.

— А разве ты офицер? — изумленно спросил по-русски Ганс.

Это было так неожиданно, что мы, глядя на растерявшегося Пурица, расхохотались. Пуриц действительно мало походил на военного.

Вернувшись в свои подразделения, стали готовиться к маршу, но сменяющие нас пришли поздно, примерно в два или три часа ночи. Поэтому, как мы ни старались, к указанному времени

выйти на исходный рубеж не смогли. Утро застало нас на марше. В голове полковой колонны шел 1-й батальон. На подступах к селу Крысино на дивизию совершила массированный налет авиация противника. Группы по тридцать-сорок бомбардировщиков сыпали бомбы на колонны.

Наш батальон под бомбежку не попал и вышел на исходные позиции. Левее находился 42-й гвардейский стрелковый полк.

Хотя мы и пришли сюда, чтобы перейти в наступление, обстановка сложилась не в нашу пользу: артиллерия не успела развернуться, как танки и пехота фашистов перешли в атаку. Под давлением превосходящих сил 42-й гвардейский стрелковый полк стал отходить.

Меня вызвал командир полка. Он стоял у копны сена, здесь же был и командир дивизии генерал Бакланов. Когда я подошел, то услышал его приказ командиру полка закрепить рубеж и отразить натиск неприятеля.

После этого Бакланов сел в машину и уехал, а командир полка обернулся ко мне:

— Слышал? Ни шагу назад! Давай зарывайся в землю и держись, як Мартын за мыло.

— Ясно, товарищ подполковник, но у меня же нет артиллерии!

— Начинай окапываться, а я сейчас вон там, — он указал на противоположную сторону балки, — оборудую НП и организую тебе помощь. Главное, держись. Все ясно?

— Ясно, товарищ подполковник.

— Ну, дерзай!

Вместе с Ильиным, Кузьмичом, радистом и телефонистом мы заняли под батальонный НП большую, но неглубокую яму. Отсюда хорошо были видны и наши зарывавшиеся в землю роты, и отходящий 42-й гвардейский стрелковый полк, и медленно надвигавшиеся на левый фланг немецкие танки.

Чем их бить? Несколько ПТР не выход из положения. Утюжа наш передний край, гитлеровцы продолжали двигаться на Богодухов, над которым висели вражеские бомбардировщики.

Мимо нас прошел подполковник-артиллерист и начал в бинокль наблюдать за противником. Я подошел к нему, представился и спросил, не нас ли будет поддерживать их часть?

— Нет. Я выбираю, куда лучше дать залп «катюш».

Вскоре послышался уже хорошо знакомый нам гул.

В расположении врага стали рваться снаряды. Позади, откуда велась стрельба, поднялось облако дыма, и туда устремились фашистские самолеты.

После залпа «катюш» подполковник-артиллерист уехал, и

остался наш батальон со своими тремя ротами один на один против нескольких десятков танков. Авиация противника по-прежнему бомбила, обстреливала и прижимала к земле подразделения, находившиеся на марше. Так что настроение у нас было неважное.

Когда дым от реактивных снарядов рассеялся, мы увидели, что два или три «тигра» горели. Остальные приостановились. Но как только подтянулась пехота, они снова двинулись вперед. В глубокой балке позади нас раскинулось село Крысино. Я решил отвести за него батальон и там занять оборону, так как для танков балка была все же препятствием. И в самом деле, машины через нее не пошли, а атаки пехоты мы отбили. Положение несколько стабилизовалось, однако обстановка оставалась неясной. Поэтому, когда к нам подъехал командир 3-го батальона Мощенко, я предложил ему выдвинуться на наш рубеж и обороняться вместе.

— Ты прав, — согласился он и послал связного передать приказание, затем рассказал мне, что командир полка А. К. Щур тяжело ранен в живот (Петр помог перевязать его и отправил в тыл), гитлеровцы прорвались к штабу полка, но их отогнали.

Много лет спустя, знакомясь с хранящимися в архиве документами нашего полка, я с волнением прочитал несколько скупых строк политдонесения от 4 августа 1943 года: «Знаменосец 39-го гвардейского стрелкового полка комсомолец Александр Тимофеевич Кузнецов попал под сильную бомбежку немецких пикирующих самолетов. Не склонив головы перед опасностью, погиб на поле боя с поднятым Знаменем, которое оказалось изрешеченным осколками, но спасено подоспевшими бойцами».

Это произошло как раз в то время, когда противник прорвался к штабу полка.

Верхом на лошади к нам прискакал начальник штаба полка подполковник Самагин. Голова его была забинтована, повязка пропиталась кровью. Не слезая с лошади, он сказал, чтобы мы удерживали здесь оборону и что, поскольку Щур ранен, а заместителя командира полка подполковника Харитонова пока нет, командование полком он берет на себя. От него же мы узнали, что ранен и начальник штаба дивизии полковник Бельский. Пообещав установить с нами связь по телефону и радио, подполковник Самагин уехал.

Мы почувствовали, как зверски хочется есть. Пошарили у себя и обнаружили сухари и мед во фляге. Стали по очереди поливать медом сухари и грызть их. Мучила жажда, но воды ни у кого не оказалось.

Тем временем была установлена связь с ротами; нас отделяло метров четыреста-пятьсот. День близился к концу. Противник молчал. Опасаясь за левый фланг, я перебросил туда один взвод и два ружья ПТР. Эта группа заняла оборону под прямым углом к переднему краю батальона. 3-й батальон вышел на одну линию с нами и тоже окопался. Вдруг в районе 2-й роты послышалась интенсивная ружейно-пулеметная перестрелка. Звоню туда:

— Что происходит?

— Фрицы атакуют… Огонь! Огонь! Ты что оглох, что ли? Простите, это я пулеметчику…

— Алло! Алло!

Но трубка молчала.

Мы с Ильиным вскочили на лошадей. Не доезжая до переднего края, спешились — и бегом к командиру роты. Фашисты уже отходили, а спустя четверть часа все стихло.

Дав необходимые указания, вернулся на свой НП. Уже стемнело. Вдруг слышу — Мощенко кричит:

— Исаков, где ты?

— Здесь…

— Веду тебе еще одного Исакова, говорит, твой брат.

Подошел ближе и вижу: действительно, мой двоюродный брат. Василий Никитович Исаков. Надо же такому случиться, столько лет не виделись — и на тебе! — где привелось встретиться. Обнялись, расцеловались. И посыпались вопросы.

Выяснилось, что Василий воюет в 97-й гвардейской стрелковой дивизии, занимает должность помощника командира взвода в разведывательной роте. Сейчас возвращается с задания с группой бойцов. Он сообщил, что примерно в полутора километрах отсюда стоят немецкие танки.

— А где твои сыновья?

— Младший, Федор, погиб на фронте, а Петр — старший лейтенант, летчик-истребитель. Екатерина Васильевна, твоя крестная, осталась одна и живет в Пятигорске.

На этом мы расстались — он ушел в свою дивизию докладывать результаты разведки. В последующем по моей просьбе его перевели в наш полк, и мы воевали вместе.

За ночь все встало на свои места. Дивизия привела себя в порядок. Но полк, кроме тяжело раненного командира гвардии подполковника Щура, потерял и майора Касатова — заместителя командира 39-го гвардейского стрелкового полка по политчасти.

Не стало хорошего человека. При всей своей образованности и начитанности, он был чрезвычайно скромен и не гнушался никакой работы. В периоды доукомплектования полка он направлял свою энергию на то, чтобы по возможности в каждой

роте имелись партийная и комсомольская организации, готовил агитаторов и пропагандистов, учил секретарей партийных организаций батальонов партийно-политической работе. Не помню ни одного собрания, на котором не взял бы слова майор Касатов. Он умел удивительно просто разъяснить задачи, поставленные перед полком, помогал гвардейцам наилучшим образом подготовиться к бою, постоянно заботился о быте солдат, сержантов и офицеров, следил за нашим питанием. Для него было не безразлично, как оборудуется оборонительный рубеж и каковы результаты стрельбы, организованы ли занятия по изучению русского языка с воинами нерусской национальности, как проводятся для них политинформации. Касатов многое сделал для того, чтобы опыт лучших воинов стал достоянием всего полка, чтобы отличившиеся были поощрены или награждены, чтобы все раненые были доставлены в медицинские подразделения, а убитые похоронены надлежащим образом. Он находил время писать письма семьям героев и утешать вдов и детей погибших. Его привыкли видеть в ротах и батальонах, с ним охотно делились мыслями. Все мы искренне горевали, лишившись чудесного товарища, настоящего коммуниста.

К 31 августа наша дивизия вышла к совхозу «Первомайский». 39-й гвардейский стрелковый полк находился во втором эшелоне. Вместо А. К. Щура полком стал командовать его заместитель, подполковник Александр Данилович Харитонов, участник боев на Халхин-Голе. В полку снова было три батальона. Командиром заново сформированного 2-го стрелкового батальона был назначен один из ветеранов нашей дивизии разведчик капитан Михаил Александрович Сазонов. Майора Кирина перевели в соседнюю дивизию начальником штаба полка.

Подполковник Харитонов вызвал нас к себе:

— Сейчас пойдем к комдиву. Приказано явиться вместе с командирами батальонов. Садитесь в машину…

НП генерала Бакланова располагался на высоких кручах. Позади поле, впереди лес, кустарник.

— Такой НП, как этот, попадается редко: видно всю дивизию как на ладони, — сказал Бакланов. — Смотрите. Это — Шаровка, а вон там, за рощей, совхоз «Первомайский». Ваша задача атаковать противника… — И он указал рубеж на местности.

Враг оборонялся на просяном поле, дальше просматривалось поле подсолнечника, за ним роща, а за рощей совхоз.

— Скажите, Харитонов, кто у вас наступает в первом эшелоне? — спросил генерал Бакланов.

— Исаков и Мощенко.

— Ну вот, майоры, к исходу дня совхоз «Первомайский»

должен быть освобожден. Отсюда мне будет виден каждый ваш боец. Действовать надо решительно, дерзко. — И обращаясь уже к Харитонову, генерал продолжал: — Ввод полка в бой обеспечит 32-й гвардейский артиллерийский полк.

Были уточнены время атаки и разграничительная линия между батальонами, увязаны вопросы взаимодействия с артиллеристами. Танков нам не обещали.

Мы отправились к себе. Проводную связь от командира полка тянули только за мной потому, что провода было мало, а 3-й батальон должен был иметь с нами локтевую связь и по радио.

Исходные позиции мы заняли под вечер. Подступы к рубежу атаки были скрытые — кустарник, высокая трава, поэтому неприятель нас не заметил.

1-й батальон наступал справа, 3-й слева. Огневой налет артиллерии был не очень сильным, и мы дополнили его залпами своих минометов. По установленному сигналу подразделения поднялись в атаку.

Командир полка Харитонов беспрерывно уточнял, где мы находимся. Отступая, гитлеровцы цеплялись за каждый более или менее выгодный рубеж, но перевес был на нашей стороне — не столько в силах, сколько в желании, я бы даже сказал, в умении воевать: каждый боец действовал смело, решительно и инициативно.

Наступили сумерки. Фашистам удалось остановить нас. Мне не терпелось пройти к ротам. Но у телефонистов, как на грех, кончился кабель, и Харитонов не разрешил мне отлучаться.

— Будь у аппарата.

— Так ведь батальон движется дальше! Что же я буду один сидеть в кукурузе или в подсолнухах, присматриваться и гадать, что там делается? — взмолился я.

— Сейчас посылаю катушку кабеля, — последовало в ответ. — От телефона не уходи.

Откуда-то вынырнул Мощенко.

— Ну что? — спросил он.

— Говорит, не отходи от аппарата. А провода нет. И у тебя фрицы уперлись?

— Ерунда! Думаю послать одну роту в обход, разведчики доложили, что можно обойти их правый фланг.

— Хорошо. А потом пусти ракету — и вместе атакуем. Совхоз-то еще у противника.

Долго ждать не пришлось: Мощенко подал сигнал — и оба батальона пошли вперед. Запыхавшийся телефонист притащил катушку кабеля. Правда, его хватило только до опушки леса, но я был рад и этому.

Преследуя отступавших фашистов, подразделения овладели совхозом «Первомайский», обойдя рощу слева. С соседом справа связи не было, и где он находится, мы не знали. Я опасался, что в роще, которая осталась в тылу 1-го батальона, затаились остатки фашистской пехоты, но послать туда ночью людей для прочесывания не решился. На сердце было неспокойно, муторно, будто вот-вот должна стрястись какая-то беда.

Тем временем справа послышался стук колес и топот лошадей. «Немцы!» — подумал я, но оказалось, что это наша минометная рота. Мы узнали голос старшего лейтенанта Карнаушенко, отпускавшего в адрес лошадей «ласковые» словечки. Чтобы избежать недоразумений, я вышел на дорогу и, окликнув Карнаушенко, указал ему неподалеку от рощи место для огневых позиций, с которых можно было вести огонь и по подступам к совхозу.

Минометчики въехали в подсолнухи, сняли минометы и подготовили их к бою. От Карнаушенко я узнал, что по этому же маршруту следует минометная батарея капитана Сокура.

Под утро, завершив организацию обороны, мы с Ильиным выбрали место для НП в каком-то огороде, откуда хорошо наблюдался весь батальон, и оставили там разведчиков отрыть щель. Когда спустились в лощину, через которую проходила дорога, увидели группу военных. Они стояли у кухни и получали завтрак. Это были люди из 3-го батальона. Я сказал офицерам, что в роще, возможно, находится противник, так как мы ее не прочесали, и потому кухню нужно убрать в более безопасное место. То же самое повторил и появившемуся здесь Мощенко.

— Да ты, Иван, сдурел! — захохотал Мощенко. — Если бы они были в роще, то мы тут не стояли бы…

Вместе с Ильиным я пошел к минометчикам, чтобы оттуда доложить командиру полка местонахождение батальона. Не успел сказать и двух слов, как в районе наших стрелковых рот завязалась интенсивная перестрелка, раздались взрывы гранат и крики «ура».

Харитонов спросил:

— Что за бой?

— Не знаю, я только что из подразделений, там все было в порядке.

Ильин тем временем побежал на выстрелы.

Огонь нарастал. Недалеко от нас прошло несколько пулеметных очередей. Прибежал на НП — Карнаушенко был уже здесь. Смотрим, примерно тридцать-сорок фашистов прорываются через наши боевые порядки. По ним ведут огонь 1-я и 2-я роты, а в районе 3-й роты — рукопашная схватка. Карнаушенко передал

команду на огневые позиции. Раздались почти неслышные выстрелы минометов — недолет. Карнаушенко делает поправку — и снова серия взрывов. Однако гитлеровцы уже скрылись за бугром.

Что же произошло? Утром Иванников послал одно отделение в разведку. Войдя в рощу, оно натолкнулось на группу вражеских солдат. Разведчики затаились. Подошла еще одна неприятельская колонна, человек сто. Развернувшись, гитлеровцы двинулись на наши позиции. Завязалась перестрелка. 1-й и 2-й ротам мешала находившаяся у самой опушки 3-я рота. Иванников и его бойцы, услышав стрельбу и увидев неприятеля, открыли огонь. Недалеко от Иванникова стоял станковый пулемет, расчет которого успел оборудовать окоп. Пулеметчики, сориентировавшись, тоже начали стрелять. Как раз в это время противник с громким «ура» бросился в атаку, очевидно рассчитывая своим «ура» ввести нас в заблуждение. Дело дошло до рукопашной. Она длилась несколько минут. Пробиться удалось лишь группе фашистов. Их-то мы с Карнаушенко и видели с Нашего НП.

Батальон понес незначительные потери — человек пять-шесть ранеными. Враг — более семидесяти убитыми. Двоих мы взяли в плен.

Едва мы с Мощенко доложили командиру полка о случившемся за ночь и утро, как заметили, что к нам на НП со стороны нашего переднего края идет полковник. Мы с Мощенко не знали, кто это. Встали, представились. И услышали:

— Заместитель командира дивизии полковник Гаев.

Он сообщил, что в самом скором времени нам предстоит продолжать наступление и нужно готовить к этому батальоны. Павел Витальевич Гаев поругал нас за плохую маскировку окопов и ушел.

Спустя несколько часов командир полка вызвал к себе на НП всех комбатов и поставил задачу перерезать железную дорогу, идущую на Харьков.

Боевой порядок полка в один эшелон. На правом фланге 1-й стрелковый батальон, в центре 3-й, а на левом фланге 2-й.

Поддерживали нашу часть дивизионный артиллерийский полк майора М. З. Войтко и 4-й отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион под командованием майора И. Г. Розанова.

Наступление развивалось успешно: противостоявшие нам небольшие силы фашистов были уничтожены, и все три батальона вышли на железнодорожную линию. Поставленная задача практически была выполнена. Но едва наши роты успели закрепиться, как противник бросил в контратаку до ста танков. За

ними на бронетранспортерах следовала пехота. Основной удар пришелся по центру боевого порядка полка — 3-му стрелковому батальону. Когда появилась первая волна вражеских танков, артиллеристы открыли меткий огонь. После первых же выстрелов загорелось шесть машин. Однако «тигры» и «пантеры» продолжали двигаться. Гвардейцы, пропустив их, вступили в бой с пехотой, укрывшейся за бронетранспортерами. На наш батальон гитлеровцы наступали без танков, и мы быстро заставили их залечь.

Под сильным ружейно-пулеметным огнем неприятель стал окапываться. В это время в 3-м стрелковом батальоне разыгралась настоящая трагедия. С нашего НП невозможно было рассмотреть, что именно там происходит. Сперва нам показалось, что Мощенко сопутствует успех. Нефедьев даже вылез из окопа и начал считать:

— Один готов… Горит, второй, третий… Молодцы артиллеристы! Четвертый, пятый…

На поле боя то там, то тут вспыхивали танки и от них валил густой черный дым.

Я спросил Мощенко, как дела. А он: «Подожди, доложу командиру полка». И вот я услышал — мы были на одном проводе, — что за «тиграми» и «пантерами» следуют огнеметные танки и сжигают нашу пехоту. Харитонов ответил:

— Стоять насмерть!

Но и без этой команды никто не пытался отходить. Создалось драматическое положение: обычные танки прошли через боевой порядок 3-го батальона, а огнеметные — их было шестнадцать — жгли полуокопавшихся гвардейцев. Артиллеристы делали все, чтобы уничтожить «тигров» и «пантер», надвигавшихся на совхоз «Первомайский», а саперы во главе с полковым инженером капитаном Николаем Бейгулом бросились устанавливать на пути врага противотанковые мины.

Остатки пехоты 3-го батальона под напором огнеметных танков и пехоты противника вынуждены были отойти. Темнело. Наша артиллерия продолжала единоборство с прорвавшимися танками. Темп их продвижения падал.

На невысокий холмик, в сотне метров от которого стояла одна из противотанковых пушек, медленно поднимался желтый «тигр» с черными крестами. Пушечка рядом с ним выглядела игрушкой. Мы подумали, что расчет ее вышел из строя. Но вдруг орудие ожило, и «тигр» споткнулся, словно перед ним выросло что-то непреодолимое. До нас донесся звук разрыва. Ствол танковой пушки беспомощно опустился вниз. А к стрелявшему орудию подкатил тягач. Расчет под огнем прицепил к нему

пушечку и быстро переместился на новую позицию.

Какое мужество, выдержку и хладнокровие нужно было иметь, чтобы подпустить фашистский танк на столь близкое расстояние, зная, что промах, осечка или какое-либо повреждение могли стоить жизни.

Это был расчет из противотанкового дивизиона майора Ивана Григорьевича Розанова.

Атака гитлеровцев, хотя им и удалось продвинуться на полтора-два километра, захлебнулась: они потеряли более двадцати пяти танков. Но и наш полк понес потери и был выведен во второй эшелон дивизии. Погиб и Николай Бейгул, вместе с которым было немало пережито и в тягостные дни отхода в сорок первом году, и в Сталинграде, и в этих, ставших для него последними, боях. В нашем общем горе, а Николая в полку очень любили, утешало лишь то, что он успел узнать и счастье наступления, и вкус побед… В полку снова осталось фактически два батальона—1-й и 2-й. Однако спустя несколько дней мы продолжали успешно наступать и освободили несколько населенных пунктов, в том числе Червоный Прапор и Марьино.

11 сентября, выйдя к исходу дня в район Настеновки, мы начали закрепляться. Кругом кукурузные поля. Мы с Михаилом Сазоновым присели под копной в ожидании, когда подъедут кухни: люди были голодны. Погода стояла отвратительная. Более суток шел проливной дождь. Чернозем раскис, ноги увязали, липкая грязь наматывалась на колеса повозок, ездовые ругались и часто останавливались, чтобы очистить ходовую часть.

Приехал подполковник А. Д. Харитонов, чтобы уточнить расположение переднего края. Непосредственно перед нами противника не было. Мы предложили командиру полка разделить с нами трапезу, но он отказался. «Нужно продвинуться вперед еще на несколько километров, — сказал он, — и овладеть Настеновкой». Честно говоря, идти дальше не хотелось. Все устали. Артиллерии с нами не было — где-то застряла.

Поев, мы снова двинулись в путь. Направляющим был 1-й батальон. Шли колонной. Ночь. Тьма такая, что хоть выколи глаза. А дождь лил и лил. Солдаты накинули на себя плащ-палатки и стали какими-то горбатыми, неуклюжими.

Ориентировались с трудом, и потому темп был невысокий. Мы с командиром 2-го стрелкового батальона Михаилом Сазоновым, разведчиками и радистом находились метрах в двухстах-трехстах впереди колонны. Сазонов и я договорились, что, если немцы откроют огонь, 1-й батальон развернется влево, а 2-й — вправо от дороги и с ходу пойдут в атаку.

Приблизившись к Настеновке, вдруг услышали гул мотора.

Похоже, бронемашина. Остановились. Посланный с двумя разведчиками сержант Атаканов подтвердил, что, действительно, это неприятельский броневик. Мы не стали задерживаться: до Настеновки оставалось каких-нибудь полкилометра. Чувствовался запах гари, очевидно, село сожгли. Атаканов несколько раз обращался ко мне: что, дескать, будем делать, бронемашина-то близко? Мне это надоело, и я не очень вежливо, во всеуслышание оборвал его:

— Да отстань ты со своей бронемашиной! Она нас не видит и черт с ней, пускай себе буксует…

Не успел я и рта закрыть, как послышалось сначала тихое, неуверенное, а затем громкое и требовательное: «Хальт!». За возгласами последовали очереди из автоматов и взрывы гранат.

Разведчики камнем упали на землю и открыли ответный огонь. Я приказал отойти. Ильин, Нефедьев и офицеры 2-го батальона успели развернуть в цепь подразделения и бросить их в атаку. Продвинулись метров на триста — четыреста, уничтожили немецкое охранение. Однако овладеть Настеновкой не смогли. Село находилось за скатами высоты, где сосредоточились неприятельские танки. Имея в своем распоряжении только восемь ПТР на оба батальона, мы с Сазоновым доложили обстановку командиру полка и просили его усилить нас орудиями, так как опасались танковой контратаки.

— Смотри, не проморгай фрицев, — ответил мне подполковник Харитонов. — Они ведь драпают, ты должен вместе с Сазоновым преследовать их. Даю вам проводную связь. К утру подбросим артиллерию.

На этом разговор закончился. Мы отправились в роты: необходимо было под прикрытием ночи отрыть окопы полного профиля, организовать систему огня. Сделать все это в кромешной тьме нелегко. К тому же многим бойцам эта тяжелая работа казалась излишней: мол, все равно завтра-послезавтра вперед пойдем.

Мы с Сазоновым оборудовали свои НП в одном месте, наладили связь с ротами. Вскоре телефонисты протянули провода от командира полка, и мы вновь стали настойчиво просить Харитонова дать нам артиллерию.

— Ведь у нас ни одной пушки!

В ответ слышали все то же: «Не проспите немцев».

Почему у Александра Даниловича возникла такая уверенность в том, что гитлеровцы будут непременно отступать? Не знаю. Мы были иного мнения.

39-й гвардейский стрелковый полк уже дважды встречался с танковыми группами противника. 1 сентября был сильно

потрепан 3-й стрелковый батальон. 3 и 5 сентября мы опять подверглись контратакам вражеских танков и оказались отрезанными от главных сил дивизии. Правда, нам удалось прорвать кольцо и соединиться с остальными частями. Теперь вот снова танки. Куда они пойдут? Надо готовиться к худшему. Наши разведчики пытались в нескольких местах проникнуть в Настеновку, но им это не удалось — каждый раз натыкались на хорошо организованный огонь.

Среди ночи к нам пришел Андрей Спиридонович Мороз. Мы с Сазоновым обрадовались: теперь заместитель начальника штаба полка лично убедится в том, что обстановка в самом деле тревожная, и поможет нам с артиллерией. Майор Мороз обошел все роты, посмотрел, где и как занимают они оборону, понаблюдал за противником и пришел к тому же выводу, что и мы. Доложил Харитонову, но ничего не изменилось. Во второй половине ночи мы еще раз пошли в подразделения проверить, как идет окапывание. Большинство солдат уже заканчивали оборудовать укрытия. Мы потребовали усилить наблюдение и быть готовыми к отражению танков.

— Андрей Спиридонович, пойди к командиру полка, убеди его в необходимости подбросить нам до рассвета хотя бы несколько орудий! — наседали мы на Мороза.

— Не могу, мне приказано быть здесь.

— Ну, а какая польза? Ты что, собираешься стрелять в «тигров» из пистолета? В твоей смелости никто не сомневается, но сделаешь больше, если добьешься, чтобы у нас были пушки.

— Попробую доложить еще раз.

Мороз взял трубку. Его разговор с Харитоновым длился долго. После этого Андрей Спиридонович отправился в часть, пообещав ускорить присылку артиллерии.

Начало светать. Присмотревшись к местности, мы поняли, что расположили свой НП крайне неудачно. Пришлось переместиться метров на двести правее. Отсюда было не только лучше видно, здесь, со стороны лощины, имелись и необходимые для нас скрытые подступы. Не теряя времени, принялись копать окопы-щели для себя, связных, связистов. Одежда промокла насквозь, стало холодно.

Увидели рядового Кошкина. В термосе он нес нам еду и еще издали улыбался.

— Кошкин, ты чего такой веселый?

— Рад, что вас отыскал.

— А как ты к нам шел?

— По проводу.

— Раздавай быстрее, а то в животе уже революция, —

попросил Ильин, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

Распределяя пищу, Кошкин сказал:

— Товарищ майор, вас сегодня опять танки гонять будут.

— Почему?

— Раз я вам принес кашу, то так и будет.

— Это по какому же закону, Кошкин?

— Приметил. Как доставлю вам овсянку или «шрапнель», так атакуют…

— Эх, если бы сегодня твои предсказания не сбылись! — вздохнул Ильин.

— А ну-ка, дружище, забирай свой термос и улетучивайся, а то и в самом деле накаркаешь, — не то шутя, не то серьезно посоветовал Кошкину Нефедьев.

Не успел Кошкин сделать и несколько шагов, как к нам подбежал сержант Атаканов. Волнуясь, и оттого плохо выговаривая русские слова, выпалил:

— Там десять, двадцать, тридцать танка идет! — и махнул рукой в сторону переднего края.

— Чьи танки? — спросил Сазонов.

— Немса, немса…

Со стороны села Настеновка надвигалось девяносто шесть вражеских машин. На этот раз они, стреляя, шли под углом к нашему переднему краю, постепенно приближаясь к позиции 3-й стрелковой роты. За танками на бронетранспортерах следовала пехота. Она тоже вела интенсивный огонь. Гвардейцы отбивались. Захлебываясь, стрекотали пулеметы, непрерывно били противотанковые ружья. Однако выстрелов их за общим грохотом не было слышно. Но вот загорелся один танк, остановился другой, окутался дымом бронетранспортер…

Связь с ротами прервалась: вражеский танк намотал на гусеницу провод, который от НП был протянут одной линией во все роты — не из-за лени, а из-за нехватки кабеля. Поддержать подразделения нечем было. Одна надежда на минометы Карнаушенко. Но они хороши против пехоты, а не против брони. Карнаушенко мастерски отсек автоматчиков. Однако танки продолжали двигаться одни. Вот они уже навалились на окопы 2-й роты. Гитлеровцы словно знали, что здесь только два батальона стрелков и нет противотанковых средств. От взрыва связки гранат еще один «тигр» завертелся на месте. А остальные, проутюжив боевой порядок 2-й роты, поползли дальше, но не в глубину, а вдоль линии обороны. Под их давлением наша 1-я рота и 2-й батальон отошли за овраг и снова принялись окапываться. Танки противника вели огонь, а преследовать не решились.

Было обидно до слез потерять столько людей, громивших

захватчиков в ожесточенных оборонительных и наступательных боях… И не потому, что воевать не умели, не потому, что не было средств борьбы с танками, а лишь оттого, что где-то, в каком-то звене не было вовремя организовано взаимодействие, кто-то из командиров неправильно оценил обстановку…

Ведь потом, спустя всего несколько часов, позади нас занял огневые позиции целый истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Окажись он здесь тремя-четырьмя часами раньше, фашистские танки были бы уничтожены и мы не имели таких потерь.

Особенно тяжелый урон понес 1-й стрелковый батальон. В числе тех, кого мы недосчитались, оказался и старший лейтенант Иванников, командир 3-й роты, который пришел к нам в батальон совсем еще неоперившимся юнцом и в короткое время вырос в боевого, толкового офицера. Меньше других пострадали 1-я рота и 2-й стрелковый батальон.

Организовав оборону на новом рубеже и оказав помощь раненым, мы с Сазоновым отправились к командиру полка.

Когда пришли в штаб, Александр Данилович стоял у кукурузной копны.

— Потери?

— Сорок девять человек, — доложил Сазонов.

— У вас? — Харитонов взглянул на меня.

— Восемьдесят семь…

— Ну ладно, ты, Сазонов, молодой комбат, а ты?! — Харитонов обернулся ко мне. — Почему допустил, что противник побил людей при отходе?

— Товарищ подполковник, гвардейцы не отходили, а воевали. Они остались там, в окопах. Вам ведь докладывали, что нужна артиллерия…

Харитонов молча сверли меня глазами, желваки на его скулах судорожно двигались. Ничего хорошего это молчание не предвещало: должен же быть виновник этого поражения…

Не знаю, чем бы закончилась эта наша встреча, если бы из-за копны не вышел заместитель комдива.

— Харитонов!..

Александр Данилович с отчаянием махнул рукой и скрылся в блиндаже. Полковник Гаев потребовал сначала от меня, а потом от Сазонова подробного доклада о том, что произошло. Мы рассказали, доложили и о том, что всю ночь просили подтянуть к нам артиллерию.

— А почему вы неправильно информировали утром командира полка? Сообщали, что занимаете прежние позиции?

— Я докладывал правду. Но буквально через тридцать-сорок

минут началась танковая атака, связь была прервана и об этом я уже не смог донести.

— Так точно, товарищ полковник, — вставил Сазонов, — мы все время были вместе.

— Хорошо, проверим, — и полковник Гаев пошел в блиндаж к командиру полка.

Мы с Сазоновым долго ждали. Появился Мороз и принялся нас успокаивать, дескать, Харитонову сильно досталось от генералов Родимцева и Бакланова. Однако мне от этого не стало легче.

Только много лет спустя, возвращаясь в мыслях к пережитому в тот день, я понял, в каком трудном положении оказался тогда командир полка. Ведь фактически получилось, что невольно он ввел в заблуждение старших начальников, доложив, будто полк занимает прежний рубеж, в то время как танковая группа неприятеля отбросила нас на два с лишним километра.

Наконец в сопровождении своего заместителя майора Фаворова, командира противотанкового дивизиона майора Розанова и полковника Гаева Харитонов вышел из блиндажа и приказал нам с Сазоновым с наступлением темноты восстановить утраченные позиции. Мне придавался дивизион майора Розанова. Фаворов командировался в наши подразделения и должен был контролировать выполнение поставленной задачи.

Мы с Розановым не преминули воспользоваться представившейся возможностью обсудить вопросы, связанные с совместными действиями. Он интересовался, что за танки у гитлеровцев, сколько их. Договорились, что с наступлением темноты он приведет свой дивизион в район моего НП.

Вернулись мы с Сазоновым к себе только под вечер измученные. От Ильина узнал, что в роты вернулись некоторые уцелевшие бойцы, а фашистские танки, напоровшись на плотный артиллерийский огонь, откатились за холм.

Вскоре, как и обещал, к нам прибыл с истребительно-противотанковым дивизионом майор Розанов, а с ним и майор Фаворов. Все вместе мы еще раз уточнили на местности задачу. В это время пришли разведчики. Сержант Атаканов доложил, что на участке 2-го батальона гитлеровцы ведут себя спокойно, а перед 1-м батальоном все время вспыхивает стрельба. Проникнуть к нашим оставленным окопам не удалось, а там, возможно, остались раненые.

Майор Фаворов сказал, что опекать меня он не будет и пойдет с Сазоновым.

— Ну, как будем действовать? — спросил Розанов.

— Давай так, — предложил я, — посадим на твои «виллисы»

сколько сможем стрелков, развернем машины в линию и будем ехать до тех пор, пока противник не откроет прицельный огонь. А как только он это сделает, отцепим пушки. В то время как расчеты будут занимать огневые позиции, пехотинцы выдвинутся на исходный рубеж. Остальные подойдут туда потом. Минометчики прикроют нас…

— Не слишком ли рискованно? Можем потерять матчасть.

— Предложи что-нибудь другое.

— Половину орудий, думаю, надо оставить здесь. В случае необходимости они смогут стрелять прямой наводкой и поддержать действия передовой группы, а остальные потащим, как предлагаешь. На каждый «виллис» посадим по семь-восемь твоих гвардейцев.

— Не возражаю.

Отобрав людей, которые должны были ехать с первой группой пушек, мы объяснили им суть нашего замысла и предупредили, что действовать следует решительно.

Все заняли свои места. Машины, миновав овраг, начали подниматься вверх по полю и находились пока в мертвом пространстве. Пользуясь этим, водители набирали скорость. Когда до наших прежних позиций осталось рукой подать, в небо взвилась ракета и неприятель открыл огонь. Стрелков словно ветром сдуло с «виллисов». Они рванулись вперед, а артиллеристы стали отцеплять и разворачивать орудия. Майор Розанов, перебегая от расчета к расчету, давал установки. Гвардейцы залегли метрах в ста пятидесяти от артиллеристов и принялись окапываться.

Первый бросок прошел успешно. Спустившись с Розановым к оврагу, мы встретили цепи наших солдат во главе с Ильиным и Нефедьевым. Я остался с ними, а Розанов пошел к своим оставленным пушкам, чтобы подтянуть их.

Рубеж нам удалось занять не совсем тот, который удерживали утром: от него нас отделяло метров сто — сто пятьдесят. Всю ночь мы зарывались в землю. Дождь прекратился, и грунт немного просох.

НП разместили на склоне оврага, неподалеку от двух одиноких тополей. Кузьмич с усердием копал щель. Я посоветовал ему сделать ее подлиннее и пouже.

— Да хорошенько замаскируй.

— Все будет в ажуре…

Я пошел в роты. Бойцы работали молча, с какой-то злостью. Чувствовалось, что они горят желанием отомстить за гибель товарищей. Каждым своим нервом я ощущал, что ни один из них не сделает ни шагу назад.

Связался со 2-м стрелковым батальоном. Он почти полностью восстановил положение, только на левом фланге несколько не дошел до прежних своих позиций и находился на одной линии с нами.

Во второй половине ночи к нам явился высокий смуглый капитан и сообщил, что Нефедьев отстранен от занимаемой должности и что он прибыл вместо него. В чем дело? Мы терялись в догадках. Капитан ничего не объяснил, только сказал, что предстоит расследование.

Выслушав это, Нефедьев заявил, что никуда не пойдет и останется в батальоне.

Взошло солнце, туман в низине постепенно рассеялся. Поле казалось пустынным: и люди и техника были упрятаны. Тихо. Как будто и нет войны. Но такое безмолвие на фронте обманчиво. Около двенадцати часов после короткого артиллерийского налета на наши боевые порядки фашистские танки двинулись в атаку. Орудия майора Розанова молчали. Вражеские машины подходили все ближе. Они еще не видели наших пушек — так хорошо за ночь оборудовали и замаскировали свои огневые позиции артиллеристы.

— Иван Григорьевич, — обращаюсь к Розанову, — не пора ли?..

— Подожди, пусть еще подойдут. — А сам тоже заметно волнуется, ведь танков значительно больше, чем орудий.

Несколько пехотинцев на правом фланге 1-го батальона и на левом фланге 2-го, не выдержав этого напряжения, выскочили из окопов и стали отходить. Критическая минута! Я взглянул на Ильина. Он понял меня и пулей бросился в 1-ю роту.

В этот момент ударили наши противотанковые орудия. И сразу же одна из неприятельских машин задымила. Попятившиеся было стрелки вернулись в окопы.

Танки и укрывшаяся в окопах пехота противника открыли сильную стрельбу. Мы отвечали тем же. Истребителям удалось подбить второго «тигра», а вскоре и третьего… Фашистские танки остановились, затем, отстреливаясь, поползли назад и скрылись за скатом холма. Лишь несколько из них продолжали вести огонь.

Постепенно бой затих. Правда, некоторое время еще продолжалась редкая перестрелка, но вскоре и она прекратилась. С наступлением темноты фашисты отступили и заняли рубеж за Настеновкой. Село было сожжено ими дотла. Обо всем этом я доложил командиру полка.

Поздно вечером в батальон прибыли два старших офицера из прокуратуры и политуправления, их интересовали события вчерашнего дня. Мне пришлось подробно рассказать о

случившемся.

— Но ведь людей вы потеряли, когда они отходили? — возразил представитель прокуратуры.

— Нет. Гвардейцы погибли, ведя неравный бой. В этом легко убедиться, если осмотреть позиции.

Мы прошли по местам, где оборонялись 3-я и 2-я роты, и приехавшие удостоверились, что солдаты этих подразделений действительно дрались геройски.

Представители уехали. А мы получили приказ о дальнейшем наступлении. Нефедьев был восстановлен в прежней должности.

Село Настеновка было первым на нашем пути населенным пунктом Полтавской области. Отсюда гитлеровцы начали откатываться за Днепр.

13-я гвардейская стрелковая дивизия перешла к преследованию разбитых частей дивизии СС «Мертвая голова».

ГВАРДЕЙСКАЯ ПОЛТАВСКАЯ

Ночью 20 сентября я получил приказание командира полка вывести батальон из боя и сосредоточить его в районе расположения штаба полка…

Мне не пришлось долго гадать, зачем. Подполковник Харитонов сказал, что к рассвету нужно создать подразделение в составе трех рот автоматчиков, минометной роты и взвода ПТР. Для этого в мое распоряжение передавалась рота автоматчиков Ивана Яковлевича Подкопая и часть личного состава 3-го стрелкового батальона во главе с командиром роты капитаном Сергеем Онуфриевичем Хохичем.

Рано утром меня пригласили в дом, где штабные офицеры разрабатывали план действий. Здесь я узнал, что в дивизии по распоряжению командующего 5-й гвардейской армии создается сводный отряд. Кроме нашего подразделения в него включили истребительно-противотанковый артиллерийский полк, дивизион 32-го гвардейского артиллерийского полка и танко-самоходный полк (в нем было всего четыре самоходки). Во главе этих сил был поставлен заместитель командира дивизии полковник Гаев. После прорыва обороны противника 34-м и 42-м гвардейскими стрелковыми полками отряд должен совершить рейд во вражеский тыл на глубину до 50 километров и захватить на реке Ворскла переправы на участке Михайловка — Кучумовка.

Мне вручили карту с нанесенными на нее тремя вариантами действий отряда. В этот момент в штаб соединения прибыл командующий 5-й гвардейской армией генерал-лейтенант Алексей Семенович Жадов. Он поинтересовался, какую я получил задачу и как думаю ее выполнять. Я доложил. Выслушав меня, Жадов задал еще несколько вопросов, а затем сказал:

— Мы вам собрали автотранспорт со всей армии. Действовать вы должны решительно и смело, нельзя потерять ни одной машины. Трофеи брать разрешается. — Последние слова были произнесены уже полушутливым тоном.

— Есть, товарищ командующий!

Отряд выстроился. Вынесли изрешеченное осколками и пулями Знамя полка, и мы дали клятву выполнить приказ.

Когда заканчивалась посадка подразделений на автомобили, подошел командир дивизии генерал Бакланов и спросил меня, на

чем поеду я.

— На мотоцикле.

Бакланов одобрил мое решение и заметил, что когда командовал механизированной бригадой, тоже предпочитал этот вид транспорта как самый маневренный.

Сводный отряд выступил из села Вязовая в первой половине дня и без боев подошел к переднему краю противника, где 34-м и 42-м полками в обороне гитлеровцев должна была быть пробита брешь. Однако сделать это частям не удалось, и мы вынуждены были остановиться. Обеспокоенные таким обстоятельством, сюда приехали командарм Жадов, командир 32-го гвардейского стрелкового корпуса Родимцев и командир нашей дивизии Бакланов. Жадов потребовал от нас самых энергичных действий.

Решили с наступлением темноты развернуть часть автомашин в одну линию и, ведя на ходу огонь, проскочить через позиции неприятеля. Некоторые водители сняли с моторов глушители. А Карнаушенко установил в кузовах минометы.

Когда стемнело, последовала команда завести моторы. Машины, сопровождаемые самоходными артиллерийскими установками, двинулись в атаку. Гвардейцы открыли огонь. Он был довольно плотным. Прямо с грузовиков стреляли несколько минометов. Били и расчеты противотанковых ружей. Атаку поддержали также орудия истребительно-противотанкового полка.

Мы с Нефедьевым следовали за цепью машин на трофейном мотоцикле БМВ, который вел сержант Драгунов. За нами ехал грузовик со штабом батальона.

Передний край обороны фашистов удалось взломать с ходу. Не давая противнику опомниться, мы ускорили движение. Подразделения действовали смело, напористо.

За линией окопов снова построились в колонну и начали преследовать отступавших. Нам уже казалось, что мы их вот-вот настигнем. Но тут вдруг раздался взрыв. Это враг разрушил мост через ручей. Опять остановка. Топкое место пришлось гатить заборами, бревнами, досками. И хотя переправу соорудили быстро, все же немцы успели оторваться от нас. Почти все лежавшие на нашем пути села были ими сожжены. Не встречая серьезного сопротивления, отряд продвигался вперед всю ночь. Позади осталось около сорока пяти километров. До Ворсклы было совсем недалеко. Вот уже и последний населенный пункт перед рекой. Дома целы. Это показалось странным. Кто-то выстрелил из противотанкового ружья. При свете вспышки мы рассмотрели стоявшие на улице селения машины и орудия. Один грузовик загорелся. В нем были ракеты, и теперь они беспорядочно

разлетались в разные стороны, освещая село, забитое вражеской пехотой и техникой. Наше появление вызвало среди фашистов панику. Многие выскакивали из домов в одном белье. Гвардейцы стреляли по ним прямо с машин. Неприятель все же успел завести танки и на окраине села преградил нам путь, открыв сильный огонь из пулеметов и малокалиберных автоматических зенитных пушек. Чтобы прорвать этот заслон, нужно было хотя бы часть сил спешить, так как наша колонна уже втянулась в село и развернуться не могла. Конечно, тут мы допустили ошибку. Следовало послать вперед усиленную роту. Если бы она завязала бой, остальные обошли бы село и создали условия для окружения гитлеровского гарнизона. Но у нас не было опыта действий на машинах, поэтому мы и попали в такое положение. Однако из него надо было как-то выходить. Рота капитана Хохича при поддержке истребительно-противотанковой батареи и минометчиков Карнаушенко начала наступать прямо по дороге. Рота автоматчиков развернулась влево и тоже двинулась на противника.

Я послал Сапронова и Ильина в хвост колонны, чтобы спешить остальных наших людей и развернуть артиллерию. Бой принимал ожесточенный характер. К Нефедьеву подбежал командир батареи истребительно-противотанкового артполка и заявил, что впереди орудий нет пехотного прикрытия. Нефедьев принялся доказывать, что там находятся автоматчики капитана Хохича. Пришлось вмешаться.

— Пойдемте проверим.

— Пойдемте, и вы убедитесь, что я прав, — не успокаивался командир батареи.

Подошли к одному расчету, ко второму, спросили, где наши пехотинцы. Нам ответили, что их не видно, а впереди, у построек — немцы.

Я крикнул наугад:

— Хохич!

— Я! — отозвался голос со стороны дома, что стоял метрах в ста от орудий.

Мы направились туда. Нефедьев торжествовал.

И вдруг, когда до строения осталось метров пятнадцать-двадцать, в нашу сторону полетели гранаты. Мы бросились вправо и залегли. Раздалось несколько взрывов. Да, у ближайшего дома были фашисты. А Хохич со своей ротой оказался дальше. Получилось нечто вроде слоеного пирога: за населенным пунктом находились танки и часть пехоты врага, перед ними — роты Хохича и Подкопая, позади них — опять неприятель, а перед ним — наши артиллеристы. Пришлось послать им подмогу.

Стрелковый взвод при поддержке двух станковых пулеметов выбил гитлеровцев из построек. Гвардейцы начали на руках подтягивать орудия к передовым цепям. Несколько попыток сбить противника на пути к реке закончились неудачей.

Перед рассветом на землю опустился густой туман. Видимости — никакой. Мы с Нефедьевым, примостившись у плетня, рассматривали карту, пытаясь найти дорогу, по которой можно было бы в обход выйти к переправам. Справа тянулось болото, затем — до самой Ворсклы — лесной массив. Слева поля, за ними лес. К нам подошел полковник Гаев.

— Как дела?

— Плохо, никак не можем пробиться.

— Через двадцать минут общая атака. Скоро подойдет артиллерийский полк. Но мы, не дожидаясь его, должны захватить переправу, пока туман.

В условленное время поднялись. Но снова напоролись на сильный огонь пулеметов и малокалиберной артиллерии.

Тогда полковник Гаев приказал оставить на месте роту Подкопая, чтобы она прикрыла огневые позиции артиллерии, а остальные силы батальона отвести назад, уничтожить захваченную технику врага, затем пешком преодолеть болото, скрытно подойти к противнику и внезапным ударом захватить переправу.

Согласно этому приказу мы и начали действовать. Я повел отряд к болоту. Зеленая тухлая вода доходила до пояса. А там, где было помельче, стеной вставали заросли камыша. Впереди шел я, за мной командир 2-й роты Сафронов, за нами гуськом остальные. Бойцы несли на себе станковые пулеметы, ружья ПТР, минометы, лотки с минами. Идти было тяжело, люди не спали уже около двух суток. Тем, кто шел позади, приходилось особенно трудно. Поэтому мы перестроились и дальше двинулись тремя колоннами. По многим признакам болото должно было скоро кончиться. Мы остановились. Решил разведать, что делается на противоположном берегу. Со мной отправились капитан Ерофеев и Кузьмич. Осторожно выбрались на твердь. За болотом увидели поля с убранным хлебом. Под копнами десять-двенадцать немецких танков и около них группы пехотинцев. Если враг обнаружит нас на болоте, не избежать больших потерь, не говоря уже о том, что мы не выполним задачу. Пришлось повернуть подразделения на девяносто градусов влево и идти вдоль берега. Людей предупредили, чтобы они были осторожны и ни одним звуком не обнаружили себя. Теперь впереди был Ерофеев, за ним я, а за мной колонны.

— Это не болото, а так… чепуха, — вполголоса говорил

Ерофеев. — Я ведь охотник. Кубанские плавни исходил во всех направлениях. Так что эту лужу преодолеем запросто… Вот только беда с моим радикулитом, опять придется маяться…

Наконец вышли на берег. Перед нами открылся луг. За ним виднелся лес. Перебежками проскочили открытое место, скрылись в зарослях — и сразу будто гора свалилась с плеч. К Ворскле подошли тихо, никем не замеченные. Неприятель как раз переправлялся. Мы заняли исходное положение. Карнаушенко произвел небольшой огневой налет, и мы пошли в атаку. Силы, конечно, были неравными. Все же гитлеровцы переполошились и поспешили уничтожить переправу.

В это время подоспели главные силы дивизии, и фашисты были разгромлены. Сводный отряд тут же расформировали.

39-й гвардейский стрелковый полк получил приказ: наступая в первом эшелоне дивизии, перейти вброд Ворсклу и наступать в направлении Полтавы.

В ночь на 22 сентября мы благополучно преодолели реку, разбили вражеский заслон и устремились к городу. К концу следующего дня части 13-й гвардейской дивизии во взаимодействии с другими соединениями Степного фронта создали угрозу окружения полтавской группировки противника.

23 сентября Полтава была освобождена. Вечером стало известно, что нашей дивизии присвоено наименование Полтавская.

Мы ликовали. В соединении и в частях состоялись митинги. Гвардейцы клялись и дальше драться не щадя жизни, чтобы ускорить день окончательной победы над фашизмом.

Дивизионная газета «На разгром врага» выпустила листовку, в которой говорилось: «Гвардейцы-полтавчане, нас ждет Днепр. Сегодня вся наша страна, весь советский народ услышал о нас. Как и более двухсот лет назад русские чудо-богатыри у Полтавы разгромили иноземных захватчиков, так мы, гвардейцы, разгромили немецких оккупантов. Советский народ сказал нам спасибо. Родина салютовала нам. Наше боевое Знамя овеяно новой славой победы. Мы — полтавчане. Это звучит гордо. Сегодня, в торжественный день, мы еще раз присягаем нашей Родине: умножим славу русского оружия в боях, очистим родную землю от немецко-фашистских захватчиков… Нас ждут еще тысячи советских людей, изнывающих на гитлеровской каторге. Нас ждут родные берега Днепра. На салют Родины ответим новыми боевыми подвигами. За Днепр! За Родину! Вперед, гвардейцы-полтавчане!»

Дивизия стремительно наступала. Вот уже форсирован Псел. На горизонте показались крутой правый днепровский берег и

Кременчуг. 29 сентября части соединения вели бои в Кременчуге, а наш полк — справа от города выходил к Днепру. Настроение у всех приподнятое. У меня не выходила из головы песня:

Ой, Днепро, Днепро,
Ты широк, могуч.
Над тобой летят журавли…

Ни с чем не сравнить чувство, когда гонишь врага!

На марше нас встретил командир полка подполковник Харитонов. Торопил. Мы и сами спешили. Когда-то думалось: дождаться бы такого момента, чтобы увидеть, как будут бежать фашисты, тогда и погибать не так обидно. Дождались этого часа и стали мечтать: дойти бы до Днепра. Теперь Днепр — вот он. А настроение — на ту сторону скорее попасть, дойти до границы и поставить на прежнее место пограничные столбы.

До реки километра полтора.

— Андрей Тимофеевич, оставайся-ка ты здесь, — предложил я Нефедьеву. — Расположи минометчиков, хозяйственный взвод. Позаботься об обеде, а мы с Ильиным пойдем с ротами, займем оборону, попьем сами и тебе пришлем днепровской воды.

— С каких это пор комиссару полагается оставаться в тылу? — полушутливо заметил Нефедьев.

Верхом на лошади подъехал Петр Георгиевич Мощенко.

— Привет, сегодня еще не виделись. Куда собрался?

— На берег.

— Я буду левее тебя. Сейчас подойдут подразделения — и тоже туда.

— Давай дерзай, как говорил Щур, там и увидимся.

— Хорошо бы выкупаться в Днепре… — мечтательно произнес Петр.

— Сейчас фрицы не дадут, а вот когда будем форсировать, пожалуй, хочешь не хочешь — придется…

Уже смеркалось, когда мы с Ильиным вышли к воде. Там скопилось множество солдат, и каждый старался напиться из Днепра. Кто набирал в каску, кто зачерпывал просолившейся от пота пилоткой, кто пригоршнями, а некоторые просто ложились на живот и пили прямо из реки…

Мы с Ильиным определили позиции для рот, дали команду отрыть окопы, выставили охранение, подыскали место для НП, организовали связь.

Гвардейцы начали гадать, когда будем форсировать Днепр.

— Наверное, завтра. Это же не Ворскла и не Псел. Надо подготовиться.

— Такую реку запросто не перешагнешь…

— А может, будем обороняться, пока льдом покроется?

Раздался смех.

— Волга пошире, а морозов не ждали, под бомбежкой и обстрелом переправлялись.

— Были бы на всех водолазные костюмы, — размечтался кто-то, — прошли бы по дну и фрицам: «Хенде хох!»

Опять смех.

— Вот если бы нам плавающие машины дали. Да побольше. Вот тогда действительно фашистам был бы хенде хох!

Других интересовали вопросы питания.

— Скоро ли кухни придут?

— Галушек захотелось?

— Так я ж полтавчанин!..

По радио я доложил командиру полка о выполнении задачи. Потом вместе с Ильиным зашли в ближайшую хату — уют, чистота… Мы уж и забыли, когда садились за выскобленный добела стол. Хозяйка угощает. На столе появился отварной картофель, крупные красные помидоры, малосольные огурцы, бутылка домашней наливки. Мы на ходу отведали всего понемногу, поблагодарили за гостеприимство и вышли на улицу. Время от времени с правого берега била неприятельская артиллерия.

Откуда-то из-за хат прямо на нас вылетел всадник, держа на поводу еще одну оседланную лошадь.

— Не видели майора Исакова? — крикнул он и, очевидно узнав меня, круто осадил коня.

Это был сержант Чмырь, ординарец Нефедьева.

— Комиссара ранило и майора Мощенко… Одним снарядом обоих. Они там, где хозяйственный взвод. Просили приехать, вот и Голубку привел, — выпалил Чмырь.

Оставив на НП Ильина, я вместе с Чмырем поскакал к Нефедьеву. Лошадь еще не остановилась, а я уже соскочил и — в хату. Глазам стало больно от света яркой лампы. Не сразу разглядел, что пострадавшие уже перевязаны и лежат на кроватях, обложенные подушками. Возле них суетилась пожилая, очень полная симпатичная женщина.

— Батальоном остался командовать капитан Павленко, в случае чего, помоги ему, — попросил меня Мощенко. — Долго валяться не собираюсь, скоро вернусь, и вообще дальше медсанбата не пойду.

— Я тоже, — заявил Нефедьев.

Убедившись, что боевые друзья мои хорошо устроены и ни в чем, кроме покоя, не нуждаются, я пожелал им быстрейшего

выздоровления и отправился в обратный путь.

Наутро нас, комбатов, вызвал подполковник Харитонов. С ним поехали к командиру дивизии, от которого получили приказание форсировать Днепр.

В течение дня предстояло собрать в прибрежных селах имевшиеся там лодки, бочки, бревна, из которых можно было бы связать плоты или что-то другое, способное удержать на себе хотя бы несколько человек. Обещали подбросить и табельные переправочные средства.

Генерал Бакланов спросил командиров полков, как поняли задачу, потребовал доложить решение. Обращаясь ко всем, комдив сказал:

— Нужно очень серьезно отнестись к подготовке, позаботиться о переправочных средствах, создать резерв этих средств, провести тщательную разведку, распределить подразделения по лодкам, все рассчитать, составить графики, чтобы не было сутолоки. На противоположном берегу действовать энергично и напористо, закреплять каждый захваченный метр.

Начальник политотдела попросил провести в подразделениях партийные и комсомольские собрания и разъяснить значение предстоящих действий, чтобы коммунисты и комсомольцы, как и всегда, были в бою примером для всех.

Первыми начали форсировать Днепр автоматчики капитана Ивана Яковлевича Подкопая. Выбор на это подразделение пал не случайно. Сам Подкопай впервые встретился лицом к лицу с врагом в сорок первом году под Киевом. Он проявил себя храбрым и способным разведчиком. Не одного фашиста захватил тогда в плен этот смелый, немногословный сержант. У нас даже говорили, что у него особый нюх на гитлеровцев. В сорок втором году он уже был лейтенантом и командовал ротой автоматчиков. Подразделение это прославилось смелостью, бесстрашием. В бойцах словно бы повторялся мужественный характер их командира.

Мне нравилось, что Иван никогда не похвалялся своей храбростью, не бравировал ею, зря не рисковал. Но уж если дрался, то на совесть. После одной из октябрьских ночей в Сталинграде о нем с восхищением и гордостью говорили во всей дивизии, хотя сталинградцев трудно было удивить геройством. А произошло тогда вот что. Ценой больших потерь фашистам удалось пробиться через боевой порядок дивизии и выйти к Волге. Часть войск, в том числе и наш полк, оказалась отрезанной от основных сил 62-й армии. Восстановить положение, уничтожить прорвавшихся к Волге выпало на долю роты Ивана Подкопая. Автоматчики дрались с таким упорством, с такой

яростью, каких даже мне, человеку, провоевавшему всю войну в пехоте, не приходилось видеть ни до, ни после этого. По силе враг превосходил это подразделение примерно в три-четыре раза. Однако рота смело вступила в бой с гитлеровцами и уничтожила их. Положение было восстановлено.

Теперь тоже был октябрь, но как много переменилось с тех пор! Уже не оккупанты теснили нас, а мы гнали их прочь с нашей земли.

Под покровом ночи автоматчики начали переправляться через реку, чтобы вцепиться в кромку противоположного берега и дать возможность полку преодолеть водную преграду.

1-му и 3-му батальонам 39-го гвардейского стрелкового полка предстояло форсировать реку следующим вечером. Все было рассчитано и подготовлено заранее. Подразделения находились неподалеку от берега. Меня вызвал командир полка и назначил своим заместителем на том берегу, поручив координировать действия стрелковых батальонов и роты автоматчиков.

Перед нами простирался голый песчаный остров, плоский как стол, за ним — пересохшее старое русло Днепра и высокий, покрытый лесом правый берег.

Солнце близилось к закату. Я обдумывал, как лучше действовать, и очень сожалел, что со мною не было Нефедьева. Пришел почтальон и протянул мне письмо. Глянув на конверт, я увидел, что письмо из дому, от отца. После приветствий и пожеланий скорейшей победы шли строчки, которые резанули сердце недобрым предчувствием: «Будь, сынок, мужественным…» Так и есть! Отец писал: «Нас постигло горе, большое несчастье, виной которому война… Твой брат, наш дорогой Петя, погиб 18 августа 1943 года в боях с немецкими захватчиками и похоронен в городе Краснодаре. Воевал так же, как и ты, в гвардии. Ты должен отомстить за смерть брата, но не будь безрассудным, без толку не рискуй… Мы трудимся на колхозных полях и в меру своих сил помогаем вам. Наш колхоз сдал два плана хлеба в фонд обороны…» Дальше шли приветы и пожелания родственников, но это уже прошло мимо сознания.

Много смертей довелось увидеть за годы войны. Я терял боевых друзей и тяжело переживал их гибель. Но то, что теперь нет у меня брата, которому только в июле исполнилось двадцать лет, казалось невероятным!

Вспомнились детские годы. Когда родился брат, отец принес меня в комнату и посадил на сундук, покрытый домотканым рядном. На голове у меня был повязан платок, словно на девочке. А мне не хотелось быть похожим на девочку. Какая-то бабушка купала маленького в деревянном корыте, а он кричал, и бабушка

приговаривала:

— Цэ будэ, Петя, Петушок…

Вспомнился сад и то, как мы с Петей по заданию дедушки рвали вишни. Каждый должен нарвать по ведру, тогда можно идти на пруд купаться. И вот Петя, стараясь дотянуться до самой макушки дерева, вдруг сорвался и упал головой вниз. Он лежал с закрытыми глазами, а я просил его открыть их и говорил, что он может идти купаться, а я нарву два ведра вишен. Но Петя не откликался. Тогда я с криком побежал в другой конец сада за дедушкой…

А вот перед глазами встал голодный тридцать третий год. Мать собрала вещи, которые имели какую-то ценность, чтобы идти в аулы к карачаевцам, за Кисловодск, и выменять немного кукурузной муки. Нас четверых она оставила в нетопленном доме и разделила лепешки с начинкой из крапивы на столько порций, сколько дней ее не будет. Но не успела мать выйти на окраину хутора, а мы уже съели первую пайку, потом принялись за следующую — и так, пока не осталось ни крошки. От голода мы все распухли… Потом была весна. Мы в огородной бригаде культивировали свеклу. Петя вел лошадь под уздцы (запретили ездить верхом), а я, уцепившись за чепиги культиватора, шел за ним. К обеду уже не я им управляю, а он мною. На целый день двести граммов хлеба из полусгнившей сои. А утром волк на лугу запорол жеребца, и вся бригада потрошила коня. Нарезали и мы с Петей мяса и побежали домой варить его. Положили два самана, с крыши сарая взяли камыш и стали топить. Есть так хотелось, что не успевали глотать слюну. Петя сказал, что, наверное, уже готово, и мы принялись уплетать полусырое мясо без хлеба. После у меня началась рвота, а Петя стоял с кружкой и просил:

— Вань, выпей, пройдет…

Позже — я младший командир в училище, а он студент сельхозтехникума. Мы встретились в Орджоникидзе, я получил свои штатские вещи и передал ему костюм, ботинки и все остальное. Старшина торопил в строй, и мы простились. Разве я мог думать, что это наша последняя встреча! И вот у меня нет брата. Фашисты, которые убили его, — за Днепром. Не пройдет теперь мимо меня живым ни один… Хоть я не пулеметчик и не артиллерист, но поклялся отомстить…

Подошел Кузьмич. Помолчал. Скрутил цигарку.

— Что, плохое письмо?

— Брата младшего убили…

— А вы все: «Отведи, Кузьмич, в штаб». А на что их туда водить?..

— Найди-ка, Кузьмич, для меня, да и для себя, по большой

саперной лопатке. Только укороти наполовину держаки, на том берегу с маленькой, пожалуй, не управимся. И в лодке она пригодится вместо весла.

— Скорей бы уж темнота, невмоготу ждать, — с этими словами ко мне подошел секретарь партийной организации батальона старший лейтенант Сергей Фомич Каралаш.

— Темнота темнотой, но сначала переправится третий батальон, а потом уже наш, так что надо набраться терпения.

Наконец наступил вечер. В полной тишине погрузились и так же тихо отчалили подразделения 3-го стрелкового батальона. Вслед за ними стал переправляться и 1-й батальон. Наша лодка мягко воткнулась носом в песок. Мгновение — и мы на берегу. Под ногами скрипел песок. Не успели пройти и несколько шагов, как встретили капитана Павленко, который замещал раненого Мощенко, и капитана Подкопая. Подкопай сообщил все, что успел узнать о противнике. Автоматчики Подкопая сумели выбить гитлеровцев из траншеи и в течение дня отразили несколько контратак.

— Что делать дальше? — спросил Павленко.

— А люди твои где?

— Лежат вдоль берега. Окопались. Здесь это легко: песок.

— Сейчас подойдут остальные лодки. Высадится батальон — и в атаку. Думаю, атаковать будем одновременно.

— Правильно! — поддержал меня Подкопай и предложил: — Моя рота может быть направляющей, мы здесь уже хорошо ориентируемся.

Теперь на острове находился весь 39-й гвардейский стрелковый полк, за исключением подразделений, которые обеспечивали форсирование. Со мной переправились радист с радиостанцией и два телефониста, они разматывали катушки кабеля еще в лодке, прямо на воде, и сразу обеспечили нам телефонную связь с командиром полка. Подполковник Харитонов утвердил наше решение и, заканчивая разговор, добавил, что артиллерия подготовила огонь и ждет от нас сигнала.

Противник либо проморгал нашу переправу, либо вообще не предполагал, что мы будем форсировать Днепр на этом участке. Так или иначе, переправе он не помешал.

Батальоны молча поднялись в атаку. Когда поравнялись с ротой автоматчиков, те громко закричали «ура». Их поддержали остальные, и все дружно устремились вперед. Заговорили неприятельские пулеметы и минометы. Однако мины рвались где-то позади. Мы продвинулись в глубь острова. Внезапно все вокруг озарилось яркими вспышками, и мы увидели, что несколько наших бойцов, объятые пламенем, катались по песку, а двое —

живые факелы! — бежали к речке. Оказывается, фашисты посадили на берегу огнеметчиков. Нам понадобилось всего несколько минут, чтобы полностью уничтожить это подразделение. Уцелел лишь один гитлеровец, схваченный автоматчиками.

Пленного подвели ко мне. В этот момент телефонист со словами: «Вас вызывает комдив» — передал мне трубку.

— Товарищ Блинов! Докладывает Иванов, — сказал я (такие были у нас условные фамилии).

— «Языка» немедленно доставить ко мне на левый берег, грузите на любую лодку, — раздался в трубке баритон генерала Бакланова.

— Есть! — И, возвращая трубку, спросил связиста: — Откуда генерал узнал, что мы захватили фрица?

— Я сообщил…

— А кто тебя просил?

Солдат промолчал.

Гитлеровца повели к лодке.

Сопротивление противника усилилось. Открыла огонь его артиллерия. Наши орудия тоже не умолкали. Они били и по вражеским траншеям на берегу старого русла, и по опушке леса, и по тылам. Из-за плотного огневого заслона продвигаться стало невозможно. До неприятельской траншеи оставалось каких-нибудь сто — сто двадцать метров. Мы несколько раз поднимались в атаку. Однако успеха не добились. Взошло солнце. Пришлось окапываться.

Перестрелка продолжалась весь день.

Рыть окопы в песке не составляло труда, но от разрывов снарядов даже на довольно большом расстоянии они осыпались, и в них легко было оказаться заживо похороненным. Смекалка и природный ум не раз выручали солдат на войне — выручили и на этот раз. Додумались копать окопы в виде опрокинутого вершиной книзу треугольника — широкого сверху, узкого снизу. Когда очень хотелось пить, копали глубже — и тогда на дне появлялась хорошая холодная вода. Но и после того, как такой окоп был готов, из него нужно было все время выбрасывать песок. Песочного окопа хватало максимум на один день, и то к вечеру он терял свою первоначальную форму и превращался в круглую воронку.

Командир хозяйственного взвода Гаркавенко сумел вечером доставить на плацдарм горячую пищу, но накормить людей оказалось чрезвычайно трудным делом, так как мы находились совсем близко от немцев, а местность беспрерывно освещалась. Тем не менее еда была роздана. Кроме того, все получили сухой

паек на день. Воспользовавшись темнотой, мы эвакуировали раненых.

Подполковник Харитонов передал с того берега, что на рассвете будет дан залп РС («катюш»), за ним последует пятиминутный мощный огневой налет, который завершится новым залпом РС. После этого мы должны взломать оборону противника и расширить плацдарм. Однако, несмотря на мощную артиллерийскую поддержку, атака опять не увенчалась успехом. Так продолжалось несколько суток подряд.

С саперами на остров приплыл майор Мороз, чтобы оборудовать НП для командира полка. От него я узнал: правее нас должна переправиться какая-то дивизия. Действительно, всю ночь позади нас причаливали и выдвигались на правый фланг соседние подразделения. Замешкавшись с переправой, они не успели до рассвета занять указанный рубеж и окопаться. Им пришлось это делать в светлое время под сильным огнем.

Днем перестрелка временами переходила в ожесточенный огневой бой. Хотя кругом был песок, оружие работало безотказно. Вечером Ильин, я и Каралаш поползли в роты подбодрить людей. Теперь многое зависело от того, сумеем ли мы преодолеть стометровую песчаную полоску, отделявшую нас от противника. Хорошо понимая это, гвардейцы жаждали добраться до твердой земли, до леса, чего бы это ни стоило.

Доложив командиру о потерях и о принятом нами решении, я попросил его помочь артиллерийским огнем. Он ответил, что уточнит нам задачу немного позже. В окопе, расположенном несколько правее НП, находился Подкопай. Я пробрался к нему и ахнул — сидит в мелкой воронке и в ус не дует.

— Что же ты, лихой автоматчик, порядочного окопа не выкопаешь?

— А ну его к чертям, надоело… Сколько ни копай, все равно осыпается.

— Потери большие?

— Хватает… Но всех вытащили, отправили на ту сторону.

— Вот и начальство! Вас-то я и ищу, — послышался голос Мороза, и он с размаху плюхнулся на землю возле Подкопаевской воронки. — Слушайте: на рассвете снова будет мощный огневой налет. С последним залпом РС — в атаку. По этому же сигналу вместе с вами атакуют и переправившиеся вчера подразделения соседней дивизии. Объекты и направление атаки прежние.

Мороз перебежками направился в 3-й батальон к Павленко, а я — к себе в окоп. Кстати, позади моего, метрах в трех, был окоп Кузьмича. Это тоже наука острова: если засыплет одного, другой сможет быстро его откопать. Меня ждали Ильин, Каралаш и

телефонист. Едва мы начали обсуждать, кому где быть во время завтрашнего боя, как подполковник Харитонов сообщил мне по телефону приказ комдива передать оставшихся людей капитану Павленко, а самому со своим штабом и частью офицеров вернуться на левый берег, чтобы получить новую задачу.

Для меня это было неожиданностью. Батальон наш был сильно потрепан. Из всех подразделений удалось создать лишь одну роту. Ее передали в подчинение командира 3-го стрелкового батальона. Ильин, командир 2-й роты Сафронов, командир пулеметной роты Попов, Каралаш, Кузьмич и я, простившись с Подкопаем, Павленко и Морозом, переплыли Днепр и прибыли в штаб полка, размещавшийся в каком-то подвале. Довольно долго ждал я командира полка, который был у комдива, наконец он приехал.

— А… выходец с того света! Прибыл? — и приказал налить мне водки.

— Ничего не хочу — только спать.

— Ну ладно, езжайте в свой хозвзвод. Через день-другой получите пополнение, укомплектуете батальон, тогда и поговорим.

Рано утром на плацдарме загремела артиллерия. Потом 39-й гвардейский стрелковый полк во взаимодействии с соседним атаковал фашистов. Те крупными силами перешли в контратаку на наш правый фланг. Некоторые из переправившихся ночью бойцов попятились. На какой-то миг возникло замешательство. Тогда во весь рост поднялся Иван Подкопай и повел за собой автоматчиков. Их стремительный натиск был поддержан остальными подразделениями 39-го полка. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Короткие очереди перемежались со взрывами гранат, лязгом штыков и прикладов. Подкопай, словно заговоренный, продвигался со своими ребятами в глубь обороны врага.

Майор Мороз и командир 1-й роты капитан Мирошниченко рассказывали потом, что гвардейцы дрались храбро. Ворвавшись наконец в траншеи, они истребили всех сопротивлявшихся гитлеровцев.

В архиве Министерства обороны СССР хранится донесение, в котором указывается, что гвардии капитан Подкопай Иван Яковлевич со своим подразделением сыграл решающую роль в захвате, удержании и расширении плацдарма на Днепре в районе Кременчуга.

В ночь на 9 октября нашу дивизию сняли с плацдарма и вывели на левый берег. Здесь соединению был вручен орден боевого Красного Знамени, которого она удостоилась за

беспримерную битву на Волге. С волнением смотрели мы, как прикрепляли награду на гвардейское знамя рядом с орденом Ленина. На митинге командарм генерал-лейтенант А. С. Жадов подчеркнул, что личный состав 13-й гвардейской стрелковой дивизии в боях за Днепр вновь проявил массовый героизм, что здесь отличились все — саперы и связисты, пехотинцы и артиллеристы, минометчики и разведчики. Большая группа воинов, сказал он, будет представлена к правительственным наградам, а командир роты автоматчиков 39-го полка Иван Подкопай — к высокому званию Героя Советского Союза.

Комплектуя батальон, я испытывал двойственное чувство. При виде того, как поредели ряды боевых товарищей, сердце щемило, и трудно было унять эту боль. Говорят, сколько ни есть у матери детей, все они, словно пальцы одной руки: какой ни отрежь, одинаково больно.

В то же время в душе рождалась гордость, что на смену погибшим пришли такие же хорошие ребята, с такой же непреклонной решимостью драться с врагом до победного конца.

Жив 1-й батальон!.. И я был уверен, что будут жить и его славные боевые традиции.

Нам предстояло совершить марш и переправиться через Днепр на уже захваченный плацдарм в районе населенного пункта Мишурин Рог. Наши войска продолжали его расширять.

В этих боях приняли участие и мы. Во второй декаде октября батальон ночной атакой выбил противника из небольшого селения. Командир полка подполковник Харитонов по радио приказал нам с утра наступать на Попельнастое и к концу дня овладеть им. Нам предстояло развернуть свой фронт градусов на девяносто.

Неприятель оборонялся за лощиной, на скатах, обращенных в нашу сторону. Позади них я в бинокль разглядел несколько уцелевших домов, возле которых стояли танки с крестами на броне. Я собрал командиров подразделений, чтобы сообщить им о полученной задаче. В это время в селение вошло пятьдесят или шестьдесят тридцатьчетверок. Я пошел к ним узнать, откуда они и с какой целью сюда прибыли. Оказалось, что танкисты тоже будут наступать на Попельнастое.

Это было просто здорово!

Неожиданно офицер, с которым мы беседовали, закрыл планшетку и поспешил к своему подразделению, бросив на ходу:

— Генерал едет!

Почти тотчас же неподалеку остановился «виллис» и из него вышел невысокий плотный генерал. Командир танковой бригады

стал что-то докладывать ему, показывая рукой в сторону противника. Я приблизился к ним.

— Что здесь у неприятеля? — спросил генерал.

— Пехота и танки.

— Сколько и где они?

— Наблюдается пять-шесть.

— А сколько не наблюдается?

— Пока не установлено.

— Что предпринято для того, чтобы установить?

— Выдвигали вперед одну машину.

— Выдвинуть три. И чтобы маневрировали на большой скорости. Всем наблюдать. Где у вас НП?

Танкист показал на невзрачный окопчик неподалеку.

Генерал подошел, посмотрел, но в укрытие не спустился. Стоя он начал наблюдать за выдвигавшимися Т-34 и за противником. Поинтересовался, есть ли здесь представители пехоты, артиллерии. Я представился. Генерал спросил:

— Какова ваша задача?

— К исходу дня овладеть Попельнастое, — доложил я.

— Не отставайте от танков.

Во время разговора генерал ни разу не обернулся, продолжая внимательно наблюдать за гитлеровцами, часто поглядывая вправо. Посмотрел туда и я, но ничего не увидел. Спустя некоторое время в наш район прибыла еще одна танковая бригада. Все чего-то выжидали. Наконец генерал сказал:

— Появилась. Приготовиться!

Проследив за его взглядом, я заметил, что по гребню холма двигалась внушительная танковая колонна. Поскольку это было в тылу у немцев, я, естественно, в первую минуту подумал, что это вражеские машины.

События развивались с молниеносной быстротой. Фашистские танки открыли огонь — и одна наша тридцатьчетверка загорелась. Вспыхнула и немецкая машина. Бригада, в которой находился генерал, тотчас же развернулась и пошла в атаку. Гитлеровцы попытались сопротивляться, но, видя, что будут неминуемо смяты, стали отступать и попали под удар колонны, которая зашла им во фланг. Неприятельские танки заметались, стремясь вырваться из тисков, но почти все были уничтожены.

Нашему батальону ничего не оставалось, как следовать за танками и добивать не сдавшихся вражеских солдат. Несмотря на дождь и непролазную грязь, гвардейцы продвигались быстро. Однако за тридцатьчетверками все же не поспевали. Они развили высокую скорость и ушли вперед.

Прискакавшие на лошадях разведчики доложили мне, что в одной из балок они обнаружили группу фашистов. У них было два танка, несколько бронетранспортеров и много машин.

— Танкисты проскочили мимо. Наверное, не заметили…

Не успел я добежать до 1-й роты, которая шла в голове колонны, как она, не дожидаясь ни артиллерии, ни минометов, развернулась и с криком «ура» бросилась на противника. Конечно, такое решение ротного — крайне рискованное и смахивало на авантюру. Но гитлеровцы, видимо, были уже деморализованы. Они бросили технику и стали спасаться бегством. Далеко не всем им удалось вырваться из балки.

Мы не воспользовались трофейными автомобилями — некогда было ими заниматься.

К вечеру батальон вошел в Попельнастое, где наши танкисты добивали разрозненные группы врага. В Попельнастое оказались склады с военным имуществом и продовольствием.

Стрелковые подразделения заняли позиции впереди танкистов и начали окапываться. Я доложил по радио командиру полка, где мы. Утром он приказал наступать в направлении Ганновки и далее на станцию Зеленый Барвинок.

На окраине Попельнастое нам встретилась большая группа людей, угнанных гитлеровцами с левого берега Днепра. Что тут было! Измученные, оборванные женщины, старики, подростки бросились нас обнимать. Они плакали от радости. Местные жители выходили на улицы с хлебом-солью.

— Каралаш, — попросил я своего замполита, — поговори с людьми, а мы дальше двинемся…

Однако вскоре на нашем пути опять появилась толпа народа. Крестьяне просили остановиться хоть на минутку, перекусить, утолить жажду. И опять — счастливые слезы, улыбки радости.

Пришлось спешиться, зайти в первую попавшуюся хату. Нас потчевали, расспрашивали. Я поблагодарил за угощение, за добрые слова и сказал:

— Товарищи, друзья, нам нужно идти вперед. Там еще много советских людей, которые ждут Красную Армию так же, как ждали вы…

Сев на лошадей, мы поехали догонять своих. Впереди колонны шел взвод разведки: одно отделение — по правому склону балки, другое — по левому, а третье — по дну, где пролегала дорога. Командир взвода доложил, что неприятеля не видно. Издали заметили трех человек, скрывшихся за холмом. Кругом — тишина, ни единого выстрела.

— Давайте проскочим вперед, — предложил Михаил Иванович Ильин.

Конечно, с ним не нужно было соглашаться; неразумно командиру отрываться от своего подразделения. Но я почему-то не сделал этого, а еще подзадорил Ильина.

— Да с вами просто неинтересно скакать. Моя Голубка сразу же оставит вас позади.

— Посмотрим!

Мы помчались. Сперва от нашей группы отстал Сокур, потом Карнаушенко. Мы с Ильиным остались вдвоем. Дорога из балки вела в гору. Вихрем вынеслись наверх — и вот она, Ганновка! У крайних хат стояли несколько женщин. Мы подъехали к ним.

— Здравствуйте, хозяйки! Фрицы далеко?

— Нет, сейчас только здесь были, может, еще до того края села не доехали.

Подлетел и Карнаушенко со словами: «У меня не лошадь, а трус и паникер!»

Одна из женщин сказала:

— Товарищ начальник, вон там, в вишеннике, немцы.

— Не может быть! Ведь мы только что проехали мимо тех кустов.

— Вот крест вам перед святою иконою!

Ильин в недоумении поднял на меня глаза, и я для очистки совести, так как был уверен, что в зарослях никого нет, спросил Карнаушенко:

— Ты видел гитлеровцев?

— Нет.

— Если бы они там сидели, то давно перестреляли бы нас, как куропаток! — воскликнул Ильин.

Я вскочил в седло и вытащил пистолет. То же самое сделал и Ильин. Мы направились к указанному женщиной месту. Когда до него осталось метров пятьдесят, из-за веток показалось несколько касок. Обстреляв кустарник, я повернул Голубку к хате. Вдогонку раздались выстрелы. Ильин соскочил с лошади и скрылся за домом. Спешился и я.

— Подержите, пожалуйста! — Я сунул поводья какой-то тетке.

— Ой, лышенько, шо ж воно будэ?! — трясясь от страха, запричитала она.

Я приказал Ильину бежать навстречу разведчикам, а Карнаушенко — за угол соседнего строения.

— Если пойдут сюда, стреляй!..

Фашисты открыли огонь из карабинов. Видимо, автоматов у них не было. Мы отвечали из пистолетов. У меня кончилась обойма. Я сменил ее, а пустую снаряжал, не спуская глаз с зарослей. Прошло минут пятнадцать — двадцать. Немцы никаких

активных действий не предпринимали. Сколько их там — неизвестно, но мне казалось — немного. Тут подоспели наши автоматчики. Их привел Ильин. Раздались очереди, взрывы гранат, возгласы «ура», потом все стихло.

Ильин раздвинул ветки. На земле мы увидели семерых убитых, среди них обер-лейтенант. У них даже окопов не было, просто сидели в кустах, как зайцы.

Подошли основные силы батальона. Вечерело. Миновав Ганновку, мы решили сделать привал. Здесь нас догнал взвод 45-миллиметровых орудий. На всякий случай их установили у дороги. Появился с кухнями Гаркавенко. Когда люди были накормлены и мы уже собирались в путь, меня вызвал по радио генерал Бакланов.

— Ты немцев побил в Ганновке? — жесткий голос генерала не предвещал ничего хорошего.

— Так точно, товарищ генерал…

— К утру должен быть пленный. Если не добудешь, пеняй на себя.

А где его взять? Стал прикидывать. Подозвал сержанта Атаканова и приказал ему:

— Посмотрите, может быть, где-нибудь притаились…

Только гвардейцы отошли, как донесся возглас:

— Камарад!..

Нам повезло. Мы увидели высокого молодого немецкого солдата. От волнения он то и дело облизывал пересохшие губы. При обыске у него была изъята одна граната и затвор от пулемета МГ-42. Не мешкая, мы отправили его в штаб дивизии.

Батальон начал оборудовать занятые позиции. Ночи стали холодными, поэтому бойцы старались утеплить окопы. Два связиста направились к стоявшей неподалеку скирде, чтобы набрать по охапке соломы. Они обнаружили там группу спящих гитлеровцев. Самым правильным было бы сообщить об этом в роту, находившуюся в каких-нибудь двухстах метрах. Но один из связистов выстрелил. Фашисты подхватились и бросились врассыпную. Пленить удалось только одного зазевавшегося вражеского солдата. Его доставили в штаб батальона.

Кузьмич стал позади фашиста и с такой ненавистью сверлил его глазами, что я понял: только дисциплина удерживала его от немедленной расправы. Хозяйка хаты, уже немолодая женщина, взмолилась:

— Товарищи начальники, сынки, не убивайте его здесь, в горнице!

— Не беспокойтесь, мамаша, их, извергов, приказано охранять, у нас пленных не убивают, — ответил кто-то ей.

Просмотрели документы пойманного, солдатскую книжку, пачку фотографий…

На шее у немца висела маленькая квадратная иконка.

— Плохо вам ваш бог помогает: и на шее носите, и на пряжке ремня, а все-таки попал вот к безбожникам, — сказал Каралаш.

Понял его гитлеровец или нет, но кивнул головой и произнес:

— Я… я…

Час был поздний. Да и, по моему предположению, штабы полка и дивизии сейчас перемещались. Поэтому я решил оставить пленного у себя до утра. Поручил его разведчикам. Спустя некоторое время из сарая полились мелодии наших русских песен: «Катюша», «Любимый город»… Кто-то играл на губной гармошке. Я не знал таких талантов за своими разведчиками. Оказалось, это по их заказу играл Ганс, как стали звать немца бойцы. Странно было слышать любимые наши песни в чужом исполнении. В душе что-то шевельнулось, и я подумал тогда, что, быть может, этот немецкий парень такой же крестьянский сын, как и я, и что руки его, быть может, с радостью вцепились бы в рычаги трактора, а ему всучили автомат и послали на верную погибель…

С утра полк продолжал наступление. Гвардейцы выбили противника со станции Зеленый Барвинок, захватив там эшелоны с богатыми трофеями. К концу дня, уже в темноте, после непродолжительного боя мы освободили поселок Ленино, где пробыли, если не изменяет память, двое суток. Сюда, ко всеобщему удивлению, приехал… зубной врач и стал уговаривать всех нас прийти к нему на осмотр. Это показалось нам смешным и нелепым: какие там зубы, кто о них тогда думал! Но восприняли это как проявление заботы о нас со стороны командования.

На рассвете мы должны были занять новый рубеж. Значит, снова в путь… Сколько километров уже пройдено по фронтовым дорогам? Не счесть. Но когда идешь вперед, пусть в дождь и холод, пусть по бездорожью, ноги вроде не так устают и солдатская ноша не так оттягивает плечи, как бывало в сорок первом году. Лица у солдат усталые, а по глазам видно, что они довольны…

Перед маршем я задержался ненадолго возле повозок, на которые уже погрузил свои минометы и мины капитан Сокур, собиравшийся занять свое место в колонне. Мы с ним так «своевались», что командир полка всегда придавал его батарею 1-му батальону.

К нам подошла Антонина Гладкая. На ней была защитного цвета стеганка, шаровары и сапоги. Голова по-деревенски

повязана серењким платком. Правда ли, спросила она, что есть приказ отправлять в тыл на учебу девушек, имеющих среднее образование. Я о таком приказе не знал.

— А если действительно есть, в чем я поеду? В этих штанах? — И в ее голосе зазвучала обида.

Я взглянул на одеяние Гладкой, на ее разношенные кирзовые сапоги, и так мне стало не по себе, будто я виноват в том, что славная девушка, которую пожилые солдаты ласково звали дочкой, облаченная в грубую солдатскую форму, страдала от сознания утраты своей привлекательности. Да и что за жизнь была у нее! Тот же режим, что и для солдат. Та же пища. Те же тяжелые марши от рубежа к рубежу. Те же изнуряющие бои. То же напряжение нервов. Мне хотелось утешить ее, сделать ей что-то приятное, но я не нашелся, что сказать.

— Так дадут же со склада, если будут отправлять.

— Уже два года воюю и ни разу никого ни о чем не просила, кроме сахара; ничего, кроме вот такого, не надевала на себя. — Она сердито одернула свою стеганку. — А теперь прошу: пусть ребята, они же впереди, что-нибудь подыщут для нас с Жанной.

— Боюсь, они вам с Жанной целый склад притащат. А в общем, не переживай. Залезай на повозку и спи. Сегодня, наверное, марш будет спокойным.

— Сазонову скажу про ваши амуры, — улыбнулся Сокур.

— Говори, говори, он знает, что у нас амуров нет, — весело откликнулась Антонина. — Мы же все трое воюем вместе почти с самого начала войны.

— Шучу.

— Сокур, что же ты девушек обижаешь? — спросил я командира минометной батареи, под началом которого воевала и Нинина подруга Жанна Ивановна Бадина. — Нине с Жанной нужна гражданская одежда. Говорят, есть приказ об отправке их в тыл на учебу. Ты не слышал?

— Не слышал. А насчет юбок пусть не волнуются, дам задание старшине батареи…

На указанный командиром полка рубеж мы пришли вовремя. Местность оказалась подходящей. Впереди, в лощине, лежал крупный, хорошо просматривавшийся населенный пункт. В тылу у стрелковых рот пролегала покрытая щебенкой дорога. Наш штаб разместился за нею, под скирдой соломы. Позади и несколько правее в овраге заняли огневые позиции минометная батарея Сокура и минометная рота Карнаушенко. Здесь же замаскировали повозки стрелковых и пулеметных рот, сосредоточили верховых лошадей, а метрах в пятидесяти от них

разместили четыре 76-миллиметровые пушки 1-го артиллерийского дивизиона.

— Надо бы поскорее окопать орудия, — сказал я замполиту дивизиона капитану Татарникову и услышал в ответ, что он ждет командира дивизиона и остальные батареи. Возможно, они перейдут в другое место. В населенном пункте, по нашим данным, противника не было, поэтому хозяйственные взводы батальона и дивизиона уехали туда заправить кухни водой и приготовить завтрак. Вскоре, однако, они галопом прискакали назад. Иван Егорович Гаркавенко доложил, что, когда рассвело, они увидели у школы немцев и узнали от жителей, что там размещается их радиостанция.

— Сколько же там всего фрицев?

— Говорят, около двадцати.

Я приказал послать туда взвод из 2-й роты и захватить радиостанцию, а если удастся, то и пленить личный состав. С бойцами пошел мой заместитель Ильин. Он вернулся через несколько часов и привел трех пленных. Ильин подробно рассказал, что произошло возле школы.

Гитлеровцы встретили взвод сильным огнем из автоматов и пулеметов. Ворваться в здание с ходу не удалось, и кто-то из гвардейцев предложил поджечь его. Но Ильину — он ведь был педагогом — стало жаль школьное здание. Он решил атаковать еще раз. Фашисты снова отбились. Один наш боец погиб. Тогда секретарь партийной организации 2-й роты выскочил из своего укрытия, изо всех сил ударил прикладом по кирпичам, которыми были заложены окна. Заграждение развалилось. В пролом полетела граната. С криком: «Сдавайся!» — парторг пробежал вдоль стены к следующему окну и проделал то же самое. Воодушевленные его примером, солдаты забросали неприятеля гранатами, потом сорвали дверь и проникли внутрь школы. В короткой схватке они уничтожили десять фашистов. Трое были взяты в плен, и только одному каким-то чудом удалось убежать.

Допросив захваченных, Михаил Иванович Ильин выяснил, что эта группа совершенно не знала обстановки и считала, что советские войска еще далеко. Радиостанция предназначена для связи с авиацией.

Мы отправили гитлеровцев в штаб полка.

— Сегодня, наверное, будет сабантуй, — сказал мне Ильин.

— Что-то не предвидится. А откуда у тебя такие данные?

— Самочувствие… — И он как-то неуверенно пожал плечами. — Дрожит все внутри, как при приступе малярии.

— До сих пор ни разу не замечал, чтобы мой боевой заместитель дрожал и верил в предчувствия.

— Неудобно даже говорить… — Ильин засмущался, но не в его характере было утаить что-то от товарища, и он, решительно тряхнув головой, взглянул мне прямо в глаза: — Почему-то перед трудным боем меня всегда знобит. Глупо, конечно, но я уже уверовал в эту примету.

— Всем трудно, всем плохо на войне. А женщинам вдвойне. Погляди на Нину с Жанной…

— Будь на то моя воля, я бы их на фронт, на передовую, не посылал.

— Так ведь почти все они добровольцы.

Ильин помолчал, потом с тревогой заметил:

— Артиллеристы что-то плохо окапывают свои орудия.

Я предложил Ильину пойти в подразделения.

— Посмотри, как там обосновалась наша гвардия.

Роты отрыли окопы полного профиля и продуманно организовали систему огня. По-хозяйски устроились на позициях расчеты 45-миллиметровых противотанковых пушек. Впереди ничего подозрительного не наблюдалось. Соприкосновения с противником тоже не было. Стоял чудесный день бабьего лета. Все вокруг выглядело по-мирному. Но не успели мы вернуться к своему НП, как наблюдатель, сидевший на вершине скирды, доложил, что справа вдали видит танки. Мы взяли бинокли. Действительно, в нескольких километрах от нас параллельно нашей линии фронта двигались чьи-то машины. Кто насчитал двенадцать, а кто — пятнадцать. Вскоре они скрылись за буграми и лесопосадками.

Еще часа два было тихо и спокойно. Затем в районе 3-й роты послышалась стрельба. Это шесть вражеских танков и самоходок, скрытно выдвинувшихся к нашему переднему краю, атаковали правый фланг роты. Один «фердинанд», пройдя через позиции 3-й роты, открыл огонь по оврагу, где находились минометчики, повозки и лошади.

Замполит дивизиона капитан Татарников скомандовал:

— К орудиям!

Артиллеристы бросились к пушкам. В этот момент почти одновременно разорвались два снаряда, и в ответ на следующую свою команду: «Огонь!» — капитан Татарников услышал:

— Первое орудие вышло из строя…

— Третье орудие вышло из строя…

Татарников побежал к расчетам. Вдруг земля взметнулась прямо у него из-под ног…

Батальонные артиллеристы успели развернуть сорокапятки на сто восемьдесят градусов. Первыми же выстрелами они подбили два вражеских танка, надвигавшихся на батальонный

НП. 2-я и 3-я роты вели бой с пехотой, разместившейся на броне.

— Кузьмич, где моя Голубка?

Часть скучившихся в овраге лошадей была перебита огнем «фердинанда». Голубка, к счастью, уцелела. Вскочив на нее, я устремился к началу впадины, откуда минометчики стреляли по противнику. Заметил, что у Антонины Гладкой перевязана шея.

— Сильно тебя?..

— Да нет, чиркнуло немного, — спокойно ответила Тоня. Батарее Сокура удалось отсечь неприятельскую пехоту от танков, прижать ее к земле. А минометчики Карнаушенко и наши стрелки довольно быстро уничтожили фашистов.

Танки и самоходки противника прорвались через наш передний край и вышли в район огневых позиций минометной батареи Сокура. Гладкая с поразительным для девушки хладнокровием продолжала командовать своим расчетом, которому угрожала опасность со стороны приближавшегося «фердинанда»…

Я пустил лошадь галопом и помчался в 1-ю роту. Атаковать это подразделение гитлеровцы почему-то больше не решились. Оба прорвавшиеся в район нашей обороны танка горели, а «фердинанд» поспешил уйти к своим.

Возвращаясь на НП, я увидел у свежей воронки распростертую на земле Антонину Гладкую. Она лежала на спине в ватной стеганке, в сереньком своем платке. Правая рука ее сжимала ремень от автомата с куском приклада. Не веря своим глазам, мы с Сокуром расстегнули одежду, чтобы послушать сердце, может, еще теплится жизнь в этом теле! И ужаснулись: вся грудь Тони была разбита осколками. Девушка была мертва.

Так не стало Антонины Михайловны Гладкой, патриотки, коммунистки. Она отдала жизнь за освобождение Родины от немецко-фашистской нечисти. Тоня не искала легкого пути и шла к победе вместе со всеми нами по трудной, полной опасностей солдатской дороге.

Ответственный секретарь дивизионной газеты «На разгром врага» Юрий Михайлович Белят посвятил Гладкой стихотворение. Я услышал его впервые совсем недавно в доме Ивана Аникеевича Самчука на традиционной ежегодной встрече ветеранов 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Мне запомнились такие строки:

Семнадцать было ей, а может, меньше:
Десятый класс закончить не успела…
Но если девушки у нас такие —
Непобедимо и бессмертно наше дело!

Погибла Антонина 22 октября 1943 года. За четыре дня до этого ее наградили третьей медалью «За отвагу». Пуля сразила и Жанну Бадину.

На огневых позициях артиллерии лежал у орудия и просил застрелить его сержант Зюнев, гроза вражеских танков. Он был тяжело ранен в живот. Мы с Сокуром осторожно подняли его, положили на линейку и отправили в медсанбат.

Под вечер девушек похоронили.

Не успел прозвучать последний выстрел прощального салюта, как на переднем крае снова завязался ожесточенный бой с вражескими танками и пехотой. Но и на этот раз фашисты успеха не имели. Наутро мы перешли в наступление. К концу дня овладели населенным пунктом Верблюжка. Оттуда двинулись дальше — на железнодорожный разъезд.

В ожидании результатов разведки солдаты, сойдя с дороги, отдыхали. Карнаушенко, как всегда, тут же установил два миномета.

Минут через сорок вернулся с бойцами Ильин и доложил, что железная дорога и нужный нам разъезд находятся метрах в трехстах впереди. В это время послышался громкий голос Карнаушенко:

— Кого там черт несет! Не видишь разве, миноме…

Конец его фразы утонул в треске автоматных и пулеметных очередей. Вспыхнули ракеты. Мы увидели, что в хвост батальона пристроилось… подразделение фашистов. Видимо, в темноте они приняли нас за своих. Оцепив создавшуюся ситуацию, решил развернуть одну роту и 45-миллиметровые орудия, ко батальон уже открыл огонь по гитлеровцам. Потеряв около двадцати человек и несколько повозок, они обратились в бегство. Преследовать их мы не стали.

Однако поставленную задачу батальону выполнить не удалось. Позади нас появилась неприятельская танковая колонна, впереди, вдоль железной дороги, тоже. Батальон оказался зажатым между двумя танковыми подразделениями противника, который направлялся к Верблюжке.

Попытки связаться по радио с командиром полка Харитоновым или комдивом генералом Баклановым не увенчались успехом — приемник работал, почти на всех волнах звучала немецкая речь, передатчик же радиостанции вышел из строя. Как ни старался радист исправить его, ничего не получалось, и предупредить своих об опасности мы не имели возможности.

Под прикрытием темноты подразделения батальона отошли за дорожное полотно и окопались у оврага. В течение ночи мы

связались с правым соседом — 34-м гвардейским стрелковым полком. Артиллеристы за это время подбили еще один вражеский танк.

Едва рассвело, противник атаковал нас. Завязался неравный бой. Он длился несколько часов. Фашистам удалось смять левофланговый батальон 34-го гвардейского стрелкового полка, а их танки с пехотой на бронетранспортерах начали обходить наш батальон справа. Не прекращались атаки и с фронта. Непосредственной огневой связи с левым соседом у нас не было, так как гитлеровцы ночью овладели Верблюжкой. Ничего не оставалось, как, выполняя указания, снять батальон с занимаемых позиций и начать организованно отходить по тому же маршруту, по которому накануне наступали. Неприятельские танки не давали нам закрепиться, а авиация, по тридцать — сорок самолетов, беспрерывно бомбила боевые порядки подразделений.

Как назло, кругом степь с редкими лесопосадками, и мы на ней — как на ладони. Если бы удалось хоть не надолго, минут на сорок, остановиться и окопаться! Но не тут-то было — внезапно из-за ската небольшой высоты появились и двинулись наперерез батальону шестнадцать гитлеровских танков.

Рассредоточившись, мы стали повзводно преодолевать скошенное поле. Ни оврага, ни леса — словом, никаких укрытий, только две огромные скирды соломы впереди. Быстро выдвинул к ним расчеты ПТР и 45-миллиметровые орудия, чтобы попытаться здесь задержать танки и дать батальону возможность проскочить в лесопосадку. Нас отделяло от противника не более четырехсот метров.

— Орудия к бою!

Маленькие длинноствольные пушчонки вызывающе повернулись в сторону вражеских машин. Однако те, почему-то даже не обстреляв сорокапятки, устремились прямо к зеленой полосе, где мы надеялись закрепиться. Но что это? Передний танк вдруг остановился. Раздался взрыв, и машина загорелась. Почти одновременно вспыхнула и вторая, а потом и третья… Кто же их жжет? Наши расчеты еще не стреляли. Неприятель стал развертывать танки в линию. Тут я увидел, что стреляли из лесопосадки, к которой так рвались и мы, и немцы. Били метко. Вот еще один «тигр» накренился и застыл на месте. Сорокапятки тоже несколько раз ударили. Отстреливаясь, танки попятились назад.

Тем временем гвардейцы достигли зеленой полосы. Туда же я привел 45-миллиметровые орудия и ПТР. Там оказались пять тщательно замаскированных тридцатьчетверок. Командир-танкист торопил нас с отходом, обещая прикрыть.

По совету полковника Алексеева, командира 34-го гвардейского стрелкового полка, отходившего вместе с нами, я попытался связаться с комдивом, но неудачно. Через некоторое время Алексеев все же сумел кому-то доложить обстановку по телефону. После этого он пошел собирать подразделения, чтобы отвести на прежний рубеж. Наш батальон под прикрытием танкистов продолжал двигаться к реке Ингулец.

42-й гвардейский стрелковый полк и 3-й батальон нашего полка в районе Верблюжки попали в окружение. Но благодаря решительным действиям вырвались из неприятельского кольца.

За умелое управление подразделениями в тылу врага командир полка майор Половец был удостоен звания Героя Советского Союза, а большая группа гвардейцев награждена орденами и медалями.

Во второй половине ноября 13-я гвардейская стрелковая дивизия принимала участие в Александрийско-Знаменской операции. Здесь мы понесли еще одну большую утрату. Во время ночной атаки в районе станции Пантаевка был убит Тимофей Андреевич Нефедьев, незадолго до того назначенный заместителем командира нашего полка по политической части. Все тяжело переживали его гибель. А я в особенности. Для меня он был не только старшим, самым близким боевым товарищем, не только наставником, но и другом. В голове никак не укладывалось, что его уже нет; и по сей день, когда в силу тех или иных причин я попадаю в трудное положение, всегда думаю: а как бы поступил на моем месте Нефедьев?..

Мы наступали совместно с танковым батальоном в направлении Диковки. Все шло хорошо, батальон перебил много немцев и погнал их, пехота старалась не отставать от машин.

Стемнело. До этого несколько дней подряд шел дождь. Земля черная, на ночном небе ни звезды. Батальон вытянулся в колонну. Вместе с танкистами по карте определили азимут. Тридцатьчетверки прибавили скорость, и мы за ними не поспевали. Потом они стали забирать все правее и вскоре отклонились от маршрута. Если бы мы и дальше следовали за ними, то не вышли бы на указанный командиром полка рубеж. Я остановился. Подошел Ильин, за ним Сафронов. Не было только Каралаша. Но несколько минут спустя появился и он, да не один, а с пленным.

— Где ты его нашел?

— Да их тут много бродит.

— А этого как добыл?

— Я чуть приотстал. Когда догонял батальон, в темноте

толкнул кого-то, извинился, подумал, что свой и стал подбадривать: мол, поднатужься, скоро придем на свой рубеж. А он убегает. Я ему: «Стой!» — он продолжает бежать. Я выстрелил, тогда он остановился. Смотрю — немец. Обезоружил его и вот привел…

Я приказал немедленно отправить пленного в штаб полка.

Подошли командиры рот. Получив от меня указания на случай встречи с противником, они ушли. Ильин подал батальону команду:

— Шагом марш!

Тут послышалось:

— Файер!

Впереди вспыхнуло несколько ракет, противник открыл пулеметный огонь из танков, которые стояли в каких-нибудь ста — ста пятидесяти метрах от нас. Подразделения начали развертываться. Мы, командиры, оказались впереди боевого порядка. Я приказал Ильину, Сафронову и Каралашу бежать в роты, чтобы люди, застигнутые внезапным огневым нападением, не дрогнули, а свое место определил прямо на дороге. От ракет и трассирующих пуль стало светло как днем. Вдруг Ильин споткнулся.

— Что с тобой?

— Ранен.

— Куда?

— В бедро.

— Можешь еще хоть немного пройти сам?

— Могу…

— Только не уходи с дороги… Найду Птахина, пошлю к тебе перевязать… Ни в коем случае не уходи с дороги!

Я побежал в 1-ю роту.

— Мирошниченко, какого черта молчите? Огонь!

— Рота, огонь! — подал команду капитан Мирошниченко.

Треск автоматов, дробный стук пулеметов, резкие, хлопающие выстрелы ПТР — все слилось в знакомый шум боя. Не знаю, как другие, я всегда чувствовал себя спокойнее и увереннее, когда батальон ощетинивался огнем. Интенсивную стрельбу открыла и рота справа. Противник отвечал. Командир полка приказал мне закрепиться на достигнутом рубеже.

Уже которые сутки ни один солдат не был в тепле! То дождь, то гололед. Шинель превращалась в колючий панцирь. Потом снова оттепель, дождь — и так без конца…

Через посыльных передал приказ в роты, разыскал командира санитарного взвода старшего лейтенанта Птахина, велел ему найти и отправить в санроту капитана Ильина. Вернувшись,

Птахин доложил, что и Каралаш тоже ранен — в ногу. Так оба мои ближайшие помощники вышли из строя.

Раннее утро застало нас на марше. Стоял густой туман, и даже на близком расстоянии ничего нельзя было различить. Люди возникали из вязкой пелены, словно призраки. Мы должны были занять курган. Один его скат, довольно крутой, слева от нас, уходил к реке Ингулец, на более пологом — рос молодой лес.

С нами действовали три Т-34, полковая батарея 76-миллиметровых орудий и 120-миллиметровая минометная батарея. Я шел с ротой. Со мной находился начальник артиллерии полка капитан Николай Дмитриевич Целищев, никогда не расставававшийся с 45-миллиметровой пушкой (он называл ее личным оружием).

Целищев вообще не мог спокойно пройти мимо любого оружия. Непременно попробует его в действии. Если попадались на глаза машина, бронетранспортер или танк, попытается завести их и как-то использовать в бою.

От местного жителя мы узнали, что в лесу гитлеровцы. Пройдя несколько сот метров, услышали впереди крики «ура», короткую перестрелку. Потом все смолкло.

— Вторая рота захватила два танка, бронетранспортер и троих пленных, — сообщил мне связной.

Я направился во 2-ю роту. В лесополосе действительно стояли бронетранспортер и два «тигра». На стволах танковых пушек висели связанные за ноги куры. Близ бронетранспортера лежали пять или шесть убитых фашистов, а уцелевшие что-то усердно объясняли, обращаясь одновременно сразу ко всем.

Хотя с нами не было Ильина — нашего нештатного переводчика — все же кое-как удалось выяснить, что у немцев иссякло горючее и они послали за ним бронемашину, которая должна вот-вот вернуться.

Устроив засаду, мы принялись закреплять занятый рубеж.

Довольно скоро послышался рокот мотора, и к «тиграм» подкатил бронеавтомобиль, о котором говорили пленные. Гвардейцы окружили его, водитель моментально поднял руки. Второй солдат выпрыгнул из машины и побежал, но его настигла пуля.

На вершине кургана оказалась естественная похожая на кратер вулкана воронка, словно специально предназначенная для НП. Лучшего места и не придумать! Мы расположились прямо-таки с комфортом. Сюда быстро была подана связь с полкового НП. Позади нас заняли огневые позиции полковые батареи. Их командиры и начальник артиллерии полка находились вместе со мной.

Целищев, по своему обыкновению, начал возиться с захваченными танками. Завел «тигра», подал его назад, отцепил буксиры, проверил работу башни, с помощью своих артиллеристов заправил танк бензином.

Я подошел к «тигру».

— Что там, Целищев?

— Поросенок.

— Какой поросенок?

— Обыкновенный. Уже зарезанный. Запасливые фрицы попались.

— А еще что?

— Хороший хром на сиденьях. Пожалуй, на две пары сапог хватит. Полно снарядов и патронов. Да ты залезай сам, посмотри на мир из действующего «тигра».

Я нырнул в люк. Мне понравился прицел: уж больно четко все видно. Башня вращалась легко.

— Что будем делать с этими танками?

— Как что? «Тигров» же бить, если сюда полезут.

— А экипажи?

— Подберу из своих артиллеристов.

Когда во второй половине дня противник потеснил 42-й гвардейский стрелковый полк, а его танки, выйдя на наш левый фланг, двинулись прямо на батальонный НП, в самую критическую минуту раздались два выстрела. Болванки целищевского «тигра» раскололи «пантеру». Остальные поспешили отползти назад. Теперь они находились в мертвом пространстве. Тут подоспели наши САУ-100, а в небе появились «илы», и «пантеры» вынуждены были повернуть вспять.

Наши штурмовики часто пролетали над нами на бомбежку: они поддерживали танкистов 5-й гвардейской танковой армии, которая вела бои где-то впереди.

На кургане мы оборонялись и отражали атаки противника в течение нескольких дней. Потом стали готовиться к наступлению на станцию Корыстовка. В это время в батальон был назначен замполитом капитан Федор Николаевич Шелудченко. Что можно сказать о человеке, с которым встречаешься впервые? Смотришь, как он выглядит, слушаешь, что говорит.

— Ну как, комиссар, начнем? — спросил я. — Сейчас батальон пойдет в атаку.

— С чего-то надо же начинать, — спокойно ответил он и закурил трубку.

— Не выпьешь перед атакой?

— Не привык.

— Может, обижаешься, что говорю на «ты»? Но так уж у нас

повелось: командир и комиссар всегда на «ты».

— Традиции нарушать не будем.

Роты поднялись в атаку. Фашисты с противоположного берега реки Ингулец вели плотный артиллерийский и минометный огонь. Наши полковые орудия тоже работали вовсю, попарно меняя огневые позиции, чтобы не отстать от стрелковых рот. Указав Сафронову место, где остановиться и поддерживать связь со штабом полка, я вместе с Шелудченко двигался за цепью. Шелудченко шел спокойно, курил трубку, пулям не кланялся. «Кажется, боевой комиссар», — эта мысль несколько утешила меня, потому что, потеряв Нефедьева и расставшись с Ильиным, я не представлял себе, что смогу воевать и дружить с кем-то так же, как с ними.

Противник вел беглый огонь, и мы попали в полосу разрывов.

— Комиссар, бегом к домам!

— Бегу!..

Снова разрыв, совсем рядом: в нос ударил запах гари. Меня отбросило волной. Оглянулся: Шелудченко цел и невредим. Подбежали к постройке и укрылись за нею.

Там увидели двух плачущих женщин.

— Чего ревете?

— Зараз двух ваших убило.

— Где?

— Вон там. — Они показали на то место, где мы только что были сбиты с ног.

— Да нет же! То были мы с комиссаром и, как видите, живы, а плакать, стало быть, не по кому.

— Та нэ может быть, мы жэ бачилы.

— Это мы бежали, точно, — подтвердил Шелудченко.

Роты уже выбили гитлеровцев из населенного пункта.

Лишь немногим из них удалось уйти за реку.

Задача была выполнена. И опять началась изнурительная работа пехотинцев по закреплению рубежа. Понадобилась карта, я стал разворачивать планшет (а у меня он был авиационный, трофейный). Смотрю, целлулоид порван, карта тоже. В планшете застрял довольно большой осколок, левый рукав шинели в нескольких местах пробит.

— Кажется, комиссар, мне сегодня повезло. — И я показал ему осколок и пробоины.

— В другой раз нужно быть более осторожным.

Я вспомнил о Нефедьеве. Взглянув на Шелудченко, сказал:

— Не выходит из головы Андрей Тимофеевич.

Ты, Федор Николаевич, только правильно пойми меня: думаю о старом замполите не потому, что против твоего назначения, а

потому, что до боли жалко Нефедьева… Ты и на других не обижайся, если услышишь, что станут говорить: вот, мол, когда был у нас Нефедьев… Хорошего человека и хорошие дела из памяти и из сердца не вычеркнешь…

— А откуда ты взял, что я могу так подумать! — с горячностью воскликнул Шелудченко. — Я уже порядком воюю… Это замечательно, если долго помнят боевых товарищей.

Искренность Шелудченко тронула меня.

— Ну что же… Тогда все правильно… Пойдем поглядим, как гвардия закрепляется, — предложил я. — Хочется, чтобы люди и отдохнуть успели.

Но отдохнуть не пришлось. В течение ночи батальон вел перестрелку с противником через реку, а утром получил новый приказ. Небольшая перегруппировка — и снова атака.

В этих боях были ранены начальник штаба Сафронов и командир санитарного взвода Птахин.

Начальником штаба вместо Сафронова стал командир 1-й роты капитан Мирошниченко, а Птахина прибыла заменить лейтенант медслужбы Зоя Ивановна Зырянова. Появилась она в батальоне так: приехали две повозки с ранеными бойцами, их сопровождала высокая девушка в белой кубанке, из-под которой выбивались пряди белокурых волос. Когда повозки остановились, она вместе с ездовыми начала снимать и переносить раненых, обнаруживая и сноровку и неженскую физическую силу. Была она расторопна, быстра в движениях, но не суетлива, сразу по-хозяйски распорядилась насчет перевязок. Мог ли я предположить тогда, что эта девушка станет моей судьбой, спутницей жизни, матерью трех моих дочерей? Нет, ничего такого я не думал, когда лейтенант Зырянова, закончив разгрузку, подошла ко мне и четко доложила, что прибыла для прохождения службы командиром санитарного взвода.

Из офицеров-«старожилов» в батальоне осталось всего четверо — младший лейтенант Иван Егорович Гаркавенко (с начала войны), командир пулеметной роты Василий Федорович Попов (с марта-апреля 1943 года), капитан Александр Васильевич Мирошниченко (с февраля 1943 года) и я (с августа 1941 года).

В декабре вернулся из госпиталя и снова принял полк подполковник Щур, а подполковник Харитонов был переведен командиром полка в соседнюю 97-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Замполитом в наш полк прибыл ветеран дивизии майор Андрей Александрович Синицын, работник политотдела, которого я хорошо знал еще по сталинградским боям. Был он спокойный, грамотный и смелый офицер, часто приходил в

батальон и роты, сердечно беседовал с бойцами, ненавязчиво помогал командирам и политработникам.

Не могу не рассказать об одном случае в Сталинграде. Пришел Синицын как-то к нам в батальон, и мы с ним отправились в 1-ю и 3-ю роты, собрали свободных от наблюдения людей, и он стал проводить беседу, именно беседу, а не читать лекцию или доклад. Усевшись в кружок, бойцы задавали ему массу самых различных вопросов, и он добросовестно старался ответить на них. Вдруг над головами что-то затрещало, посыпалась штукатурка и кирпичи. Когда пыль рассеялась, Синицын спокойно так сказал:

— Ну вот, последний потолок продырявили вам фрицы, да еще и «подарок» прислали.

Мы взглянули, куда показал Синицын, и содрогнулись: там лежал огромный снаряд. «Сейчас конец», — промелькнуло в голове. Но взрыва не последовало. Тогда Медведев осторожно подсунул под снаряд плащ-палатку — и его унесли…

Удивительная вещь — человеческая память. Больше двадцати лет минуло с того дня, когда я молоденьким лейтенантом начал проходить суровую школу войны, а память многое сохранила в мельчайших деталях. Все мне кажется важным, и я потому так подробно рассказываю о пути нашего батальона. Родившиеся после войны должны узнать, какой ценой заплатили их отцы за сегодняшнее мирное небо, за возможность жить и работать так, как учил Владимир Ильич Ленин. Нам было трудно, чертовски трудно, но даже в самые трагические дни мы всем сердцем, всем существом своим верили в правоту дела, за которое бились насмерть, верили в победу. И хочется, чтобы молодое поколение строителей коммунизма было достойно своих отцов и помнило о тех, кто сложил свою голову во имя их счастья…

Вскоре после своего прибытия в полк Андрей Константинович Щур вызвал меня:

— Иван Иванович? Командир первого батальона? — а сам хитро улыбается.

— Да вы что, не узнаете?

— Как же, узнаю. — И после многозначительной паузы — Сдай батальон своему другу Михаилу Сазонову, а сам получи пополнение, размести его в Пантаевке и подготовь станковых пулеметчиков для пулеметных рот. Можешь взять Попова. Возьми и часть хозвзвода с кухней, чтобы кормить будущих пулеметчиков.

— А как же батальон? — совсем не по форме спросил я.

— Да ты что, глухой? Я же сказал — сдай Сазонову.

— А потом… когда подготовлю пулеметчиков?

— Потом начальство подумает.

— Товарищ подполковник, объясните мне толком, что все это значит?

Щур снова улыбнулся.

— Ты сегодня обедал? — спросил он.

— Нет.

— Тогда иди в штабную столовую и пообедай.

В самом дурном расположении духа я отправился в штаб уточнить, где получать пополнение, пулеметы, боеприпасы. И напрямую спросил у Андрея Мороза, чем вызвана моя отставка.

Мороз рассмеялся:

— Да ведь тебя повышают, будешь заместителем командира полка.

Солгу, если скажу, что мне было неприятно услышать это. Но в то же время стало как-то грустно. Если вышестоящие инстанции утвердят представление, наверняка придется уходить из своего полка, где уже был заместитель — майор Фаворов. Но на фронте не существует слов «хочу» или «не хочу»: надо — и этим сказано все. Я зашел к Щуру доложить, что все вопросы решены, простился, сел на мотоцикл и уехал в Пантаевку. Она была всего в двадцати пяти-тридцати километрах от передовой, где мои товарищи продолжали вести оборонительные бои.

В одном из них был смертельно ранен командир роты автоматчиков Иван Подкопай: ему помогли дойти до медицинского пункта, но он вскоре скончался. Так, 16 декабря 1943 года не стало еще одного ветерана полка. А утром, получив свежие газеты, мы узнали, что Ивану Яковлевичу Подкопаю Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза. Не дожил Иван всего несколько часов, так и погиб, не узнав, сколь высоко оценила Родина его героические боевые дела, мужество, умение и отвагу! Дойти до Берлина, как мечтал, ему не привелось. Но дошли до фашистского логова его однополчане.

По пути в Пантаевку я навестил своего бывшего командира полка, теперь начальника штаба 32-го гвардейского стрелкового корпуса полковника Ивана Аникеевича Самчука. Мы оба очень обрадовались встрече. Иван Аникеевич жадно расспрашивал меня о людях части, а я — о предстоящей задаче. Догадывался, что скоро мы перейдем в наступление на Кировоград. Вдруг он спросил меня, читал ли я проект нового Полевого устава.

— Нет, не читал, — сознался я.

— Возьми вон у меня в сумке, посмотри.

Я достал небольшого формата книжицу и стал

просматривать.

— Устав нужно знать на память, — заметил Самчук, — не будешь же во время боя искать по параграфам, как нужно поступить в том или ином случае.

— А вы знаете? — не удержался я от вопроса.

— Почти весь.

Я с сомнением хмыкнул.

— Не веришь? Называй номера параграфов!

И тут он преподал мне урок, как нужно знать устав. Потом угостил обедом.

— Принеси-ка майору на десерт мороженое, — сказал Самчук повару Папиашвили, — а то он, наверное, с начала войны ни разу не ел.

Я воспринял слова Ивана Аникеевича о «десерте» как шутку и ждал подвоха. Однако спустя несколько минут Папиашвили возвратился с тарелкой самого настоящего мороженого.

— Спасибо! — Я с удовольствием принялся за редкостное на фронте угощение. Вспомнилось мирное время, и так захотелось, чтобы быстрее кончилась война! А Иван Аникеевич, глядя на карту, проговорил:

— Вот нужно планировать операцию, а наши разведчики не захватывают «языков». Командующий требует…

— Товарищ полковник, если командующий требует, зачем тогда всех отдал? Нужно один отдать, а остальной посадить в подвал. Как начальник заругается, достал из подвала еще один пленный и отдал, начальник не будет ругаться.

Мы с Иваном Аникеевичем расхохотались над «железной» логикой Папиашвили.

В те дни 13-я гвардейская стрелковая дивизия во взаимодействии с другими соединениями успешно прорвала оборону немцев. 8 января 1944 года был освобожден Кировоград — один из крупнейших промышленных центров Правобережной Украины.

Здесь в заключительный период боев наш полк действовал не очень четко, не вышел вовремя на указанный ему рубеж, а неприятель, воспользовавшись этим, вырвался из окружения.

В боях за Кировоград погибли командир 3-го батальона майор Петр Георгиевич Мощенко и командир одной из его рот капитан Сергей Онуфриевич Хохич. О гибели капитана Хохича я узнал в медсанбате от хирурга Володи Баранчеева.

— Он лежит там, — Баранчеев указал на палатку, что была разбита неподалеку от дома, где размещалась операционная.

Я зашел туда и увидел на носилках Хохича. Шея у него была забинтована.

Баранчеев подал мне письмо, которое нашел в сумке капитана. Оно было адресовано жене и детям. Обращаясь к семье, Хохич писал, что погиб в боях за Кировоград, что честно воевал за нашу Родину, и просил своих детей во всем слушаться мать, хорошо учиться и быть достойными гражданами Советской Родины.

Это письмо погибшего офицера нельзя было читать без слез, ведь он писал в недобром предчувствии, что через несколько часов его уже не будет в живых…

Где сейчас хранятся такие письма? Можно много писать, рассказывать о войне, но мне думается, и одно такое письмо-завещание, написанное перед атакой, имело бы огромное воспитательное значение для нашей молодежи.

Мне передали приказание начальника штаба дивизии полковника Бельского прибыть к нему. Вид у Тихона Владимировича был утомленный, даже несколько болезненный. Поеживаясь, словно от озноба, он накинул поверх гимнастерки цигейковую безрукавку и спросил у меня, как здоровье.

— Терпеть можно, — ответил я, хотя на самом деле у меня отчаянно болело правое ухо. Доктора признали воспаление: нужны капли, компрессы, тепло… До тепла ли было в те дни!

Бельский, к великой моей радости, сообщил, что я назначен заместителем командира в свой же 39-й гвардейский стрелковый полк.

— Вам нужно срочно ехать в часть, так как там нет и командира. Щур отозван в распоряжение командарма. Временно полком командует начальник штаба подполковник Артеменко. Сейчас он один за всех.

Гвардейцы занимали оборону неподалеку от Кировограда. В первый же день я ознакомился с рубежом обороны. Начальник штаба все огневые средства расположил грамотно, перед передним краем не было ни одного метра, который не перекрывался бы ружейно-пулеметным огнем. Хотя тяжелая, мерзлая земля еще туго поддавалась лопате, окопы были отрыты, траншей, правда, не имелось. На следующее утро прибыл вновь назначенный командир полка подполковник Василий Семенович Палицын. Мы стали готовиться к новым боям: получали пополнение, вооружались, проводили занятия.

1-м батальоном теперь командовал капитан Михаил Александрович Сазонов, 3-м — майор Карп Алексеевич Бурак, энергичный, смелый офицер-кавалерист. 2-го батальона в полку не было.

В феврале 1944 года наша дивизия на второстепенном

направлении сковывала силы врага, в то время как другие части и соединения успешно громили корсунь-шевченковскую группировку противника.

Мы тоже понемногу продвигались вперед. 39-й гвардейский стрелковый полк освободил Владимировку. Когда вошли в село, на окраине его горело несколько домов. В них гитлеровцы заживо сожгли шестнадцать раненых советских солдат и офицеров. Нам не впервые приходилось видеть своими собственными глазами жертвы зверств фашистов. Мы клялись отомстить за погибших товарищей и дрались с еще большей злостью.

За Владимировой полк, попав под ураганный огонь, залег. Поздно вечером подполковник Палицын послал офицеров штаба во все подразделения, чтобы разъяснить, как будет организовано взаимодействие с артиллерией и танками: утром предстояло прорывать вражескую оборону.

Я направился в 3-й батальон к майору Бураку. За мной по пятам шел рядовой Владимир Михайлович Старков, минометчик из 1-го батальона.

— Ты это куда, Старков?

— С вами.

— Зачем?

— Командир послал.

— Ну если послал, пойдем. Ты был в третьем батальоне?

— Был.

— Возьми на всякий случай провод, ночь — как у черта в торбе…

Двинулись дальше. Старков впереди — коренастый, красивый. Я знал его как смелого, прекрасно владеющего оружием минометчика. Как он оказался в ячейке управления, не знаю.

— Смотри, не выпускай провода из рук, а то собьемся…

— Идем точно, — спокойно ответил солдат. — Сейчас будет огневая позиция полковой пушки, а дальше, в лощинке, — командир третьего батальона…

Майор Бурак сидел в неглубоком окопчике, накрытом плащ-палатками. Он доложил, что хочет попробовать несколько улучшить позицию батальона, сблизиться с немцами, чтобы утром удобнее было атаковать.

— Быстрее ворвемся во вражеские окопы.

— А командир полка знает об этом? — осведомился я.

— Знает.

— Тогда действуй.

— У меня все готово.

Майор Бурак ракетой подал сигнал. Сразу же застучали

пулеметы и автоматы, послышались разрывы мин. Немцы, видимо, не ожидали нашей вылазки, поэтому среагировали не сразу. Когда же начали освещать местность и вести огонь, роты 3-го батальона уже сделали свое дело и в нескольких местах даже ворвались в окопы противника, не потеряв при этом ни одного человека. Гвардейцы быстро окопались. Гитлеровцы усилили пулеметно-автоматный огонь. Когда он немного поутих, мы с Бураком прошли по подразделениям и разъяснили солдатам задачу на завтра. То, что с полком будут действовать танки, рождало у всех уверенность в успехе.

Я собрался было в обратный путь, намереваясь хоть немного поспать у себя на НП. Но неприятель опять открыл огонь.

— Давай, Старков, подождем, может успокоятся.

— А я уже и провод взял.

— Полежи. Правда, сыро сейчас.

— А я сел на противогаз.

Сколько ни ждали — огонь не прекращался.

— Пойдемте, товарищ майор, он теперь до утра психовать будет.

— Ну ладно, потопали.

Впереди пробирался Старков, за ним я. Стрельба усилилась, и мы ускорили шаг. Иногда даже делали перебежки. Теперь Старков был рядом со мной. Трассирующая пуля пролетела совсем близко, мне показалось, что сквозь него. Однако Старков продолжал бежать. Вдруг я услышал жалобное:

— Товарищ майор, я убитый…

— Убит, а бежишь? Как же это?

— У меня… У меня изо рта кровь…

Я схватил его под руку.

— Куда попала пуля?

— Не знаю, из горла идет кровь…

— Давай я посмотрю и перевяжу.

Старков присел. У него действительно изо рта шла кровь.

— Снимай противогаз, автомат, бери меня за шею, я тебя понесу.

— Нет, я сам…

— Тогда давай все сюда.

— Я сам…

— Что ты разговариваешь! — Отобрав у Старкова оружие, лопату, я взял его под руку и повел.

Сначала он шел хорошо, потом стал все чаще просить отдохнуть. Кое-как добрели до огневой позиции полкового орудия. Здесь с него сняли верхнюю одежду, подняли гимнастерку: пуля вошла немного ниже правой лопатки и вышла

через правую сторону груди. Бинтовать было очень неудобно, но все же сделали перевязку. Оставив артиллеристам имущество и оружие Старкова, я сначала повел, а потом понес его на полковой НП, откуда его отвезли в санроту полка. Он никуда не хотел ехать из части, даже в медсанбат. Его оставили в санроте, где он и находился до выздоровления.

Утром после непродолжительного артиллерийского налета началась атака. Вслед за двумя КВ и несколькими Т-70 поднялись и устремились к окопам врага стрелковые подразделения. Схватка была короткой. Гитлеровцы не выдержали решительного натиска гвардейцев и откатились назад.

В штаб полка направили первых пленных — шесть или семь человек.

Полк продвинулся на три-четыре километра и снова был приостановлен сильным огнем танков и пехоты врага. Мы потеряли один КВ. Целищев, начальник разведки полка Петр Пантелеевич Сухомлинов и я подошли к подбитой машине: у нее недоставало гусеницы, а в носовой части застрял бронебойный 75-миллиметровый снаряд.

Целищев полез внутрь КВ. За ним последовали и мы с Сухомлиновым. Боекомплект снарядов оказался почти нетронутым, башня вращалась легко, прицел тоже был в порядке.

— Пожалуй, получится неплохой бронированный НП, — вслух подумал я, и мы принялись за дело: затащили в люк телефонный аппарат, связные отрыли возле танка окопы.

Мы видели, что противник производил в глубине перегруппировку: то шли его пехотные колонны, то артиллерия на конной тяге, то бронетранспортеры, а нас держали их танки.

Целищев вертел, вертел башню КВ, потом зарядил пушку и ударил по неприятельской бронемашине. Снаряд лег недалеко от цели. Начальник артиллерии полка выстрелил еще раз. Бронеавтомобиль загорелся.

— Вот это мы! — торжествовал Сухомлинов.

— А ты-то при чем?

— А кто снаряд подавал?

— Мы пахали.

— Не пахали, а стреляли!

И они с Целищевым принялись охотиться за неприятельскими машинами. Но вот в броню ударило что-то тяжелое. Нас оглушило, в лицо брызнули мелкие осколки. Это противник, обнаружив, что КВ действует, обстрелял его. Целищев и Сухомлинов прекратили стрельбу. Замолчали и гитлеровцы. Я приоткрыл люк и окликнул связных и связистов:

— Все ли живы?

В ответ услышал бодрый голос:

— Все в порядке, мы же в окопах, да и ваш танк здорово нас прикрывает.

— Посмотрите, где перебит провод, и соедините, — приказал я.

Связь была восстановлена, и я доложил Палицыну обстановку. Он сказал, что нужно закрепиться. Я передал это распоряжение Бураку и Сазонову. Целищев снова открыл огонь из пушки. Неприятель ответил тем же.

— Брось ты это занятие, — взмолился я, — дай мне возможность перебраться в окоп.

— Что, плохо быть танкистом?

— Не завидую… Чувствую себя, как оглушенная рыба.

Выбраться из танка удалось лишь вечером. Нет, что ни говори, а на земле куда лучше. Наверное, для пехотинца нет брони надежнее, чем окоп.

В штабе нас ожидала новость: оказывается, жители Владимировки среди взятых утром пленных опознали нескольких фашистов, которые сожгли наших солдат и застрелили младшего лейтенанта, выпрыгнувшего в окно. Гитлеровцев судили. За совершенное злодеяние их приговорили к смертной казни через повешение.

В наступательных и оборонительных боях прошел весь февраль.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ

осьмого марта 1944 года после пятидесятиминутной артиллерийской подготовки наши войска перешли в наступление. Снег к этому времени уже стаял, и чернозем превратился в тяжелое липкое месиво. Автомашины буксовали, повозки еле тащились, пехота с трудом передвигала ноги. И все же неведомо откуда брались силы, и царица полей успешно наступала. «Неведомо откуда», — сказал я, но нет, я знаю, откуда брались силы у наших солдат, — мы наступали! Хоть и медленно, как нам казалось, однако продвигались все дальше и дальше, гнали врага, вызволяли из фашистской неволи наших людей, и именно это поднимало дух солдат, удесятеряло их энергию.

Противник неоднократно контратаковал нас, пытаясь застопорить наше продвижение, но каждый раз мы отражали его натиск. По мере приближения к районному центру Новоукраинка сопротивление врага усиливалось.

Впереди, примерно в полутора километрах от нас, виднелся курган со странным названием Могила раскопана. Там вел упорный бой соседний полк. Командир дивизии приказал и нам атаковать эту высоту. Перед курганом расстилалось ровное поле с высокой стерней и кучами прошлогодней соломы. Чуть поближе стояли какие-то копны. Враг вел одиночную стрельбу из винтовок. Откуда? Сколько мы ни наблюдали, обнаружить не удалось.

1-й батальон поротно начал выдвигаться на исходные позиции. Начальник артиллерии полка Николай Дмитриевич Целищев и я находились в это время в 3-м батальоне. Целищев из своего «личного оружия» (45-миллиметровой пушки) принялся бить по копнам. Оттуда выскочили и устремились к кургану неприятельские солдаты. 3-й батальон открыл огонь и многих уничтожил. Однако стоило ему подняться в атаку, как с поля снова послышались винтовочные хлопки. Несколько гвардейцев упали, сраженные фашистскими пулями. Майор Карп Алексеевич Бурак получил ранение в глаз.

Атака высоты с ходу не удалась. Наступил вечер. На фоне темного неба, словно на экране, было видно, как одна за другой проносятся, разбрасывая по ветру огненные хвосты, вражеские

реактивные мины. Казалось, они неизбежно накроют нас. Но вот прогремел очередной взрыв — и все разом стихло.

Мы снова поднялись и двинулись к кургану. Неподалеку от него стояло несколько тридцатьчетверок. Не знаю, по чьему распоряжению были созданы две группы: в каждую входили танк и стрелковое отделение.

Как потом выяснилось, на поле имелись окопы без брустверов. За высокой прошлогодней стерней их не было видно. В этих ячейках укрывались гитлеровцы. Они-то и вели прицельный огонь. Наши танки проутюжили неприятельские окопы.

Ночью мы были усилены минометным полком из Резерва Верховного Главнокомандования, которым командовал майор Цурбанов, тот самый, что командовал у нас минометной ротой в сорок втором году.

После артиллерийского налета подразделения поднялись в атаку. Завязался ожесточенный бой. Со стрелками действовали три САУ-76. Но две самоходки почти сразу подорвались на минах. Несмотря на это, батальоны продолжали двигаться к вершине кургана. Казалось, победа уже в наших руках. Однако атака захлебнулась, и гвардейцам пришлось залечь. Мы чувствовали, что противник обороняется из последних сил. Требовалось небольшое усилие — и наступил бы переломный момент. Но и мы выдохлись. Целищев выставил свои батареи на прямую наводку, расчеты вели огонь почти в упор, а завершить штурм высоты не удавалось. Такая неясная обстановка — не победа и не поражение — сохранялась до второй половины дня. Нужен был какой-то толчок, чтобы бойцы дружно поднялись и смели со своего пути неприятеля.

Я уже говорил, что с нами помимо самоходок действовали танки. Когда стрелковые подразделения залегли, они оттянулись немного назад и находились перед полковым наблюдательным пунктом. Одна тридцатьчетверка, приблизившись к переднему краю, начала маневрировать. Ползала, ползала по склону и вдруг на полном ходу рванулась на высоту. Это было так неожиданно, что гитлеровцы даже не успели среагировать. Стреляя из пушки и давя врага гусеницами, Т-34 выскочил на вершину кургана. Первыми его поддержали артиллеристы Целищева. Один из расчетов быстро выкатил на захваченную позицию орудие. Потом в едином порыве поднялись наши стрелки. Курган был взят!

Тридцатьчетверка тем временем ушла на обратный скат и, как мы узнали после, одержала еще одну победу— уничтожила несколько вражеских минометов с солдатами. Пока экипаж Т-34 занимался этим, из глубины обороны противника выползли три

фашистских танка. Тридцатьчетверка дала задний ход и незаметно спряталась под скирдой соломы. Подпустив неприятельские машины совсем близко, тридцатьчетверка почти в упор расстреляла их.

Командир полка подполковник Василий Семенович Палицын пригласил командира Т-34. Пред нами предстал высокий старший лейтенант с раскрасневшимся, возбужденным лицом. Светло-карие глаза его так и сияли от радости. Палицын выяснил, что отличившийся экипаж входит в состав одного из подразделений 5-й гвардейской танковой армии.

Мы все от чистого сердца поблагодарили танкистов за помощь, которую они нам оказали.

Наш полк снова устремился вперед. К утру мы подошли к населенному пункту, занятому противником, и быстро выбили его оттуда. За селом у немцев был подготовлен оборонительный рубеж с проволочными заграждениями и хорошо оборудованными траншеями в полный рост. Но фашистам не удалось занять их. Гвардейцы опередили.

На этом рубеже 39-й гвардейский стрелковый полк задержался на сутки. Затем вместе с другими частями дивизии продолжал наступать в направлении Новоукраинки.

16 марта соединение вышло к железной дороге и нависло над левым флангом группировки противника, находившейся в Новоукраинке. 17 марта соединения и части 32-го гвардейского стрелкового корпуса штурмом овладели этим населенным пунктом.

За умелые действия и успешное выполнение боевых задач Указом Президиума Верховного Совета СССР 13-я гвардейская стрелковая дивизия была награждена орденом Суворова II степени.

Дальше наш путь лежал на Первомайск. Дороги были буквально забиты брошенной врагом техникой. Издали иной раз казалось, будто подходим к какому-то селению, а вблизи обнаруживали, что это крытые машины. Уж на что Николай Целищев был любитель повозиться с техникой — и то потерял интерес к ней. Приглядывался только к тягачам на гусеничном ходу.

Противник упорно сопротивлялся. На подступах к городу он подготовил оборонительный рубеж. Протаранить его с ходу не удалось, хотя с нами и взаимодействовала кавалерийская дивизия. У конников сороковых годов имелись танки, зенитные орудия и много другой техники. Т-34 у них были самых последних выпусков с длинноствольной 85-миллиметровой

пушкой.

На рассвете 21 марта после артиллерийской подготовки гвардейцы прорвали оборону врага. Одним из первых в Первомайск вошел батальон Михаила Сазонова. В отдельных домах еще находились гитлеровцы. Они оказывали сопротивление. Но передовые подразделения не стали вступать с ними в бой. Не задерживаясь, они устремились к Южному Бугу, чтобы захватить мост и форсировать реку, не дать фашистам закрепиться на противоположном берегу.

Мост уже был разрушен. Взрывали его гитлеровцы, видимо, впопыхах: он всего-навсего осел, и только с противоположной стороны несколько пролетов развалилось. Не успевшие переправиться фашисты бежали вдоль берега вниз по течению реки. Некоторые бросались в весенние мутные воды Буга, пытаясь спастись вплавь. По ним били пулеметы. Продолжалась стрельба и в городе.

— Что будем дальше делать? — спросил Сазонов.

— Готовиться к форсированию. Хорошо бы хоть как-нибудь восстановить мост…

— Сейчас не даст. Вон, видишь? — И Сазонов указал на дот, который прикрывал устье реки Синюхи, впадавшей в этом месте в Южный Буг.

Слева от моста мы заметили еще одну долговременную огневую точку. Обе трехамбразурные. Я сказал Сазонову:

— Организуй сбор лодок у населения. Поищи бочки. Будем делать плоты.

Сазонов отдал приказание Мирошниченко, тот — в роты, и работа по заготовке плавучих средств закипела. К нам пришел капитан Михаил Иосифович Ерофеев.

— Что слышно?

— Думаем с Сазоновым, как форсировать Южный Буг, — ответил я. — Жители говорят, будто на аэродроме много самолетов, не могут подняться из-за грязи. Вот бы их захватить! Пехота захватывает самолеты. Здорово звучит! Не правда ли?

— Опустись на землю, мечтатель!

— На земле, Михаил Иосифович, мы собираем лодки, бочки и все, что можно приспособить для переправы.

Вечером командир полка позвонил мне по телефону:

— Готовьте подразделения к форсированию реки ночью. Что у вас уже сделано?

— Сазонов запасся пустыми бочками из-под бензина, сооружаем из них плоты, нашли две лодки.

— Начальник штаба направляет вам расчет на форсирование по эшелонам.

— А лодки будут?

— Даем четыре малые надувные лодки разведчикам, они прибудут в 1-й батальон.

С наступлением темноты Сазонов послал несколько солдат к мосту измерить глубину реки в том месте, где нет пролетов.

Бойцы вернулись с доброй вестью:

— Там неглубоко, можно пройти вброд.

Это несколько изменило наши планы. Решили начать форсирование в тишине, внезапно: взвод разведчиков на четырех лодках — выше моста, а 1-й батальон под прикрытием мостовых конструкций сперва переправит на лодках группу стрелков. Когда они зацепятся за берег, главные силы пойдут по мосту, а дальше — вброд.

Я решил переправиться вместе с разведчиками. Погода благоприятствовала нам: шел мелкий моросящий дождь. В кромешной тьме точно в назначенный час гвардейцы осторожно спустили на воду надувные резиновые лодки и, бесшумно работая веслами, медленно поплыли к противоположному берегу. Я плыл с командиром взвода. Над рекой стояла тишина: ни выстрела, ни стука, ни всплеска. Время тянулось томительно долго. Наконец лодка мягко толкнулась о берег. Мгновенно все выскочили и устремились к траншее, ведущей к доту. В ней никого не оказалось. Дот тоже был пуст. Рассредоточившись, мы ждали, когда 1-й батальон подаст сигнал, что достиг берега. Внезапно в темноте зазвучала немецкая речь. Голоса приближались. Мы изготовились. Я приказал подпустить фашистов вплотную. Нас было человек восемнадцать-двадцать.

— Приготовиться… Огонь!

Треск автоматных очередей слился с взрывами гранат. В считанные минуты фашисты были уничтожены. Одновременно с нами огонь открыл и 1-й батальон. Разведчики бросились к ближайшим домам. Застигнутые врасплох гитлеровцы не смогли оказать серьезного сопротивления. Очень скоро гвардейцы Сазонова достигли центра города. Мы встретились с ним у здания какого-то института. Его батальон и разведчики овладели основными магистралями. Плацдарм был захвачен, и противник теперь бессилен помешать переправе через реку главных сил.

Сазонов пошел в роты, чтобы организовать оборону занятого рубежа, а я с начальником штаба и разведчиками остался в здании института. Здесь у немцев, видимо, был госпиталь: повсюду валялись одеяла, белье, склянки с лекарствами. Мы очистили для себя несколько комнат на первом этаже и перед зданием отрыли окопы.

Кто-то нашел стеариновые плошки. Зажгли их, занавесив

окна одеялами. Телефонисты, воспользовавшись вторым рейсом разведчиков, протянули через Буг связь, и я доложил обстановку подполковнику Палицыну. Он одобрил наши действия и пообещал прибыть к нам. Я попросил прислать сюда артиллеристов, так как ожидал контратак неприятеля. Только закончил разговор с командиром полка, как раздался звонок Сазонова.

— Помогите, нахожусь на втором этаже с командиром 2-й роты, а в первый этаж ворвались фрицы…

В трубке что-то затрещало, послышались выстрелы, потом взрыв гранаты. Связь прервалась. Взяв взвод разведчиков, я побежал с ними к дому, где дралась 2-я рота. Фашисты уже отходили. Бойцы, развернувшись в цепь, открыли автоматный огонь. Три гитлеровца упали. Приблизились к зданию, в котором находился Сазонов. У входа лежали два убитых гвардейца. Влетели в помещение. Внизу никого не было.

— Сазонов!

— Я здесь! — Михаил сбежал по лестнице со второго этажа.

— Цел?

— Цел. Жалко, двоих наших убили…

— А зачем тебя понесло на второй этаж?

— Хотелось посмотреть, виден ли аэродром.

— Надо было выставить охрану понадежнее.

— Так у меня никого не было, кроме связных, ординарца и телефониста. Двоих оставил внизу. Хорошо, что телефон взяли с собой наверх.

— Командиру всегда нужно быть с людьми. Особенно в населенном пункте нельзя отрываться. Как закрепитесь, похороните погибших.

Отправив прибывших со мной бойцов назад, в здание института, мы с Сазоновым проверили, как закрепляются роты, и вернулись в штаб. Ожидая, что неприятель попытается пробиться в район переправы и отрезать нас от реки, я приказал командиру разведчиков отрыть окопы у изгиба Южного Буга. Еще одну позицию, преграждавшую врагу путь к переправе, мы подготовили на левом фланге батальона, на случай, если гитлеровцы прорвутся в стыке между нашим и 34-м гвардейским стрелковым полком.

Первомайск в основном был освобожден. В руках противника остались лишь несколько улиц и аэродром.

22 марта город был полностью очищен от врага подошедшими частями. Москва отметила эту победу салютом. Указом Президиума Верховного Совета СССР наша дивизия была удостоена второго ордена Красного Знамени. Теперь она стала

именоваться—13-я гвардейская Полтавская ордена Ленина, дважды Краснознаменная, ордена Суворова II степени стрелковая дивизия. Всему личному составу Верховное Главнокомандование объявило благодарность.

Настроение у всех было приподнятое. Ломая сопротивление врага, преследуя его днем и ночью, мы рвались к нашей государственной границе.

2 апреля 13-я гвардейская дивизия наступала в направлении станции Затишье. Батальон Сазонова двигался колонной прямо по полю. По дороге шла артиллерия. Мы с капитаном Ерофеевым верхом на лошадях ехали впереди орудий. К нам пристроились несколько человек из тыловых подразделений, тоже верхом. Левее наступал 42-й гвардейский стрелковый полк. Погода не благоприятствовала нам. Накануне ударил мороз, грязь сковало льдом, образовались кочки, идти было чрезвычайно тяжело. Повозки громыхали, как по булыжной мостовой.

Приблизившись к железной дороге, увидели на путях скопление вагонов. Когда до составов осталось метров триста — четыреста, услышали взрывы.

— Похоже, рвутся гранаты, — заметил я.

— Кто может там быть? — в раздумье спросил Ерофеев.

— Кто его знает… Возможно, разведчики…

— Давай подскочим, может, помочь нужно, — предложил Ерофеев.

— От нас помощь невелика! Два пистолета, да вот у них карабин, — кивнул я на тыловиков. — А впрочем, можно и подскочить.

— Тогда аллюр три креста…

И мы помчались к вагонам. Мать честная — да это же пятидесятитонные бензиновые цистерны! Где-то за ними опять раздались хлопки несильных взрывов — команда гитлеровцев взрывала рельсы.

Ерофеев спрыгнул с лошади и по буферам стал пробираться поближе к фашистам, я последовал его примеру. Когда мы открыли огонь, неприятельские солдаты дали стрекача, а их офицер, подбежав к одной из цистерн, попытался открыть кран. Но не сумел. Тогда он чиркнул то ли зажигалкой, то ли спичкой и поднес ее к застывшему отверстию. По трубке пополз голубой огонек. Ерофеев выстрелил в фашиста из пистолета. Офицер упал. А пламя уже охватило кран. «Если загорится бензин, быть большой беде, — подумал я. — Ведь тут не меньше двадцати цистерн, а в вагонах наверняка имеются боеприпасы». Ерофеев бросился к огню и шапкой погасил его. Вернулись бойцы, которые

преследовали подрывников. Я оставил их в качестве часовых у спасенных цистерн.

— Какие проблемы решаете? — поинтересовался подошедший к нам Сазонов.

— Да так, просто разговариваем, — откликнулся Ерофеев.

— Как будем перетаскивать на ту сторону железнодорожного полотна орудия и повозки? — спросил Сазонов. — Вагоны стоят на многие километры сплошной кишкой.

— Пойдем посмотрим, может, где и найдем разрыв.

Ерофеев отправился в штаб полка, а мы с Сазоновым двинулись вдоль эшелонов. Чего только в них не было! Радиоприемники всех систем, бочки с повидлом и вареньем, мебель, проволока, гвозди, постели, боеприпасы и другое награбленное имущество. Сколько ни шли, «окна» между составами не обнаружили. Попытались сдвинуть вагоны. Кое-как это удалось. Через образовавшийся проход протащили пушки, повозки, провели колонны.

В близлежащем населенном пункте сделали привал, чтобы покормить людей. Сюда прибыли заместитель командира полка по тылу майор Афанасьев, из дивизии — подполковник Чеверда, из корпуса — полковник Андриец. Все они хотели запастись горючим, но на цистерны уже было наложено «вето» работниками тыла армии.

Тем не менее Афанасьев и Чеверда решили непременно наполнить бочки и скатить их под гору, в сторону от железной дороги: если этого не сделать, то автотранспорт дивизии отстанет. Некоторые машины находились еще под Кировоградом, застряли во время распутицы. Нам удалось наполнить и откатить от цистерн какое-то количество бочек.

Погода резко изменилась, подул ветер. Как ни странно, но 2 апреля разыгралась сильная метель. Видимость резко ухудшилась. На землю лег толстый слой снега. Артиллерия, минометы, повозки с пулеметами и прочим имуществом по полю двигаться не смогли. Поэтому было решено направить по целине пехоту, а артиллерию, минометы и повозки — по дороге в полосе наступления 42-го гвардейского стрелкового полка. Иного выхода у нас не было.

Наш полк должен был освободить Марьяновку. Мы с Сазоновым поехали верхом с колонной артиллерии. С дороги хорошо наблюдались стрелковые колонны. Похолодало. На Сазонове был трофейный прорезиненный плащ с пелериной, под ним стеганая телогрейка и обычные синие галифе.

— Что-то зябко, махнем рысью, может разогреемся, — предложил Михаил.

— Поехали, — согласился я.

Лошади пошли побыстрее. Вскоре показалась балка. Она упиралась в другую балку, образуя букву «Т». Прежде чем спуститься в лощину, мы осмотрелись. Слева на буграх я разглядел в снеговом вихре неясные фигуры людей.

— Кажется, фрицы…

— Откуда им быть? — возразил Сазонов. — Ведь тут должен находиться 42-й полк.

— Боя вроде не было.

— За метелью могли и не слышать. Раз противник не удержал станцию и дорогу, будет теперь откатываться дальше.

— Ну, а гражданским лицам что здесь делать в такую погоду?

Мы съехали в балку. Теперь ни мы, ни люди на буграх не видели друг друга. Недоброе предчувствие охватило меня, стало как-то не по себе.

— Подождем артиллеристов, они скоро подойдут, — предложил я. — Честно говоря, не хочется ехать дальше. И так сегодня с Ерофеевым по-дурацки выскочили к составам.

— Да ты, никак, боишься?..

Этот, хотя и заданный в шутку, вопрос стеганул по моему самолюбию.

— Ладно, поедем, только подержи Голубку. Я ненадолго сойду.

Спешившись, я отдал повод Сазонову, который, повернувшись спиной к ветру, стал напевать: «Накинув плащ, с гитарой под полою… не разбужу я сон красавицы моей…» У Сазонова был высокий конь огненно-рыжей масти, а ноги в белых чулках. Моя Голубка — значительно ниже, шерстка у нее с заметной сединой, не отличалась особой красотой. Зато это была очень умная и быстрая лошадь, обученная всем кавалерийским приемам. За скорость солдаты называли ее «мессершмиттом», а Муха говорил:

— Товарищ майор, Голубка вас от любой смерти спасет. Она так разумна, что ей один раз покажи прием, и она повторит. И ест мало. Кармана овса хватает.

Эту убедительную речь в защиту Голубки Андрей Григорьевич Муха произнес, когда я хотел однажды оставить ее, раненную осколками при бомбежке…

Я начал проверять, как затянуты подпруги, словом, копался, чтобы выиграть время, в ожидании, что вот-вот подъедут артиллеристы.

Сазонов нетерпеливо обернулся и отдал мне повод:

— Как хочешь, а я совсем замерз.

Он повернул своего коня и поехал по ложбине вниз. Сев на лошадь, я догнал его, и вскоре мы увидели голубое пятно,

оказавшееся, когда мы подъехали ближе, жилым домом.

— Вот и хорошо, сейчас уточним у жителей обстановку, — сказал как бы в успокоение самому себе Сазонов.

Это был хутор Веселая Балка. У крайнего дома в огороде стояла женщина. Мы подскакали к ней.

— Здравствуйте! Не знаете, кто на бугре, не немцы ли?

Женщина с минуту смотрела недоуменно, потом, обрадовавшись, кинулась к нам.

— Здравствуйте, здравствуйте… — и заплакала: — То фашисты…

А гитлеровцы уже бежали к нам. Уйти назад? Но тогда пришлось бы на виду у врага скакать на гору. Нам ничего не оставалось, как въехать в хутор и, прикрываясь домами, отстреливаться до подхода своей колонны.

— Давай, Михаил, за этот дом! — крикнул я Сазонову.

Голубка легко перемахнула через невысокую изгородь. В момент прыжка стрекотнул пулемет. Еще одна очередь — и пули вжикнули совсем рядом. Я соскочил с лошади: повод — в левой руке, пистолет — в правой. Из-за угла пытаюсь рассмотреть, откуда бьют.

Конь Сазонова лежал перед изгородью, а Сазонов метрах в пяти-шести от меня.

Неприятельский пулеметчик бил с порога дома, в котором Сазонов надеялся уточнить обстановку. Голубка натянула повод, колени ее подогнулись, и она рухнула, вырвав повод из моих рук.

— Михаил, жив?

— Жив… Ранен…

— Куда?

— В бедро.

— Ползи потихоньку ко мне.

— Не могу…

— Поднатужься! Если я выползу к тебе, он сразу откроет огонь.

— Не могу…

Я приблизился к Михаилу, отцепил от кобуры ремень — он был длинный — и бросил его Сазонову. Тот ухватился, и я стал потихоньку тянуть его, отползая к стене дома.

— Давай перевяжу.

— Не нужно, — выдохнул Сазонов. — Быстрее беги в батальон.

— Да ведь тут немцы, разве отсюда выскочишь? Доставай пистолет… Если полезут, будем отстреливаться, а батальон с артиллерией и так должны с минуту на минуту подойти.

— Помоги вытащить оружие…

Пистолет у Сазонова был маленький, словно игрушечный.

В этот момент в хуторе разорвалось несколько мин. Наши! За войну я и во сне научился различать по звуку, какое из орудий ведет огонь. То были 120-миллиметровые мины. Раздались автоматные очереди и взрывы 45-миллиметровых снарядов. Из дома, где был установлен пулемет, выбежало двенадцать вражеских солдат.

Справа появилась еще одна группа немцев. Там завязался бой. Я несколько раз выстрелил из пистолета. К дому, за которым мы скрывались, подбежали с несколькими артиллеристами Целищев и санинструктор 1-го батальона Вера. Она хотела тут же перевязать Сазонова, но он потерял сознание. Мы внесли его в горницу, уложили на лавку, и Вера занялась им. Пришел начальник штаба Александр Васильевич Мирошниченко и доложил, что хутор освобожден и нам приказано здесь закрепиться. Я отдал необходимые распоряжения. Сазонова перенесли на кровать и послали за линейкой на рессорах, чтобы отправить его в медсанбат или же в полковую санроту.

— Тебе лучше, Михаил? — спросил я.

— Дай пистолет…

— Ты сошел с ума! Сейчас отправим в медсанбат, все будет в порядке.

— Нет, это конец.

— Ты же был пять или шесть раз ранен, и каждый раз возвращался к нам, так будет и теперь, — принялся я уговаривать Сазонова. — Потерпи еще немного… Вот, попей…

Ему дали вина, и он успокоился.

Полковые связисты установили телефон. Когда я доложил обо всем, что произошло, командиру полка, тот отчитал меня за эту вылазку. А мне и без того было тошно: не удержал Сазонова, и вот расплата…

— Иван Иванович, подойди сюда, — тихо позвал Сазонов.

— Что, опять пистолет? Не получишь…

— А Тоню наповал… Хорошо, хоть не мучилась… — заговорил он вдруг об Антонине Гладкой, и я вспомнил о давнишнем разговоре с ней, когда она просила совета выходить ли замуж за Михаила. А теперь уж и ее не стало, и в Михаиле жизнь едва теплилась, и в самый трудный свой час он думал о ней.

Пришла линейка. Мы положили на нее перину, подушки и бережно перенесли Михаила. Завернули его потеплее, стали прощаться.

— Ну, Миша, выздоравливай побыстрее и обязательно возвращайся к нам. Пиши из госпиталя.

— Мертвые не пишут.

— Да выбрось ты из головы эту глупую мысль! — вскипел я. — За жизнь нужно бороться, а ты говоришь так, словно тебя уже нет в живых.

— Мне очень плохо…

Линейка увезла Сазонова.

…Отчетливо помню тот злосчастный день и разговор с командиром дивизии, который перед отъездом с хутора подозвал меня и поинтересовался, как был ранен Сазонов. Я ему все рассказал, как на духу.

— Ты уже не мальчик, а заместитель командира полка, — заметил генерал Бакланов. — Пора уяснить, что командуют боем командиры до роты, а начиная с батальона — управляют боем. Вот и потеряли лучшего в дивизии комбата.

— Виноват, товарищ генерал.

Бакланов все время смотрел прямо мне в глаза, и я, чувствуя свою вину, опустил голову, кляня себя в душе за браваду, которая так дорого обошлась нам.

— Голову опускать нечего, впереди еще много дела, а на будущее учти.

— Есть!

— Сазонову сделали операцию, ему стало легче. Вечером поезжай к нему, возьми с собой чего-нибудь повкуснее, заверни в штаб дивизии за письмом, я ему напишу. Машину даст командир полка.

Генерал уехал.

Вечером на машине Палицына я поехал к Сазонову. В темноте разыскал населенный пункт, где должен был находиться медсанбат, но он уже свернулся и уехал отсюда. Мне сказали, однако, что часть раненых еще здесь и ждет эвакуации в госпитали. Я стал расспрашивать жителей, не знают ли они, где лежит раненый капитан. Мне указали на хату, где будто бы был какой-то капитан. Постучался. Долго никто не открывал. Затем женский голос спросил:

— Кто там?

— Свои. Скажите, не у вас ли лежит раненый капитан?

— У нас.

— Откройте, пожалуйста…

Дверь открыла хозяйка хаты. Ко мне метнулась Вера и горько заплакала: капитан умер.

— Где он?

— Здесь…

Потрясенный несчастьем, я вошел следом за хозяйкой и Верой в горницу. Михаил Александрович Сазонов лежал на

широкой лавке в чистой отутюженной форме. Я оторопел, зачем-то положил к рукам Михаила конверт с уже ненужным письмом генерала Бакланова и сел в ногах.

Не стало еще одного героя, ветерана полка, а ведь победа уже близка…

Бакланов приказал мне организовать и провести похороны. На следующий день, сопровождаемый небольшим оркестром, почетным караулом и эскортом, Миша Сазонов отправился в последний путь. Он похоронен на станции Затишье в привокзальном сквере недалеко от перрона, под сенью трех деревьев. Выбирая место, мы хотели, чтобы оно было на виду, чтобы люди ухаживали за этой священной могилой и чтили светлую память об отважном офицере-гвардейце, кавалере многих орденов.

Преследуя противника, наш полк 12 апреля вышел к Днестру в районе Ташлыка. Мы получили пополнение, и снова у нас вместо одного батальона стало три. Правда, третий еще не был обмундирован и находился в тылу.

В подготовке к переправе через реку незаметно пролетели сутки. К вечеру провели рекогносцировку. Плацдарм на противоположном берегу Днестра уже был захвачен частями другой дивизии. Переправляться туда полк начал во второй половине следующего дня. С 1-м батальоном, которым теперь командовал Мирошниченко, переправился и я. Со мной был секретарь комсомольской организации полка лейтенант Александр Николаевич Шалупенко, смелый и скромный офицер. Все, что нужно, он делал самым добросовестнейшим образом. Целищев остался на переправе и был занят переброской артиллерии.

Полку предстояло расширить плацдарм, наступая в направлении Пугачени и далее, на днестровские кручи. Занимаемый нами пятачок пока ограничивался поймой реки, покрытой кустарником и невысокими деревьями.

Когда батальон выходил на исходный рубеж, Шалупенко сказал, что меня просит подойти подполковник Харитонов (бывший наш командир полка); его окоп находился в кустарнике.

— Здравствуйте, Александр Данилович!

— Иван Иванович, помоги, — попросил Харитонов. — Мне сейчас доложили, что близ окраины села Пугачень накапливаются гитлеровцы. Там их уже более двухсот человек. Если они пойдут в контратаку, отражать нечем.

Наши задачи совпадали. Мы готовились атаковать противника как раз на этом направлении. Единственное, что нам

требовалось; это поддержка артиллерии: наша еще не переправилась.

— Попробую дать такую команду, — пообещал Харитонов.

Тем временем батальоны, с ходу атаковав и разгромив противника у Пугачени, очищали кустарники и лес. Слышались автоматные и пулеметные очереди, изредка взрывались гранаты. Никого не было видно, бой и продвижение подразделений угадывались только по выстрелам. Помогая друг другу, шли к переправе раненые.

Уже стемнело, когда батальоны, прочесав окрестность, расположились на большой поляне. Появилась полковая артиллерия во главе с Целищевым и саперы под командованием Кулешова. Здесь я встретился со своим земляком майором Вишневским — командиром батальона из 97-й гвардейской стрелковой дивизии. Он сказал мне, что связи ни с кем не имеет и намерен взаимодействовать с нами. Я доложил об этом командиру своего полка.

Перед нами высились обрывистые, почти отвесные кручи, забраться на которые не представлялось возможным. Послали разведчиков поискать проходы. Дорога была найдена, и все три батальона и артиллерия двинулись по ней. Под утро овладели небольшим населенным пунктом и стали закрепляться.

Когда рассвело, мы увидели левее себя незнакомых нам солдат. Оказалось, это одна из частей 3-го Украинского фронта (мы входили в состав 2-го Украинского фронта). Потеснив неприятеля, наш полк занял часть господствующих высот и в течение дня улучшал свои позиции.

Меня вызвал генерал Бакланов и поставил задачу: утром 16 апреля перейти в наступление, разгромить противостоящего противника и овладеть холмом, который вытянулся по фронту более чем на километр. С нами должен был наступать танковый батальон. Атаку, предупредил Бакланов, предварит двадцатиминутный артиллерийский налет. Левее будет наступать 42-й гвардейский стрелковый полк.

От Бакланова я поехал к командиру танкового батальона. У него в строю было пятнадцать или шестнадцать тридцатьчетверок. Мы договорились о совместных действиях, сигналах, сверили часы. После этого я отправился к артиллеристам уточнить порядок арт-обеспечения завтрашнего наступления. Командира 32-го гвардейского артиллерийского полка подполковника И. А. Агеева и его заместителя застал на НП, и мы также быстро решили все вопросы, связанные с взаимодействием. Комбатам был отдан приказ к утру незаметно сблизиться с противником и занять рубеж атаки.

Теперь можно было хотя бы час-другой поспать. Мы с Шалупенко, Целищевым и связистами разместились в немецком блиндаже, в котором оказалось полным-полно одеял, шинелей и прочего барахла. Лег и сразу, как убитый, заснул, наказав перед тем телефонисту, чтобы разбудил в 4.00. А если прибудет командир полка — немедленно.

Поспать пришлось мало. От дурного сна подхватился и больше уже не ложился. Скоро должна была начаться артподготовка, и я отправился на НП к артиллеристам. Там находились и Николай Дмитриевич Целищев, и командир истребительно-противотанкового дивизиона Иван Григорьевич Розанов, которому, кстати, вскоре было присвоено звание Героя Советского Союза.

— Пехота готова? — спросил, улыбаясь, Агеев.

— Пехота всегда готова, надо только, чтобы бог войны проложил ей путь.

— Постараемся. Все пристреляно, ждем сигнала.

Когда все готово, последние минуты тянутся особенно долго. Наконец загремели залпы. Снаряды ложились точно в расположении противника. Постепенно все вокруг заволокло дымом и пылью. Затем пошли танки, поднялись стрелковые подразделения. Все действовали дружно, напористо. Гитлеровцы не выдержали натиска, попятились.

— Ну, друзья, — сказал я артиллеристам, — мы поехали вперед, сопровождайте огнем.

Мой водитель Гриша подал мотоцикл. Я сел в коляску, в которой был установлен спаренный трофейный пулемет, стрелявший патронами от автомата и парабеллума. Целищев устроился сзади водителя. Сиденье на моем БМВ было плохонькое. Гриша обшил его куском малинового бархата, и оно не очень-то гармонировало с общим видом боевой машины.

Бой складывался удачно. Пока отходившие гитлеровцы не закрепились на высоте, надо было завладеть ею и лишить противника возможности контролировать прилегающую к ней местность. В свою очередь нам это позволило бы скрытно сосредоточить войска и технику для последующих ударов.

Неприятель изо всех сил старался оторваться от наших подразделений. Вот он откуда-то справа обстрелял тридцатьчетверки. Они остановились и стали маневрировать перед высотой. Это грозило сорвать наш замысел.

Мы с Целищевым, обгоняя стрелков, помчались к командирскому танку.

— В чем дело? Почему не атакуете высоту?

— Впереди противотанковый ров.

— В нем есть проход!

— Он наверняка заминирован, а саперов нет.

Действительно, полковых саперов здесь не оказалось. В этот момент вблизи тридцатьчетверок начали рваться снаряды. Мы с Целищевым стали наблюдать и по еле заметным облачкам дыма определили, что огневые позиции вражеских орудий располагались на скошенном поле.

Целищев сориентировал командира танкового батальона. Тот направил туда три машины. Медленно продвигаясь вперед, тридцатьчетверки стреляли из орудий по фашистским расчетам. По огневым позициям гитлеровцев с правого фланга ударил и наш станковый пулемет. Пушки противника замолчали. Уцелевшие гитлеровцы бросились врассыпную.

Я вернулся к танкистам и стал уговаривать их атаковать высоту, не дожидаясь, пока прибудут саперы и проделают проходы. По дороге через ров совсем недавно кто-то прошел, об этом свидетельствовали свежие следы.

— Товарищ капитан, дорога каждая минута, — продолжал я настаивать на своем. — Если не займем высоту, то и здесь не удержимся.

— Из машин плохо видно. Можно завалиться в ров.

— Хорошо. Мы с начальником артиллерии поедем на мотоцикле впереди, а вы за нами. Договорились?

— Ладно.

Мы направились к проходу. Во рву я увидел командира 1-го батальона Мирошниченко.

— Быстрее веди своих на высоту. Смотри, вон слева 42-й гвардейский стрелковый полк уже опередил нас.

— Сейчас подтянутся остальные.

— Ориентируйся на передовых, а не на отстающих.

Мирошниченко выбрался из укрытия и повел подразделение к холму.

Мы с Целищевым медленно ехали на мотоцикле. За нами метрах в тридцати лязгали гусеницы танка. Целищев сидел на малиновом сиденье и обеими руками держался за ручку. Не знаю, о чем думал он, а меня неотступно преследовала мысль: «Что, если и впрямь дорога заминирована?» Но пока никто не подорвался. Проехали сто, сто пятьдесят метров… Как будто все в порядке. Тогда мы прибавили скорость, танки тоже. Они стали обгонять нас. Тут нам бы и вернуться назад или остановиться, но мы почему-то продолжали ехать следом за танкистами. Пехота ровными цепями поднималась по скату вверх. Вот несколько тридцатьчетверок уже на высоте. Остановившись и опустив стволы пушек, они стреляли почти в упор.

Слева у дороги стоял какой-то памятник в виде скорбной мадонны.

— Гриша, давай за этот крест, — сказал я водителю.

Но маневр выполнить не удалось: колесо мотоцикла влетело в траншею. В ней мы увидели немцев.

— Товарищ майор, фрицы, — почему-то шепотом сказал Гриша.

Целищев по-прежнему невозмутимо сидел в своем седле. «Влипли», — пронеслось у меня в голове. Пистолет в кобуре, гранаты в коляске, магазины с патронами там же. Смотрю, не мигая, на фашиста. Каска обтянута куском материала, выдранного, видимо, из плащ-накидки. Не брит, мундир заляпан грязью. Если потянусь за пистолетом или гранатой, он, конечно, выстрелит. Но нет! Сначала робко, а потом как будто окончательно решившись, немец поднял руки. Я скосил глаза вправо и увидел еще несколько поднятых рук. В это время подъехал танк. С него спрыгнули и подбежали к нам полковые разведчики.

— Заберите пленных, — медленно произнес я, боясь, что сорвется голос. В горле все пересохло, язык стал шершавым, как наждак.

Когда бойцы увели гитлеровцев, мы вытащили мотоцикл и той же дорогой покатили назад. Батальоны к этому времени уже достигли гребня высоты. Задача была выполнена. Теперь оставалось закрепиться и подготовиться к отражению контратак.

В том, что противник попытается выбить нас оттуда, я не сомневался. Тем более что над нами уже появились первые группы фашистских бомбардировщиков. Они обрушили свои удары на танки. Здесь я впервые увидел модернизированный Ю-87. У него была длинная пушка и, пикируя, «юнкерс» бил из нее довольно точно. Некоторые наши машины загорелись. Затем показались «Фокке-Вульфы-190». Наши зенитчики сбили несколько вражеских самолетов. Вскоре, однако, у артиллеристов кончились снаряды.

Подошли подполковник Агеев и майор Розанов. Они решили оборудовать общий НП и выбирали для него место. Отрыв несколько щелей, подтянули связь. Тут же неподалеку занял огневые позиции противотанковый дивизион.

Комбаты доложили, что перед высотой накапливается пехота противника. Я снова поехал к холму, на этот раз один, так как Целищев занялся установкой полковых орудий и минометов.

Действительно, гитлеровцев набралось уже немало. Они двинулись на наши позиции. Их подгонял какой-то офицер, челноком сновавший на бронемашине позади цепи. Подпустив

поближе, гвардейцы открыли по неприятелю ружейно-пулеметный огонь. Цепь сломалась. Вражеские солдаты кто упал, кто стал окапываться. Некоторые побежали. Потом все они скрылись в лесопосадке.

Мирошниченко просил ускорить пополнение боеприпасами, и я вернулся на НП. Спросил Агеева, не знает ли он, где командир нашего полка.

— Не знаю, — последовал ответ.

Я поехал в штаб полка.

Авиация противника обстреливала и бомбила дороги. Вдруг до моего слуха донесся свист. Обернулся, смотрю — из окопа поднялся адъютант генерала Бакланова и машет мне: мол, подойди. Подбежал: здесь же и генерал. Только было начал докладывать о выполнении задачи, как он перебил меня:

— Все видел сам. Ты куда?

— Товарищ генерал, хочу передать своим, чтобы побыстрее подбросили…

— Этим уже занимаются там, на переправе, — снова перебил меня Бакланов. — Где твой «виллис»?

— На той стороне.

— Распорядись, чтобы прислали мне. Мой — вон, видишь? — догорает.

Я повернул к НП. Какая-то девушка бросилась наперерез мотоциклу, Гриша резко затормозил.

— Здравствуйте, товарищ майор!

— Здравствуй, красавица! Ты что остановила меня, чтобы поздороваться?

— Да нет, — зарделась она. — Вы не видели случаем подполковника Агеева?

— Видел, а что?

— Везла ему обед, а попала с ездовым под бомбежку. Лошадей побило, а подполковник голодный.

— Садись в коляску со своими кастрюлями, сейчас накормишь своего командира.

— Спасибо…

И вот мы на НП.

— Товарищ подполковник, обед прибыл, — в шутливой форме доложил я.

В мое отсутствие на НП приехал полковник из штаба армии, и Агееву пришлось разделить свою трапезу на четверых. С обедом была доставлена фляга виноградного вина. Мы выпили, поели, закурили.

День клонился к вечеру, когда наконец обеспечили связь со штабом полка. Я попросил ускорить доставку боеприпасов.

Несколько «фокке-вульфов» принялись штурмовать зенитную батарею, что стояла рядом с НП, и нам пришлось спуститься в окопы. Едва кончился этот налет, как снова прилетели неприятельские самолеты и стали бомбить нас. Все прижались к земле… Наконец вражеские машины улетели.

— Гриша, Гришка, где ты, черт бы тебя побрал!

Водителя рядом не было. Я побежал к кустам, где стоял мотоцикл.

С гребня холма покатилась вниз вражеская пехота. На беду, мой мотоцикл заглох. Я сделал несколько попыток завести его — безуспешно.

«Неужели кончился бензин?» — подумал я. Заглянул в бензобак — пусто. Достал из багажника запасную канистру. Из нее через пробитые пулями отверстия струйками вытекал бензин. Остатки залил в бак. Горючее попало на горячие цилиндры, и машина вспыхнула. Я попробовал землей сбить пламя.

— Поторопитесь, а то немцы близко, — предостерег подбежавший ко мне старший сержант Николай Федорович Кириллов.

— Помоги погасить, сейчас поедем.

Вдвоем сбили пламя.

— Садись!

Кириллов в мгновение ока очутился в коляске, а я, поставив на педаль правую ногу, начал заводить мотоцикл. В этот момент ногу что-то сжало и дернуло. Ранен… В бедре сильно запульсировало, в сапог потекла кровь. Я прислонился к сиденью, вынул из кобуры двадцатизарядный трофейный пистолет.

— Кириллов, приготовься!

— У меня только наган.

— И это хорошо.

— Давайте побежим, наши-то все ушли, мы одни остались.

— Я ранен в правую ногу, наверное, идти не смогу.

— Попробуйте, я подсоблю вам.

Мне казалось, если я встану твердо на ногу, она переломится. Оглянулся. Неужто конец?.. Прямо на нас бежали трое фашистов — нас разделяли какие-нибудь сто метров, — основная цепь гитлеровцев находилась еще далеко, метрах в четырехстах.

— Кириллов, слева противник… Огонь!

Вражеские солдаты замедлили шаг.

Кириллов из-за мотоцикла стал стрелять — один упал. Я тоже открыл огонь: упал еще один фриц. Кто из нас его сразил, не знаю. Последний, третий, вскинул карабин, но мой выстрел упредил. Фашист уронил оружие, колени его подломились, и он упал. Я встал, сделал несколько шагов: нога не сломалась. В

сапоге хлюпало, перед глазами поплыли разноцветные круги, видимо, я закачался, потому что Кириллов подхватил меня и, опасаясь, что упаду, все время твердил:

— Товарищ майор, потерпите еще чуточку, добежим до своих, сделаем перевязку.

Вскоре мы добрались до петеэровцев. Силы мои иссякли, голова кружилась. Ко мне подошел старший лейтенант, командир роты ПТР.

— Я помогу вам.

— А рота?

— У меня в спине пять осколков…

И он с Кирилловым повел меня дальше. Противно вжикали пули, но мне все уже было безразлично…

— Дойдем до кустов, перебинтуйте, — попросил я. — Индивидуальные пакеты в карманах шинели.

— Хорошо…

Подойдя к кустам, где раньше стоял мотоцикл, я опустился на землю. Кириллов начал по шву рвать мои брюки.

— Рви, как рвется, чего прицеливаешься?..

Он дернул — и я увидел на внутренней стороне правого бедра огромную рану. Кровь сочилась не переставая. Кое-как двумя большими пакетами перевязали. Встать я не смог. Старший лейтенант подозвал двух солдат, меня положили на плащ-палатку и понесли. Несли почему-то ногами вперед, поэтому мне видно было, что делается у нас.

— Что, Исаков?

— Ранен, товарищ генерал.

Как долго продолжалось бы это «путешествие» и насколько благополучно закончилось бы оно, не знаю, если б не Гриша и не Зоя Ивановна Зырянова, неведомо как узнавшие о моем ранении. На «виллисе», который дал Зое майор Розанов, они подъехали к нам. Меня усадили на переднее сиденье рядом с шофером, раненый старший лейтенант, который помогал мне, сел сзади, и машина помчалась к переправе. Только когда мы миновали зону ружейно-пулеметного огня, шофер сбавил газ. Мне ужасно хотелось пить. На сиденье образовалась лужа крови. Правой рукой я провел по ноге.

— Зоя, у меня там еще одна дырка…

Шофер остановился. Была забинтована и эта рана. Поехали дальше.

На берегу Днестра я увидел Кузьмича. Здесь как раз переправлялись тыловые подразделения нашего полка.

— Дай попить, — попросил я Кузьмича.

Он повертелся, никакой посудины под руки не попалось.

Тогда Кузьмич зачерпнул из реки воду шапкой и подал мне. Я с жадностью напился.

Машина въехала на паром. Я попросил офицера дивизионного саперного батальона вне всякой очереди переправить «виллис» назад, чтобы машина могла скорее вернуться к орудиям.

Меня доставили в Ташлык, где в здании школы разместился наш медсанбат, почти тотчас же положили на операционный стол.

— Позови, пожалуйста, Баранчеева, — попросил я сестру.

Я верил в Володю Баранчеева, как в бога, мне казалось, что он может сделать даже невозможное.

Но ко мне вместе с Володей подошел мой тезка ведущий хирург Иван Иванович Глущенко.

— Ну что, Иван Иванович, и ты к нам?

— Принесла нелегкая…

— Ничего, сейчас подремонтируем.

— Только не вздумайте ампутировать! Я на раненой ноге уже пробежал метров четыреста.

— Да у тебя, друг, совсем превратное представление о нас! Пойду-ка готовиться. — И он ушел.

— Володя, — умоляюще посмотрел я на Баранчеева, — сделай операцию ты, прошу тебя.

— Во-первых, Иван Иванович, здравствуй, а во-вторых, не бойся. Все будет хорошо! А мне неудобно… Только что сменился, понимаешь?

Я лежал на операционном столе. Авиация противника начала бомбить Ташлык. С потолка посыпалась побелка, зазвенели стекла. Мне вспомнилась гибель майора Касатова. В медсанбате ему удаляли мучивший его фурункул, а самолет сбросил бомбу, и он был смертельно ранен осколками, находясь на операционном столе.

— Иван Иванович, — попросил я доктора Глущенко, — вынесите меня куда-нибудь в укрытие, а то ведь добьют здесь.

— Наркоз!

Девушка во всем белом положила мне на нос и рот влажную марлевую салфетку. Я несколько раз вдохнул и больше ничего не чувствовал.

Так 16 апреля 1944 года закончилась для меня война.

Лежа на госпитальной койке, я с нетерпением ждал писем со штампом нашей полевой почты, затаив дыхание, слушал сообщения Совинформбюро и отмечал на карте города, занятые войсками 1-го Украинского фронта, в состав которого была включена и 13-я гвардейская дивизия.

Мысленно я шел вместе со своими боевыми товарищами по дорогам войны.

39-й гвардейский стрелковый полк вел ожесточенные бои на Сандомирском плацдарме, участвовал в наступательной операции в Польше. Форсировал Одер, Нейсе, Шпрее, штурмовал Дрезден.

А 9 мая 1945 года гвардейцы 39-го стрелкового полка вместе с другими частями 13-й гвардейской Полтавской ордена Ленина, дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии торжественно промаршировали по ликующим улицам освобожденной столицы Чехословакии Праге.

notes

Примечания

1

КУКС — Курсы усовершенствования командного состава.

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

И. И. Исаков

Командиры мужают в боях

Цена 62 коп.